

ISSN 0236-3100

REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI

МОЛДАВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Anul II

1991

2 (6)

Academia de științe a Republicii Moldova

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A REPUBLICII MOLDOVA
Institutul de istorie

REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI

МОЛДАВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2 (6) 1991

aprilie—iunie

Revistă științifică
Fondată în 1990
Apare de patru ori pe an
în limbile română și rusă

CHIȘINAU «ȘTIINȚA» КИШИНЕВ, 1991

COLEGIUL DE REDACȚIE

*Vladimir I. Țaranov (redactor-șef),
Demir M. Dragnev (redactor-șef adjunct),
Valeriu M. Opincă (secretar responsabil),
Leonid E. Bulmaga, Nicolai N. Cervencov,
Eugeniu E. Certan, Valentin A. Dergaciiov, Andrei I. Eșanu,
Ion I. Jarcuțchi,
Artiom M. Lazarev, Ion T. Niculiță,
Pavel V. Sovetov, Chiril V. Stratievski*

Articolele se publică în redacția autorilor

STUDII ИССЛЕДОВАНИЯ

Gheorghe Cojocaru

CU PRIVIRE LA PROBLEMA ADUNĂRII CONSTITUANTE ÎN BASARABIA ÎN ANUL 1917 (1)

În presa periodică din ultimii ani¹ s-au făcut mai multe încercări de a revalorifica tema Adunării Constituante a întregii Rusii și, cu toate că polemica iscată în jurul acestei probleme nu este nici pe departe terminată, cel puțin unul din scopurile urmărite a fost atins — a fost trezit interesul publicului larg față de această chestiune. Lucru, de altfel, firesc în condițiile actuale, când tindem să demolăm regimul totalitar-autoritar pentru ca societatea noastră să revină în albia normală a vieții libere și democratice. În acest sens orice experiență istorică, orice posibilitate, fie și ratată, de realizare a principiilor democratice în viață necesită o studiere și o analiză minuțioasă. În afară de unele recomandări practice posibile, care, evident, nu pot fi puse în seama unui simplu cercetător, studierea aprofundată a temei Constituantei întregii Rusii ar contribui la scoaterea din circulația științifică a unor teorii false și la restabilirea adevărului istoric, fără cunoașterea căruia nici un popor, nici o națiune nu poate fi sănătoasă din punct de vedere moral și spiritual.

Problema Constituantei în Basarabia n-a fost printre tradiționalele preocupări ale istoricilor din republică. Or, trecerea cu vederea, intenționată sau întâmplătoare, sau în alte cazuri, parcurgerea fugitivă a temei este și ea o modalitate de a dosi adevărul de ochii lumii.

Sarcinile pe care le are un cercetător care se adresează acestei teme constau în determinarea locului pe care l-a ocupat ideea Constituantei în viața social-politică a Basarabiei în anul 1917, caracterizarea forțelor care s-au încadrat în campania preelectorală, analiza coraportului stabilit în urma alegerilor în Adunarea Constituantă. Dificultatea principală cu care ne-am ciocnit în procesul muncii a fost lipsa materialului de arhivă. Iată de ce am fost nevoiți să ne limităm doar la studierea ziarelor din acea perioadă, fapt care ar putea genera unele dubii referitor la seriozitatea investigațiilor științifice.

Dar sperăm, totuși, că, servindu-ne doar de relatările din presă, am sesizat în linii mari, pe cât a fost posibil, realitatea zilelor de atunci, am interpretat corect evenimentele.

După revoluția din februarie 1917 lozinca Adunării Constituante, înaintată în prima revoluție rusă, a revenit din nou la ordinea zilei.

Enunțată oficial de către Guvernul Provizoriu în luna martie, ideea convocării Adunării Constituante a întregii Rusii a fost acceptată de toate păturile sociale din fostul imperiu țarist. Societatea nutrea speranța că Adunarea Constituantă aleasă în mod democratic în baza sufragiului universal, egal, secret și liber va fi unicul organ legislativ cu adevărat împuternicit să soluționeze problemele cardinale ale timpului: problema păcii, cea a pământului, principiile organizării statale etc. Dar în atmosfera efervescentă a anului 1917 care ar putea fi considerat o perioadă de trecere de la autocrație la democrație, ceea ce însemna, de fapt, producerea unui salt calitativ uriaș, se cereau și mari eforturi administrative, organizatorice, legislative din partea puterii provizorii de stat, care din anumite cauze obiective și subiective nu întotdeauna reușea să meargă în pas cu cerințele societății.

În Basarabia, care pînă la prăbușirea țarismului practic era marginalizată în viața politică a imperiului, după revoluția din februarie, grație prezenței trupelor militare în gubernie, activității muncitorești și prin osîrdia intelectualilor băștinași se crează soviete de deputați ai muncitorilor, soldaților, țăranilor, se înfiripă secții locale ale partidelor, apar noi formațiuni politice, diverse uniuni profesionale, culturale, de binefacere etc. Aceste noi organe și organizații se deosebeau prin programele lor, prin viziunea asupra dezvoltării evenimentelor, prin metodele lor de muncă, însă toate forțele mai mult sau mai puțin afirmate pe arena vieții publice din ținut aveau ca reper Adunarea Constituantă. În presă se dădeau explicațiile de rigoare, pentru ca populația să priceapă sensul și menirea adevărată a Constituanței. «Această Adunare va fi singurul așezămînt dătător de legi pentru așezarea formelor nouă de viață și a tuturor rînduielilor în țară și numai după ce își va aduce hotărîrile se vor schimba toate rînduielile în țară și se va fi hotărît și treaba pămîntului», — se adresa, de exemplu, ziarul «Cuvînt Moldovenesc» către țăranimea din Basarabia².

Însă în primăvara și vara anului 1917 problema Constituanței, din cauza tergiversărilor în problemele elaborării legilor corespunzătoare, nu figura încă printre preocupările cele mai arzătoare.

Intenționînd să construiască un stat bazat pe lege, Guvernul Provizoriu a început să-l ridice de jos în sus, adică de la formarea organelor locale la cele centrale. Alegerile în Dumele orășenești și în zemstve, care în Basarabia s-au desfășurat pe data de 15 august, erau privite ca o repetiție a viitoarelor alegeri în Constituantă, iar crearea unor organe locale de conducere democratică — ca o premisă necesară pentru organizarea unor alegeri echitabile în înalta Adunare³. La aceste alegeri au participat în Chișinău 27 385 alegători din cei 57 347⁴, iar numărul de mandate în Duma orășenească a fost distribuit astfel: lista nr. 7 (blocul partidelor socialiste) — 60; nr. 9 (Uniunea parohiilor creștine) — 13; nr. 2 (Organizația sionistă) — 11; nr. 13 (Organizația moldovenească unită) — 6; nr. 1 (Partidul libertății poporului) — 6 ș. a.⁵.

Succesul reputat de gruparea organizațiilor socialiste în alegerile în Duma orășenească (15 109 voturi) din centrul provinciei putea fi interpretat și ca un pronostic aproximativ al rezultatelor luptei pentru Adunarea Constituantă, însă, totodată, și absența a circa 30 000 de alegători la urnele de votare nu putea să nu constituie un prilej de meditație. În unele localități din gubernie alegerile autorităților locale nu s-au efectuat la timp, din lipsă de organizatori, fapt ce pune în pericol și alegerile în Constituantă, fixate definitiv, printr-o hotărîre a Guvernului Provizoriu din 9 august, pentru ziua de 13 noiembrie, iar convocarea multășteptatei Adunări — pentru ziua de 28 noiembrie 1917.

Încă în martie Guvernul Provizoriu a luat decizia despre crearea unei comisii speciale — Consfătuirea Specială (din specialiști în domeniile dreptului statal, statisticii, din activiștii curentelor politice principale) — în sarcina căreia a fost pusă elaborarea proiectului Regulamentului pentru alegerile în Constituantă⁶. Regulamentul pentru alegerile în Adunarea Întemeietoare a stabilit cenzul de vîrstă pentru populația civilă — de 20 de ani, pentru militari — de 18 ani. De dreptul de vot se bucurau toți cetățenii de vîrstă respectivă fără deosebire de sex, confesiune, rasă, cu excepția bolnavilor mintal, surdomuților, dezertorilor ș. a. Conform datelor statistice aproximativ 100 000 de alegători alegeau un deputat⁷. Tot teritoriul a fost împărțit în 73 de circumscripții electorale civile, care trebuiau să trimită în Adunarea Constituantă 700 de deputați. Regiunile ocupate de trupele germane li s-au rezervat 30 de locuri, iar celor 8 circumscripții militare — 125⁸.

Gubernia Basarabia a fost desemnată într-o circumscripție aparte, în care alegerile urmau să se desfășoare în baza reprezentării proporționale.

În vara anului 1917 a fost alcătuită o comisie centrală, în fruntea că-

reia Guvernul Provizoriu l-a numit pe F. F. Cocoșchin, secretar fiind desemnat N. N. Avinov⁹. Misiunea acestei comisii consta în a pregăti și organiza alegerile în Adunarea Constituantă.

La sfârșitul lunii septembrie la Chișinău a început să activeze comisia electorală de circumscripție, președinte al căreia a fost numit L. E. Sițin-schi. În corespundere cu indicațiile acestei comisii comisarii de județe trebuiau să creeze comisiile electorale județene compuse din câte doi judecători și câte doi membri ai cîrmuirii orășenești și județene. Sarcina principală a comisiilor de județ consta în divizarea județelor în sectoare electorale, în asemenea mod încît în fiecare sector să fie cuprinși câte 2000 de alegători. Funcțiile comisiilor electorale de sector trebuiau să fie preluate de aceleași comisii, care au organizat și alegerile locale¹⁰.

Listele alegătorilor urmau să fie întocmite pînă la data de 3 octombrie, ca apoi pînă la 10 octombrie să fie expuse în sectoarele electorale, pentru ca cetățenii să ia cunoștință de ele.

Listele militarilor trebuiau să fie prezentate pînă la 1 octombrie¹¹.

În scurt timp au început să funcționeze comisii electorale județene la Bender, Bălți, Akkerman, Ismail, Soroca, Orhei, Hotin și Chișinău.

La dispoziția comisiei electorale de circumscripție au fost puse 25 de mii de ruble și 2 vagoane de hîrtie, mijloace insuficiente pentru necesitățile unei gubernii cu aproximativ 1 520 000 de cetățeni cu dreptul de vot¹². Restul cheltuielilor trebuiau făcute din contul organelor de autoconducere locală, guvernul îndatorîndu-se să restituie apoi 75% din fondurile sale¹³.

Basarabiei i-a revenit să delegheze în Adunarea Constituantă 13 deputați. Conform Regulamentului, fiecare 100 de alegători avea dreptul să înainteze în alegeri o listă proprie cu 13 candidaturi. Aceste liste trebuiau să fie prezentate comisiei electorale de circumscripție pentru înregistrarea oficială nu mai tîrziu de 13 octombrie¹⁴.

Adoptarea regulamentului de alegeri și fixarea termenelor scrutinului și convocării Adunării Constituante a dat o orientare clară și concretă activității forțelor politice din ținut. Astfel, problema Constituantei a fost în centrul atenției Congresului Sovietelor de deputați ai muncitorilor și soldaților din 20 septembrie, la care au participat reprezentanții sovietelor din Bender, Reni, Ungheni, Orhei, Soroca, Ismail, Bolgrad, Akkerman, Fălești, Dubăsari, precum și reprezentanții Rumcerodului și Florei fluviale Dunărene din Chilia ș. a. Congresul a hotărît: «1. Luînd în considerație slaba dezvoltare a vieții politice în gubernia Basarabia și strîns legată de aceasta starea embrionară a organizațiilor de partid socialiste, la fel și faptul că Sovietele de deputați ai țăranilor înaintează o listă proprie în Adunarea Constituantă — a înainta lista comună a deputaților muncitorilor și soldaților și a Comitetului Central Moldovenesc.

2. A desfășura pe larg propaganda ideii și sensului Adunării Constituante, activînd împreună cu comitetul executiv gubernial țăranesc și Comitetul Central Moldovenesc. . . »¹⁵.

Prin adoptarea acestei rezoluții se preconiza încheierea unei alianțe în vederea asigurării reușitei la alegerile în Constituantă, însă remarcăm că mai tîrziu Comitetul executiv gubernial al Sovietului de deputați ai muncitorilor și soldaților a anulat hotărîrea de față¹⁶. Acest lucru s-a întîmplat, însă, nu numai din cauza Sovietului gubernial de deputați ai țăranilor care de la bun început a respins ideea blocării, dar și din motivul că și organizația locală a socialistilor-revoluționari, în conformitate cu directivele Comitetului Central al partidului cu privire la inadmisibilitatea blocării cu alte formațiuni, s-a pronunțat împotriva pactizării cu Sovietele. După opinia lui A. Zelvianschi, președintele secției muncitorești a organizației eserilor din Chișinău, întemeiată la 27 septembrie¹⁷, Sovietele aveau datoria de a se mărgini la susținerea listelor partidelor socialiste¹⁸.

Este remarcabil că și congresul gubernial al Sovietului de deputați ai țăranilor din 1—2 octombrie 1917 a manifestat dorința de a intra într-un bloc cu eserii și cu Sovietul de deputați ai soldaților—țărani din garnizoana Chișinăului, ca cei mai apropiați de interesele țăranimii. Reprezentanții eserilor invitați la congres pretindeau la șase locuri, iar grupa garnizoanei — la două locuri din 13. Congresul, însă, a găsit de cuviință să acorde eserilor 3 locuri, cu condiția ca el să fie împuternicit să confirme sau să respingă candidaturile propuse de eseri. Ca răspuns eserii au declarat că această condiție este inacceptabilă și că în așa caz ei vor promova o listă independentă. Cei doi ostași din garnizoană — Cecencov și Doroșniuc au rămas nesatisfăcuți de rezultatele votării secrete a candidaților lor pentru alegerile în Adunarea Constituantă și au refuzat și ei să se blocheze¹⁹.

Mai apoi socialiștii-revoluționari au încheiat un acord cu soldații-țărani din garnizoană, acceptând să introducă din partea acestora două candidaturi pe listă la alegerile în Constituantă și anume pe Cecenov și Mehanoșin²⁰.

Pentru semnarea unei convenții de colaborare și înaintarea unei liste comune cu Societate de deputați ai muncitorilor, soldaților și țăranilor, cu eserii, cu gruparea țărănească din garnizoană și cu Comitetul Central Moldovenesc s-a pronunțat și primul congres gubernial al social-democraților și Bundului, ce și-a deschis lucrările în ziua de 24 septembrie la Chișinău²¹. Tendința social-democraților și bundiștilor de a realiza o înțelegere electorală, care s-a materializat doar în cadrul acestui cuplu, denotă nesiguranța lor în lupta pentru mandatele de deputat în Constituantă, cauzată de inexistența unei baze sociale impunătoare.

Deci, tactica de bloc utilizată cu succes de către organizațiile socialiste în alegerile municipale din anumite considerente politice nu a fost acceptată și pentru alegerile în Adunarea Constituantă, fiecare din formațiunile social-politice din Basarabia asumându-și răspunderea să promoveze lista proprie de candidați.

Din optsprezece liste care au fost prezentate inițial, comisia electorală de circumscripție a înregistrat numai 13, restul fiind declarate nevalabile, deoarece au fost întocmite cu unele încălcări de lege. Cele înregistrate au fost numerotate de comisie în ordinea următoare:

- nr. 1 — Sovietul de deputați ai țăranilor
- nr. 2 — Socialiștii-revoluționari
- nr. 3 — Uniunea proprietarilor agrari
- nr. 4 — Social-democrații și Bundul (unificat)
- nr. 5 — Partidul libertății poporului (cadeții)
- nr. 6. — Partidul Național Moldovenesc și Uniunea întovăririlor de credite și economii din Basarabia
- nr. 7 — Partidul socialist al Uniunii feroviarilor de la calea ferată sud-vest
- nr. 8 — Social-democrații internaționaliști
- nr. 9 — Comitetul electoral național evreiesc
- nr. 10 — Socialiștii-populiști
- nr. 11 — Organizațiile socialiste ucrainene
- nr. 12 — Uniunea cetățenilor de naționalitate germană
- nr. 13 — Gruparea cooperabilor²².

După cum se vede, însă, comisia electorală a revenit mai târziu asupra unora din listele anulate, căci deja în preajma alegerilor sînt menționate 17 liste, distribuite alegătorilor la domiciliu. Astfel, au mai fost înregistrate listele:

- nr. 14 — Sectorul al III-lea al plasei Telițcoe, județul Bender
- nr. 15 — Populația plasei Telițcoe
- nr. 16 — Sectorul al IV-lea al plasei Telițcoe
- nr. 17 — Poalei-Sion²³.

În alte circumscripții, de pildă în Samara, au fost înaintate 95 de liste, în Volin — 30, în Viatka — 27. Numărul de 17 liste în Basarabia era aproape de cifra medie (15 liste)²⁴.

Convențional, listele pentru alegerile în Constituantă pot fi grupate după următoarele criterii:

1. Social-politic: sovietul de deputați ai țăranilor, eserii, social-democrației și bundiștii, cadeții, internaționaliștii, social-populiștii și Uniunea proprietarilor agrari.
2. Național: Partidul Național Moldovenesc, comitetul electoral național evreiesc, socialiștii ucraineni, cetățenii de naționalitate germană, Poalei-Sion;
3. Profesional: membrii uniunii feroviarilor, cooperatorii;
4. Geografic: sectorul al III-lea al plasei Telițcoe, sectorul al IV-lea al plasei Telițcoe și populația plasei Telițcoe.

Înaintarea listelor în baza acestor principii denominalizează că obiectivele politice și naționale vor determina în mod decisiv opțiunile alegătorilor.

În subgrupa întâia lista țăranimii nu avea apartenență de partid, dar, după părerea noastră, în cazul acesta Sovietul de deputați ai țăranilor putea să joace rolul unui partid țăranesc expunător al intereselor majorității țăranimii din Basarabia. Nici Uniunea proprietarilor agrari nu era o organizație de partid în deplinul înțeles al cuvântului.

Desemnarea unor liste naționale în alegeri nu este altceva decât o formă de luptă pentru emanciparea națională a moldovenilor, evreilor, ucrainenilor și nemților basarabeni. Gruparea după caracteristicile profesionale dezvăluia existența unor interese specifice, dar nu era cea mai indicată pentru a putea concura la alegeri.

Înaintarea a trei liste diferite de către cetățenii din aceeași plasă era pur și simplu un abuz de drepturile oferite de Regulamentul cu privire la alegeri.

După cum se știe, activitatea sovietelor de deputați ai muncitorilor și soldaților din Basarabia era coordonată cu Rumcerodul de la Odesa. Pe lângă acest organ a fost instituită și o secție specială, însărcinată cu pregătirea instructorilor pentru munca de propagare și explicare a importanței Adunării Constituante în rîndurile maselor populare, expedierea literaturii respective pe adresa sovietelor din Basarabia ș. a.²⁵

Aceleași sarcini legate de necesitatea lămuririi pe larg, îndeosebi țăranimii, a regulilor de participare la alegeri au fost puse și de către adunarea gubernială extraordinară de zemstvă în seama executivului gubernial al Sovietului de deputați ai țăranilor, Comitetului Central Moldovenesc și upravei guberniale, pentru ce s-au alocat și resurse bănești corespunzătoare²⁶.

Însă uneori reacția țăranimii la lucrul comisiilor electorale era dintre cele mai neașteptate. După spusele unor agitatori reveniți din județul Orhei, în sate circulau zvonuri despre aceea, că se face recensămîntul populației în scopul încasării rechizițiilor. Iată de ce în unele sate țăranii întîmpnau cu agresivitate pe agitatori și pe împuterniciții pentru îndeplinirea listelor electorale.

În alte localități situația se tensiona din cauza unor detașamente de soldați, care devastau pivnițele și se dedau la dezordine și pogromuri²⁷.

Pentru a menține situația sub control Sovietul gubernial de deputați ai țăranilor a decis să schimbe comisarii de județe. Printr-o dispoziție a Sovietului comisar în județul Bălți a fost numit Rudiev, în județul Chișinău — Catoros, în Ismail — Ciumacenco, în Soroca — Litvinov, în Orhei — Cojocari²⁸.

În acest timp și sovietele, „și organele de stat locale făceau tot posibilul pentru a păstra ordinea în ținut, condiție esențială pentru desfășurarea liberă a scrutinului.

De la bun început ca și în majoritatea regiunilor Rusiei postrevoluționare viața social-politică în Basarabia se dezvoltă sub preceptul celor mai mărețe lozinci ale timpului: «Toată puterea Adunării Constituanței!», «Pământ țăranilor!», «Pace democratică fără anexii și contribuții!». Odată cu constituirea Partidului Național Moldovenesc la 3 aprilie 1917 mișcarea de eliberare națională din ținut a luat un nou avânt. Principalele idei ale acestui partid, un adevărat generator al spiritului de emancipare națională, — cu privire la autonomia Basarabiei, Sfatul Țării, școala națională etc. — și-au găsit părtași în rîndurile diferitor pături sociale din Basarabia. Această adeziune s-a manifestat în cadrul unui șir de adunări, mitinguri și congrese guberniale ale preoțimii, învățătorilor, ostașilor moldoveni, cooperatorilor, țăranilor ș. a., desfășurate în primăvara anului 1917.

Organizațiile și uniunile incluse în campania preelectorală pledau pentru anumite platforme social-economice, politice și naționale.

Poziția adoptată de Sovietul de deputați ai țăranilor din Basarabia prevedea:

«1. Unica formă de construcție statală a Rusiei acceptabilă de toată țărănimea este Republica democratică federativă.

2. Basarabiei, ca parte componentă inseparabilă a republicii democratice federative ruse, i se conferea statut de autonomie politico-teritorială cu asigurarea deplină a drepturilor tuturor naționalităților trăitoare în Basarabia»²⁸.

Opțiunea pentru independența politică și economică (în text: «autonomia politico-teritorială») a Basarabiei, dar în cadrul unei comunități de state egale în drepturi (în text: «republica democratică federativă») cu o conducere centrală care să exercite anumite funcțiuni bine definite — era una din cele mai importante revendicări ale Sovietului țăranimii din ținut. Aceasta, se pare, la etapa respectivă era o cale reală de renaștere și de perpetuare în viitor a poporului moldovenesc și de respectare a drepturilor tuturor grupurilor etnice conlocuitoare și totodată unica formă acceptabilă pentru o continuă existență în componența unui fost imperiu radical reformat.

«3. În domeniul economiei naționale, în particular cel agrar, urmează să fie susținut întru totul programul partidului socialist revoluționar, iar realizarea hotărîrilor Adunării constituante în această sferă trebuie să se facă de către organul local de autocîrmuire.

4. Războiului să i se pună capăt prin semnarea unei păci generale democratice fără anexe și contribuții, cu acordarea dreptului de autodeterminare deplină popoarelor. Pacea separată se respinge. În aceste chestiuni se adoptă punctul de vedere al Sovietului de deputați ai țăranilor din întreaga Rusie»³⁰.

Aceste concepte ale reprezentanților țăranimii din Basarabia abordau cele mai stringente probleme ale societății, propunînd soluții, ce se încadrau în contextul larg democratic de percepere a acestora.

Congresul gubernial al țăranilor a desemnat 14 candidaturi (a 14-a de rezervă) la alegerile în Adunarea Constituantă, și anume, pe I. C. Inculeț, adjunctul comisarului gubernial; P. V. Erhan, președintele comitetului executiv gubernial al Sovietului de deputați ai țăranilor; T. V. Catoros, ofițer; V. M. Rudiev, președinte adjunct al comitetului executiv gubernial al Sovietului; P. V. Cojocari, ofițer, membru al comitetului executiv central moldovenesc al Sovietului de deputați ai soldaților, marinărilor și ofițerilor; I. I. Stepanov, membru al comitetului executiv central al Sovietului de deputați ai țăranilor din toată Rusia; St. V. Arman, membru al comitetului executiv gubernial al Sovietului; P. N. Halipa, redactorul ziarului «Cuvînt Moldovenesc»³¹; I. M. Tihohod, agricultor, membru al comitetului executiv gubernial al Sovietului; N. Gh. Budnicenco, agricultor, membru al Sovietului; Gh. V. Pîtea, ofițer, președintele

Comitetului Central Militar Moldovenesc; Diaconovici, politehnician, membru al Sovietului; I. Gh. Berlinschi, agricultor, membru al Sovietului; F. Nichitiuc, învățător³².

Diversă ca aspect național și social lista nr. 1 nu era omogenă nici în ceea ce privește convingerile politice ale candidaților, între care erau și membri ai partidului eser (Inculeț, Arman)³³ și ai Partidului Național Moldovenesc (Halipa), și ai Comitetului Central Militar Moldovenesc (Cojocari, Pîtea). Însă ceea ce-i caracteriza era buna înțelegere a intereselor țăranilor, care au fost puse mai presus decât cele de partid, fapt ce le-a permis să se situeze pe o platformă comună.

Lista nr. 1 pe care s-a angajat s-o sprijine și Comitetul Moldovenesc³⁴, și unii adepți ai Partidului Național Moldovenesc, se bucura de o amplă adeziune din partea țăranilor. Presa vremii ne furnizează chiar relatări despre cazuri ieșite din comun, cum ar fi arestarea cooperativului Ceban de către locuitorii satului Mereni și expedierea lui la Chișinău sub escortă, din cauza că încercase să propage lista nr. 10 a socialiștilor-populiști. Aducîndu-l la sediul Comitetului Central Militar Moldovenesc, țăranii au declarat că ei pot să voteze numai lista nr. 1³⁵. Sîntem de părerea, că deschiderea ședințelor Sfatului Țării la 21 noiembrie 1917, la care și-au adus aportul în mod substanțial o parte a candidaților Sovietului în Adunarea Constituantă, a jucat un anumit rol în campania lor electorală, în sensul creșterii autorității listei țărănimii.

După răsturnarea guvernului Provizoriu, act care n-a fost salutat de reprezentanții țărănimii în soviet, comitetul executiv gubernial al Sovietului de deputați ai țăranilor și-a confirmat poziția sa anterioară referitor la necesitatea formării unui guvern socialist omogen, care pînă la convocarea Constituantei să promoveze o politică mai consecventă³⁶.

O altă forță politică influentă în Basarabia, organizația socialiștilor-revoluționari, canalizîndu-și activitatea în direcția luptei pentru mandate de deputați, în corespundere cu programul de partid, milita pentru convocarea la timp a înaltei Adunări care să decreteze în primul rînd instituirea republicii democratice și socializarea pămîntului. De altfel, concepția eserilor din ținut a fost expusă mai pe larg și la congresul al II-lea gubernial al lor din 18—20 noiembrie 1917, la care s-a cerut «Înlocuirea imediată a guvernului iresponsabil bolșevic de către o putere socialistă omogenă împuternicită de întreaga democrație revoluționară», în care reprezentanții partidului bolșevic ar fi fost admiși numai «în mod personal». Sarcinile noii autorități constau în «politica energetică în scopul încheierii neapărate a păcii democratice, în transmiterea pămîntului sub egida comitetelor agrare democratizate, în restabilirea deplină a libertăților cetățenești, în lupta cu contrarevoluția și anarhia și convocarea la timp a Adunării Constituante». În viziunea eserilor numai Adunarea Constituantă — «izvorul adevărat al puterii poporului» — era în drept «să încheie pacea, să consolideze și să lărgească toate cuceririle revoluției ruse»³⁷.

Punctul acesta de vedere în problemele cardinale ale societății reflecta poziția Comitetului Central al partidului și era împărtășit de organizația eseră locală, cu excepția unei grupe restrinse de socialiști-revoluționari, membri ai comitetului executiv al Sovietului de deputați ai muncitorilor și soldaților din Chișinău (Gusarov, Denisov, Constantinov, Burulin, Sahovaler, Cernobrovetș și Evstigneev), care și-au manifestat dezacordul referitor la atitudinea majorității din organizația orășenească față de răscoala armată de la Petrograd și au ieșit din rîndurile partidului cu cîteva zile înainte de deschiderea congresului³⁸. La acest for a fost adoptată și declarația privitor la chestiunea organizării Sfatului Țării, care ilustrează în general poziția eserilor în problema națională.

Reieșind din principiul autodeterminării națiunilor și văzînd în aceasta o condiție necesară dezvoltării normale a popoarelor «și a conștiinței lor socialiste», congresul al II-lea gubernial al eserilor a declarat

despre susținerea oricărei mișcări naționale «îndreptată înspre descătușarea forțelor vii ale poporului muncitor în lupta lui pentru echitatea socială». În problema edificării statale, după opinia socialiștilor-revoluționari, «forma cea mai bună a conviețuirii popoarelor Rusiei» era «republica democratică federativă cu autonomii teritorial-naționale în limitele așezării etnografice a populațiilor, unde legile principale ale statului să asigure atât drepturile minorităților naționale în localitățile cu populație mixtă, cât și în general drepturile publice pentru toate limbile, în care vorbesc masele truditoare ale Rusiei»³⁹.

În tratarea eseră noțiunea «dreptul națiilor la autodeterminare» nu includea și dreptul acestora de a dispune liber de soarta lor pînă la ieșirea din componența fostului imperiu țarist, ci prevedea doar acordarea posibilității de a crea «autonomii teritorial-naționale» în cadrul unei federații situate în frontierele moștenite de revoluția din februarie de la autocrație. Însuși termenul «autonomie teritorial-națională» nu era pe deplin înțeles și nu indica și caracterul politic al unor asemenea formațiuni, pe care, pentru comparație, congresul gubernial al Sovietului de deputați ai țăranilor le-a numit fără echivocuri «autonomii politico-teritoriale», deci, cu anumite prerogative politice și economice.

În general poziția socialiștilor-revoluționari în problema națională a fost formulată cu întârziere, ce denotă neînțelegerea revendicărilor specifice ale populației băștinașe, și mai mult sub presiunea mișcării de emancipare națională a moldovenilor, care luase amploare în toamna anului 1917 și a situației generale din Rusia, ce se crease după răsturnarea Guvernului Provizoriu și instaurarea noului regim politic, ce a impus eserilor o mai strînsă apropiere de organizațiile naționale din Basarabia, și, deci, susținerea deschisă a unor revendicări cu caracter național, în scopul consolidării tuturor forțelor în stare să se opună guvernului comisarilor poporului. Astfel, încă la primul congres al eserilor din gubernie de la 15 august n-a fost acceptată propunerea socialistului-revoluționar Sabsovici cu privire la necesitatea acordării statutului de autonomie cultural-teritorială Basarabiei «din cauza că o anumită parte a populației Basarabiei tinde înspre România, și îndeobște este însuflețită de aspirații separatiste, incontestabil dăunătoare pentru statalitatea Rusiei»⁴⁰. Aceleași dubii au fost reflectate și în una din rezoluțiile congresului al II-lea⁴¹.

Necunoscînd îndeaproape obiceiurile, tradițiile și grijile, neposedînd limba moldovenilor, care recunoșteau mai mult autoritatea Sovietului țăranimii, a Partidului Național Moldovenesc, eserii se străduiau să cucească cel puțin simpatia populației nemoldovenești. De altfel, în campania preelectorală detașamentelor de agitatori eseri li se recomanda ca să desfășoare munca de agitație «cu preponderență printre soldați»⁴².

Pentru grupurile etnice de pe teritoriul Basarabiei eserii cereau dreptul «la formarea unităților personal-autonome cu independență deplină în limitele cultural-naționale»⁴³.

În ultimă instanță, după părerea socialiștilor-revoluționari, numai Adunarea Constituantă a întregii Rusii era investită să determine viitorul federației, relațiile între părțile ei componente, raporturile lor cu conducerea centrală și împuternicirile centrului atât în politica internă cât și în cea externă.

Conformîndu-se situației, eserii au salutat întemeierea Sfatului Țării, dar au subliniat caracterul provizoriu al acestui organ, ce trebuie mai apoi să fie ales prin vot de populația matură din ținut în baza reprezentării proporționale.

Candidați la alegerile în Constituantă din partea organizației esere din Basarabia au fost desemnați unii membri din conducerea partidului — N. D. Avxentieiev și activiști de seamă de pe loc, printre care C. A. Suhovîh-Narodin, M. L. Slonim, soldatul A. F. Alexandrov, A. Mehanoșin, M. Ia. Cogan, medicul Lutcev, soldatul Cecencov ș. a.⁴⁴.

Comparativ cu celelalte grupări concurente, eserii au reușit să asambleze pentru campania preelectorală un mecanism mobil de propagandă și agitație, care și-a extins activitatea în diverse puncte ale ținutului. Numai în lunile august-noiembrie comitetul gubernial al eserilor a organizat un număr mare de lecții, mitinguri și adunări în diferite localități ale provinciei, au tipărit foi volante, 235000 de fișe electorale și 3 000 de instrucții la ele, au pregătit la cursuri speciale aproape 200 de agitatori⁴⁵.

Adeseori cutreierînd Basarabia agitatorii eseri erau nevoiți să constate lipsa de informare a maselor, apolitism și chiar indiferență față de necesitatea Adunării Constituante. Totuși în prezența unei părți a populației basarabene ideile eserilor găseau teren favorabil. De exemplu, congresul plugarilor bulgari și găgăuzi din județul Akkerman întrunit în satul Ivanovca-Bolgarscoe, făcînd cunoștință cu platformele partidelor socialiste din provincie a apelat la toți conaționalii lor din Basarabia să voteze lista eserilor. Congresul a declarat vot de blam Sovietelor gubernial și județean de deputați ai țăranilor pentru faptul că unii dintre membrii partidului socialist-revoluționar (Inculeț, Arman) au consimțit să candideze pe lista Sovietului țăranimii, majoritatea candidaturilor căruia au fost etichetate ca aparținînd «partidei moldovenesti îngust naționale» și în semn de protest au decis rechemarea reprezentanților lor în Soviete — M. I. Ischimji și G. C. Serbinov — și a candidatului lor în alegerile în Adunarea Constituantă — I. Stepanov, care a fost învinuit că a indus în eroare alegătorii, «aderînd la lista nr. 1 moldovenească îngust națională»⁴⁶.

După cum se vede, speculațiile pe relațiile interetnice și în 1917 erau o modalitate de cîștigare a capitalului politic, aplicată cu abilitate de către eseri în campania preelectorală. Dar, pe de altă parte, observăm că spre deosebire de alte grupuri etnice din Basarabia, bulgarii și găgăuzii continuau să se afle în stare de somnolență națională, deoarece, locuind compact, ar fi putut spera la vreun loc în Constituantă, dacă ar fi promovat o listă independentă la alegeri, lucru ce nu l-au făcut.

Platforma social-democraților și a Bundului din Basarabia a fost aprobată la primul lor congres gubernial, la care a prezentat un raport despre atitudinea față de Constituantă membrul Comitetului Central al Bundului Lurie. Sarcinile majore ale Adunării Constituante în viziunea social-democraților nu erau altele decît cele trasate de socialiștii-revoluționari, unica deosebire constînd în faptul că, dacă eserii puneau accentul pe chestiunea agrară, social-democrații și bundiștii revendicau mai mult unele cerințe specifice muncitorești, cum ar fi ziua de muncă de 8 ore, asigurarea socială, etc. În problema națională social-democrații pleau pentru formula «egalității depline în drepturi a naționalităților, pentru o largă autonomie teritorială pentru regiunile ce diferă prin caracterul lor național cît și prin condițiile de trai și de gospodărire», unde legile general-statale să garanteze «respectarea drepturilor minorităților naționale pe baza principiului autonomiei național-culturale»⁴⁷.

Expunerea poziției social-democraților și Bundului în problema națională a anticipat în timp Declarația eserilor, fapt ce denotă o pătrundere relativ mai realistă a situației din Basarabia. Deși observăm că și poziția social-democraților era mărginită de unele dogme de program, rupte de realitate: municipalizarea pămîntului, republica rusă centralizată (pînă în octombrie 1917) ș. a.

Congresul a înaintat, pe lîngă candidaturile la alegerile în Constituantă propuse de conducerea superioară⁴⁸ de partid, și cîteva personalități cunoscute în ținut, și anume pe G. I. Lurie, membru al Comitetului Central al Bundului⁴⁹, N. E. Grinfeld, delegată a C. E. C. al Sovietului de deputați ai muncitorilor și soldaților din întreaga Rusie, membră a P.M.S.D.R.(m); V. I. Grinfeld, membru al Comitetului gubernial al Bundului; Ia. D. Meleșin, reprezentantul Rumcerodului pe lîngă Comitetul executiv gubernial al Sovietului de deputați ai muncitorilor și soldaților⁵⁰.

Inițial, deci, lista a fost compusă pe bază de paritate: doi membri ai P.S.D.M.R. și doi ai Bundului. Peste un timp, însă, din cauza disensiunilor din sânul social-democraților⁵¹ și odată cu formarea organizației unificate a social-democraților internaționaliști din Chișinău în locul lui Ia. D. Meleșin, unul din liderii internaționaliștilor, pe lista nr. 4 au mai fost introduse și alte candidaturi: M. D. Ponomarenco, membru al P.S.D.M.R., lucrător la stația feroviară din Bender; Arzumaneanț, medic militar, membru al comitetului gubernial și președinte al comitetului orășenesc al social-democraților din Chișinău și I. D. Cantor⁵².

În cadrul mitingurilor și adunărilor preelectorale N. Grinfeld, medicul Arzumaneanț luau atitudine ostilă față de regimul bolșevic de la Petrograd, arătau pericolul declanșării unui război civil catastrofal pentru societate, cereau formarea unui guvern socialist omogen, care să convoace la timp Adunarea Constituantă⁵³.

Lista nr. 8⁵⁴ internaționalistă, care în presă mai era etichetată și «bolșevică» a fost adoptată la adunarea de constituire a organizației unificate a social-democraților internaționaliști din Chișinău din 11 octombrie și conținea doar câteva nume⁵⁵. Aceștia erau: B. V. Avilov, membru al Biroului Central al social-democraților internaționaliști, colaborator la ziarul «Novaia jizni», M. A. Lurie (Iu. Larin), membru al Comitetului Petrograd al P.S.D.M.R. (b), colaborator la ziarul «Rabocii puti», Bazarov — V. A. Rudnev, unificator, colaborator la ziarul «Novaia jizni», Reazanov — D. B. Goldstein, membru al Comitetului Central al P.S.D.M.R. (b), membru al Sovietului Central al Uniunii sindicatelor din Rusia, basarabean de origine⁵⁶.

Miza în exclusivitate pe candidaturile din centru demonstrează inexistența unui potențial de cadre internaționaliste cunoscute în gubernie. Dându-și seama de aceste deficiențe la timp, organizația internaționalistilor nici n-a riscat să iasă la alegeri cu candidaturi locale.

De altfel, însăși organul central al partidului bolșevic «Pravda» de la 21 noiembrie (4 decembrie) 1917 scria că Basarabia era singura gubernie unde a fost înaintată lista internaționalistilor unificați, fapt care, după opinia cercetătoarei C. Sluțcaia, indica la comiterea unei serioase greșeli politice de către bolșevicii din ținut⁵⁷.

(Va urma)

Note

- ¹ Родина, 1989. № 3. С. 20—30: Коммунист, 1989. № 14. С. 74—89.
- ² Світінт Moldovenesc, 1917, 11 iunie.
- ³ Известия Кишиневского совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 11(24) августа.
- ⁴ Известия..., 1917, 17(30) августа.
- ⁵ Свободная Бессарабия, 1917, 17 августа.
- ⁶ Знаменский О. Н. Всероссийское учредительное собрание. История созыва и крушения. — Л., 1976. С. 74—75.
- ⁷ Ibidem. P. 137.
- ⁸ Ibidem P. 138.
- ⁹ Ibidem. P. 121.
- ¹⁰ Свободная... 1917. 24 сентября; Nota: Circumscripția Basarabia a fost divizată în 634 sectoare electorale. În orașul și județul Chișinău au fost organizate 89 sectoare, în județele: Orhei — 106, Bender — 54, Soroca — 61, Hotin — 28, Bălți — 88, Ismail — 116, Akkerman — 92 (Бессарабская жизнь, 1917, 19 октября/1 ноября)
- ¹¹ Свободная..., 1917, 26 сентября.
- ¹² Бессарабская..., 1917, 1(14) октября.
- ¹³ Свободная..., 1917, 30 сентября.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ Известия..., 1917, 28 сентября (10 октября)
- ¹⁶ Известия..., 1917... 11(24) октября.
- ¹⁷ Свободная... 1917, 29 сентября.
- ¹⁸ Известия..., 1917, 30 сентября (12 октября)
- ¹⁹ Известия..., 1917, 14(27) октября.
- ²⁰ Известия..., 1917, 8(21) октября.
- ²¹ Свободная..., 1917, 26 сентября.
- ²² Свободная..., 1917, 19 октября; Enumerînd unele liste înaintate la alegerile din Basarabia, P. Cazacu numește și lista partidului socialist-revoluționar moldovenesc: A. Scobioala, V. Tanțu, Gr. Cazacului, Al. Bușilă, P. Chiciormare, V. Buha, V. Săcară, A. Ursu, A. Cărauș, Gh. Gurduc. (P. Cazacu. Moldova dintre Prut și Nistru 1812—1918. I. P. 226—227). Acea-

stă listă însă a fost înaintată de către militarii moldoveni, adepți ai partidului eser moldovenesc nu în circumscriptia basarabeană, ci pe Frontul român (Известия... 1917, 16(29) ноября).

²³ Спирин Л. М. *Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий*. — М., 1987. — С. 274—275.

²⁴ Городецкий Е. Н. *Рождение советского государства*. — М., 1965. С. 434.

²⁵ *Свободная...*, 1917, 25 августа.

²⁶ *Бессарабская...*, 1917, 30 сентября.

²⁷ *Известия...*, 1917, 27 октября (9 ноября).

²⁸ *Свободная...*, 1917, 19 октября.

²⁹ *Свободная...*, 1917, 24 октября.

³⁰ *Свободная...*, 1917, 24 октября.

³¹ Prezența familiei lui Panteleimon Halipa, secretarul Partidului Național Moldovenesc, ales membru al Comitetului executiv gubernial al Sovietului la congresul al II-lea al țăranilor din Basarabia, membru al Dumei din Chișinău, pe lista Sovietului de deputați ai țăranilor ne vorbește despre popularitatea lui în rândurile țăranimii din ținut. Pentru a fi reprezentat destoinic la alegeri Sovietul avea nevoie de asemenea personalități bine cunoscute în Basarabia. Despre autoritatea lui Pan. Halipa putem judeca, între altele, și pe baza rezultatelor votării secrete a candidaturilor înaintate pentru alegerile în Constituanta la congresul gubernial. Astfel, Inculeț, a înrunit 139 de voturi, Erhan — 136, Catoros — 129, Rudiev — 126, Cojocari — 123, Stepanov — 102, Arman — 97, Halipa — 85, Tihohod — 84, Pîntea — 83, Budnicenco — 83, Diaconovici — 78, Berlinschii — 77, Nichitiuc — 52 (*Известия...* 1917, 14(27) октября).

³² *Свободная...*, 1917, 24 октября; 1 ноября.

³³ Pentru faptul că au acceptat să candideze pe lista Sovietului de deputați ai țăranilor în pofida indicațiilor Comitetului Central, Inculeț și Arman, la congresul al II-lea gubernial al eserilor au fost excluși din Partidul socialist-revoluționar (*Svobodnaia...*, 1917, 26 noiembrie).

³⁴ *Известия...*, 1917, 27 октября (9 ноября).

³⁵ *Свободная...*, 1917, 8 ноября.

³⁶ Ibidem. 31 octombrie.

³⁷ Ibidem. 24 noiembrie.

³⁸ *Известия...*, 1917, 17(30) ноября.

³⁹ Ibidem. 24 noiembrie (7 decembrie).

⁴⁰ Ibidem. 19 august (1 septembrie).

⁴¹ Ibidem. 23 noiembrie (6 decembrie).

⁴² *Бессарабская...*, 1917, 17(30) ноября.

⁴³ *Известия...*, 1917, 24 ноября (7 декабря).

⁴⁴ *Свободная...*, 1917, 10 ноября.

⁴⁵ Ibidem. 24 noiembrie.

⁴⁶ Ibidem. 23 noiembrie.

⁴⁷ *Известия...*, 1(14) октября, 1917.

⁴⁸ Aceste candidaturi n-au fost menționate în presă.

⁴⁹ Mai târziu Lurie și-a retras candidatura de pe lista nr. 4 (*Bessarabskaia...*, 5 decembrie 1917).

⁵⁰ *Известия...*, 1917, 1(14) октября.

⁵¹ Ruban *Организация басарабская а болшевицilor în perioada Octombrului*. În redacția lui E. Bagrov. — *Intervenția română în Basarabia*. Culegere de materiale și documente. V. I. (1917—1918) 1933. — P. 72—73.

⁵² *Известия...*, 1917, 20 октября (2 ноября).

⁵³ *Свободная...*, 1917, 10 ноября.

⁵⁴ În literatura istorică lista nr. 8 este numită adeseori „bolșevică”. Ea nu poate fi considerată bolșevică, pentru că, după opinia unor autori (de exemplu, Roitman N. D. *Конференция болшевицilor de pe Frontul român și însemnătatea ei / Biruința puterii sovietice în Moldova*. — Chișinău, 1979. — P. 260), pînă la 4 decembrie 1917 organizația independentă bolșevică în Basarabia n-a existat. În anexele la cartea cercetătorului L. M. Spirin această listă mai e numită și menșevică (Spirin L. M. Op. cit, p. 275). Iar istoricul O. N. Znamenshii a remarcat că „În partea europeană a țării listele bolșevicilor n-au fost anunțate numai în circumscriptiile Basarabia și Oloneț”. (Znamenshii O. N. Op. cit, p. 209). În realitate lista nr. 8, înregistrată oficial ca lista internaționalistilor din Chișinău, reprezintă o simbioză menșevico-bolșevică internaționalistă.

⁵⁵ Maxsim Gorchi n-a acceptat să candideze în lista internaționalistilor (*Svobodnaia...*, 1917, 17 octombrie).

⁵⁶ *Известия...*, 1917, 25 октября.

⁵⁷ Слуцкая К. *Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в Молдавии* (март 1917 — март 1918). — Кишинев, 1962. С. 147.

П. В. Советов

МОЛДАВСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД
КАК ЦЕНТР ВЛАСТВОВАНИЯ
(опыт системной компаративистики
в изучении проблемы огосударствления
и разгосударствления)

Проблема разгосударствления и связанная с ней дискуссия выдвигаются на первый план в нашем обществе. Это общеизвестно, хотя прогнозы и модели ее решения в фундаментальной науке и публицистике самые разные, разброс позиций здесь самый разительный: от плюрализма мнений в теории и практике до новых эмоциональных популистских утопий в прессе. Происходит это не только от различия в политических позициях, но, очевидно, и по той причине, что сама проблема оказалась в нашей стране недостаточно изученной во всем комплексе гуманитарных и общественных наук, причем в первую очередь на фундаментальном ее уровне.

Историческая, политэкономическая, юридическая, философская науки не могут претендовать сегодня ни в СССР, ни в Румынии на то, что дали системное представление об этом явлении, показали его место на разных этапах развития мировой цивилизации. Догматическая привычка нашей историографии (как в СССР, так и в Румынии послевоенных лет) искать готовый социологический ответ в работах классиков марксизма XIX — начала XX в. в данном случае не могла дать желаемого результата не только потому, что опыт развития мировой цивилизации с тех пор открыл много нового, ранее неизвестного, способствующего дальнейшему переходу социализма от утопии (родимые пятна которой еще долго будут о себе давать знать) к науке. Дело в том, что всей этой проблемой в марксистской историографии вообще мало занимались. Главное видели в вертикальной проекции стадийального формационного развития человечества; горизонтальным проекциям (в данном случае возможности огосударствления или разгосударствления общества на определенной стадии) уделяли несравненно меньше внимания, а порой от них вообще абстрагировались.

Несравненно большее внимание в немарксистской историографии XX в. концентрировалось чаще на критическом анализе таких сторон проблемы, как тоталитаризм, деспотия, автократия, охлократия и т. д., нежели на системном изучении процессов огосударствления и разгосударствления на всем протяжении истории мировой цивилизации. Вместе с тем вставшее в повестку дня разгосударствление в СССР и Румынии ждет от фундаментальной науки таких исследований. Их чрезвычайно слабая разработка привела к тому, что в фокусе внимания прессы оказался зачастую голый (в смысле обоснования на фундаментальном уровне науки) сиюминутный политический интерес к решению задачи разгосударствления, оторванной чаще всего от исторических корней, от столь необходимого в таких случаях системного изучения предшествующих процессов огосударствления. Хотя само собой понятно, что без предварительного огосударствления данного общества не может возникнуть и постановка проблемы его последующего разгосударствления. Они связаны генетически. Значит, без понимания всех предпосылок, механизмов и путей огосударствления, всестороннего раскрытия системного функционирования такого общества нельзя понять и причинную обусловленность его кризиса, ведущего к разгосударствлению. А без этого понимания нельзя дать научный прогноз или модель нормального, цивилизованного осуществления разгосударствления¹.

Возникает теоретическая целесообразность взглянуть в плане системной компаративистики на то, каким образом протекали в разных

регионах и странах Европы и Азии оба эти явления (огосударствление и разгосударствление) — в древней и средневековой, новой и новейшей истории. Важно установить, как часто и почему повторялись процессы огосударствления и разгосударствления, носили ли они в какой-либо мере последовательный циклический характер², и каковы были в таком случае их характерные специфические проявления. Необходимо знать также, прослеживаются ли при этом общие системные черты и предпосылки на разных ступенях (и даже в разных очагах) развития цивилизаций. То есть возникает вопрос: в какой мере можно говорить об этих явлениях как об общечеловеческих категориях развития мировой цивилизации (учитывая, что огосударствление и разгосударствление отражаются во всех структурах общества вплоть до категорий менталитета)?

Для решения поставленных вопросов наиболее плодотворным представляется использование сравнительно-исторического метода на уровне теоретической компаративистики. В подобных исследованиях важно использовать опыт как советской, так и румынской историографий. Ведь история Молдовы и Валахии (Цара Ромыняскэ) представляет собой (как, впрочем, и в целом история Румынии)³ одну из наиболее богатых исторических сокровищниц для исследования в теоретическом отношении процессов огосударствления и разгосударствления в прошлом. Их более или менее последовательная смена в средние века, а также в новое и новейшее время повторялась здесь (по ряду внутренних и внешних причин)⁴ с частотой, редко встречаемой в Европе⁵.

Исследование столь актуального и значительного, но весьма сложного и недостаточно разработанного явления потребует создания серии монографий и статей, созыва ряда научных конференций и «круглых столов», которые становятся обязательными в повестке дня исторической науки Румынии и Республики Молдова⁶. Если при изучении процессов огосударствления и разгосударствления в нашей литературе наибольшее внимание уделялось молдавскому селу периода средневековья (сельскому хозяйству, собственности на землю в хотаре села, рентным отношениям, и налогообложению, а также, в некоторой мере, системе внеэкономического принуждения в деревне), то исследование функциональной роли города в этих процессах оказалось фактически обойденным⁷.

В настоящей статье делается первая попытка восполнить, хотя бы частично, этот пробел, пока в постановочном плане, путем использования метода историографической компаративистики. Преимущество подобного подхода для начального постановочного этапа заключается в том, что молдавская средневековая история, являясь, как мы уже упомянули, редкой сокровищницей для изучения процессов огосударствления и разгосударствления (в смысле частоты и разнообразия циклов), в то же время страдает для периода средневековья относительно бедной источниковой базой⁸. Она может быть восполнена, в определенной мере, только с помощью применения сравнительно-исторического метода, который позволяет одновременно обратиться и к разрешению ряда общих теоретических аспектов проблемы.

Вот почему сравнительно-исторические материалы занимают ведущее место в данной статье, а молдавская модель, насколько она представлена в историографии, сопоставляется с общей картиной, что должно содействовать поиску теоретического ответа на вопрос о функциональной роли города в процессах огосударствления и разгосударствления периода средневековья.

В послевоенной советской и румынской исторической науке проблемы средневековья долгое время (40—60 гг.) рассматривались в прокрустовом ложе «классических» форм феодализма. Господствовал догматический подход, не допускавший многовариативности форм развития одной и той же формации, в том числе феодальной. Лишь в 70—80 гг.

в молдавской историографии возникла проблема типологизации феодализма, в виде признания существования его разнообразных форм. Они ставились в зависимость от места, занимаемого в типологическом ряду между двумя моделями-полюсами, выведенными в чисто теоретическом, социологическом плане (частновладельческий и феодально-государственный)⁹. Именно в молдавской медиевистике была впервые разработана концепция альтернативной возможности типологического сдвига: рассмотрения местной модели не как раз и навсегда определенной, неизменной, в застывшей форме, а могущей передвигаться по типологическому ряду. Причем не только в направлении вертикальной проекции (стадиальной), но и по горизонтали: в сторону частновладельческих или, наоборот, огосударственных форм.

Тем самым молдавская медиевистика вплотную подошла к проблеме функциональной роли города в условиях огосударствления или разгосударствления, независимо от того, каков будет подход исследователя: традиционный для советской молдавской и румынской послевоенной медиевистики, т. е. формационной схемы, или будет проводиться в рамках постановки цивилизационной проблематики¹⁰. Заметим, что процессы огосударствления и разгосударствления могут выделяться в самостоятельное исследование (в том числе и вопрос о функциональной роли города в подобных процессах) с учетом каждого из этих подходов (формационного и цивилизационного) или даже возможной их интеграции (конвергенции).

На идею конвергенции у нас долгое время смотрели отрицательно (вспомним судьбу записки академика А. Д. Сахарова). По средневековой проблематике в пользу конвергенции для изучения истории княжеств впервые высказался известный румынский социолог академик Г. Шталь (мы писали об этом в 1972 г.). Но сделал он это в то время весьма осторожно, попутно и довольно своеобразно. Последователей не оказалось. Работы в данном направлении так и не были развернуты ни в Румынии, ни в СССР. Между этими двумя распространенными в мировой науке концепциями по-прежнему сохранялась «берлинская стена».

Конечно, от применения разных исследовательских подходов может зависеть и моделирование функциональной системы средневекового города. Однако несмотря на различия подходов, при их интеграции возникает одинаковая взаимозависимость параметров такого моделирования и понимания процессов огосударствления или разгосударствления. Они приобретают специфические константные черты, характерные в целом для внутренних механизмов этих процессов (которые приводят в одинаковой мере к огосударствлению или разгосударствлению общественные формации или человеческие цивилизации).

В послевоенной историографии (как для изучения генезиса города, так и оценки его истории в период развитого средневековья) наблюдается определенная эволюция в моделировании. Она шла от предпочтительного выделения одного из экономических (социально-экономических) факторов¹¹, как исключительного или решающего, через ряд промежуточных концепций до выработки интегрирующей все подходы многофункциональной модели города (см. разные этапы этой эволюции для Европы в работах советских авторов: Грекова Б. Д., Юшкова С. В., Стоклицкой-Терешкович В. Н., Тихомирова М. Н., Черепнина Л. В., Янина В. Л., Милова Л. В., Назарова В. Д., Котельниковой Л. А., Хачатурян Н. А., Котляра Н. Ф., Горского А. А., Руссева Е. М., Мохова Н. А., Драгнева Д. М., Дмитриева П. Г., Бырни П. П., Полевого Л. Л., Кокрылэ П. С., Заболотный Л. П., и др.; для городов Азии в трудах Большакова О. Г., Беленецкого А. М., Бентовича И. Б., Ашрафян К. З., Алаева Л. Б., Стужиной Э. П. и др., а также в предвоенной и послевоенной историографии Румынии: Андроник А., Анджелеску И., Богдан Н., Бериндей Д., Григораш Н., Гольденберг С., Гибэнеску Г., Дан М., Джуреску К. К., Еманди Е., Йорга Н., Капрошу И., Лехр Л.,

Олтяну Шт., Манолеску Р., Матей М., Нистор И., Панаитеску П., Папакостя Ш., Павлеску Е., Филити И., Чиходару К., Чюря Д., Чобану Шт., Шербан К., в западноевропейской и американской историографии сравнительно-исторические исследования Вебера М. и Сьюберга Г. и др.)¹².

Оставляя эту дискуссионную в современной историографии проблему на суд урбанистов, извлечем из нее для исследования интересующей нас проблемы системную сущность этих функций в трех аспектах, отражающих в той или иной степени взаимосвязи города и деревни (характер их «противостояния» в рамках единства и противоположности в системной модели общества).

При таком диалектическом, отнюдь не механическом, суммировании всех позиций в историографии, средневековый город предстает как: *центр* (средоточение в результате общественного разделения труда) *ремесла и торговли*, а затем и мелкого товарного производства, которое могло (но не повсеместно) включаться в городскую общину; *центр административной, судебной, военной власти, культовой деятельности*; *центр средоточения и перераспределения* (зачастую переработки) *прибавочного продукта* более или менее значительной деревенской округи (как и самого города).

Соотношение между функциональными признаками оценивалось в литературе по-разному. Делались даже попытки построения определенной типологии средневекового города и его взаимодействия с деревней, в зависимости от роли отдельных функций. Л. А. Котельникова, например, сделала это в последней обобщающей работе «История крестьянства в Европе» — одной из наиболее серьезных коллективных монографий 80-х гг. С одной стороны, автор утверждает, что «Возникновение и развитие средневековых городов, являвшихся центрами ремесла и торговли и в то же время средоточением административной, военной, церковной и культурной деятельности определило начало нового этапа в жизни феодального общества — периода развитого феодализма»¹³, с другой — выделяет (для всей средневековой Европы) «три основных типа городского развития и — соответственно — три типа взаимодействия города и деревни»¹⁴. Критериями этой типологизации остаются функции города как центра ремесла и торговли, с различными разновидностями (центр международной, посреднической, экспортной торговли; ремесленного центра, связанного в первую очередь с местным рынком; развитие городов как центров ремесленно-торговой активности, способствующих росту внутренней и внешней торговли, но облегчающих несвободу людей, переселяющихся в город и зависимых от властителей, проживающих в нем)¹⁵.

Собственно говоря, и в подобной типологизации (данной одним из наиболее известных специалистов по истории европейского города) сохранялся тот же традиционный подход к взаимодействию города и деревни, заключающийся в разных видах противостояния деревне со стороны центра ремесла и торговли, дополненного многофункциональностью средоточения административной, военной и культурной деятельности. Но во всех случаях это моделирование в рамках формационной схемы делалось вне зависимости от внутриформационной типологизации самого феодализма и тем более без учета критериев огосударствления или разгосударствления, рассматриваемых в постановке цивилизационной проблематики.

Такой подход характерен для изучения как западноевропейского, так и восточноевропейского города¹⁶. Доминировало и даже порой абсолютизировалось это представление и в современной советской молдавской и послевоенной румынской медиевистике по истории княжеств Молдовы и Валахии¹⁷. Лишь недавно П. С. Кокырлэ справедливо заметил, что в молдавской историографии до сих пор (1989 г.) — «вне поля зрения осталась проблема влияния типологии феодализма на раз-

витие города»¹⁸. Это положение не изменилось и до настоящего времени, если не считать первого наблюдения о влиянии государственного феодализма (т. е. процесса огосударствления общества) на положение города в период османского ига, сделанного в обобщающей работе по экономической истории Молдавии в 1976 г. и краткой постановки этой проблемы в нашем докладе на Всесоюзной конференции медиевистов в г. Кишиневе (1989 г.)¹⁹.

Однако специальных исследований, основанных на таком подходе, пока нет. Зато как и в российской историографии был надолго воспринят подход, базирующийся на рассмотрении развития ремесла и торговли как единственного и главного показателя эволюции городов и городского населения в княжествах. Только в последнее время стали обращать внимание и на функциональную роль города как центра феодального властвования. Но при этом такая постановка инкадрировалась лишь в рамки сеньориально-вотчинных форм феодализма, которые рассматривались как классические. Из этих условий и было заимствовано известное наблюдение о господстве в средние века деревни над городом (с различным решением экономического и политического аспектов)²⁰, которое затем было схематически распространено на всю Европу.

В Молдавском княжестве, по мнению исследователя молдавского средневекового города Л. Л. Полевого, «феодальная деревня породила свою противоположность — город — и господствовала над ним экономически и социально-политически на протяжении почти всей эпохи феодализма. В феодальной Молдавии это особенно заметно уже в процессе возникновения городов, основным путем которого, очевидно, являлось превращение сельского поселения в городское»²¹. Но это решение, как увидим далее, даже с позиций формационной схемы, не учитывало влияния типологических форм феодализма (государственных или частновладельческих, либо одной из промежуточных моделей в типологическом ряду между ними). Тем более, что при таком решении дело не доходило до учета процессов огосударствления или разгосударствления с позиций цивилизационной постановки. Примерно такое же положение сложилось и в послевоенной румынской медиевистике²². Объясняется такая историографическая ситуация господствовавшим в свое время в советской медиевистике подходом, который в конце 40-х — начале 60-х гг. был воспринят и в румынской исторической науке (явление, характерное в силу ряда причин для того периода румынской истории)²³.

Однако если вначале в послевоенной советской и румынской медиевистике функции города сводились преимущественно к его характеристике как центра ремесла и торговли, то со временем исследователи, в рамках формационной системы, стали обращать все больше внимание и на функции города как центра феодального властвования. Причем постепенно понимание этого функционального аспекта характеристики средневекового города претерпело в исторической науке определенную эволюцию. Она заключалась в том, что при исследовании полифункциональной структуры города значение стали придавать не просто его изучению как центра феодального властвования, но и как такого центра властвования, в котором происходит средоточение и перераспределение прибавочного продукта, причем не просто городского, но и деревенской округи (т. е. не только горожан, но и крестьян). Наиболее четко эту мысль изложил в 1983 г. (незадолго до своей преждевременной кончины) талантливый молодой ученый, выходец из Молдовы, А. В. Куза. По его мнению, «...древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширных территорий концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась значительная масса прибавочного продукта»²⁴. Более того, это явление иногда признается первичным по отношению к торгово-ремесленным и иным функциям в период генезиса феодализма на Руси (В. Л. Янин,

М. Х. Алешковский, А. А. Горский, А. В. Куза, В. В. Карлов, Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин и др.)²⁵. Критикуя взгляд, согласно которому в «советской историографии» (как и в значительной части румынской медиевистики, добавим мы, — П. С.) до последнего времени считалось главным отличием города от сельского поселения наличие в нем ремесленников и торговцев», П. Г. Рындзюнский и В. А. Кучкин признали плодотворным последний пересмотр, с тем лишь добавлением, что вместо прибавочного продукта лучше говорить об общественном продукте. В сравнительно-историческом плане они отсылают и к исследованиям О. Г. Большакова по Ближнему Востоку (и Средней Азии, где эта постановка прозвучала еще в 1973 г.)²⁶.

Новый подход середины 70-х — начала 90-х гг. может, на наш взгляд, способствовать преодолению бескомпромиссной научной дискуссии, продолжающейся до настоящего времени между «московской» и «ленинградской» школами медиевистов (и их последователями в других регионах) по поводу генезиса и сущности средневековых городов. Для этого потребуются, разумеется, идти по пути интеграции формационного подхода и постановки цивилизационной проблематики, с учетом процессов огосударствления общества в различных человеческих цивилизациях. Отказ от прежней догматической схемы позволит соединить типологию феодализма (плюралистическую теорию типологического ряда) с изучением характера огосударствления и разгосударствления в каждой из человеческих цивилизаций — подход, разрабатываемый в современной «кишиневской школе» медиевистики. Это даст возможность перекинуть мост между двумя противоположными берегами в идущей научной дискуссии.

Ведь недовольство И. Я. Фроянова и ряда его последователей («ленинградская школа») тем, что «города на Руси приобретают в умах историков («московской школы» — П. С.) значение центров феодального властвования»²⁷, не учитывает одного в высшей степени важного обстоятельства — понимания характера этой цивилизации с точки зрения огосударствления и разгосударствления. В данном случае главным является не столько формационная принадлежность к феодализму (что, собственно говоря, и не устраивает ленинградского автора и на чем, наоборот, так настаивает «московская школа»), а наличие центра власти в обществе, находящемся на той или иной стадии огосударствления, без которого оно (общество), будучи огосударствленным, не может существовать, ибо это центр, где сосредотачивается прибавочный продукт (независимо от формационной характеристики). Возможно, интуитивно понимая это, И. Я. Фроянов и его коллеги так старательно и перечисляют в сравнительно-историческом плане такого рода общества, начиная от «универсальных в мировой истории форм государств древнего Шумера, гомеровских греков, юго-западных славян, африканских йорубов...». Сравнительно-исторические параллели с Ближнего Востока перекидываются ими через Атлантический океан на американский континент, в Мезоамерику и Перу (И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко, В. И. Гуляев)²⁸.

Примечательно, что, несмотря на столь решительное расхождение в оценке формационной принадлежности древнерусского города, И. Я. Фроянов и его оппоненты столь же решительно сходятся в оценке другой функции города. Фактически мы наблюдаем в настоящее время единую оппозицию со стороны московской и ленинградской школ к прежней концепции абсолютизации города как центра ремесла и торговли. Эту позицию мы встречаем у А. В. Кузы — сторонника взглядов на город как на центр феодального властвования («узость характеристики древнерусского города только как центра ремесла и торговли вполне очевидна», — заявляет он). И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко также объявляют себя в оппозиции к «известному

единству взглядов (по которому) большинство специалистов склонно видеть в городах главным образом центры ремесла и торговли»²⁹.

Но обе стороны в дискуссии ограничиваются раннеклассовым обществом, при этом по-разному оценивая социальную природу огосударствления. Если первые (В. Л. Янин, А. В. Куза, А. А. Горский и др.) видят в нем один из возможных путей феодализации (и отсюда город становится в их глазах центром феодального властвования), то И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко категорически отрицают это³⁰, хотя и признают роль города как центра средоточения прибавочного продукта (Э. Д. Фролов, Г. Е. Лебедев и др.³¹). Именно последнее признание сближает обе школы медиевистики в советской науке.

Возникает такая согласованность в одном вопросе (город-центр средоточения прибавочного продукта) и расхождение в другом (формационной природе того же города) в результате слабого развития в советской историографии внутриформационной типологизации общества и непонимания целесообразности ее интеграции с цивилизационным подходом. Здесь мы, собственно говоря, и приближаемся непосредственно к возможности взаимосвязи типологического формационного и цивилизационного подходов. При чисто формационном подходе речь идет в данном случае о типологическом ряде. Если не видеть весь ряд и догматически сводить представление о феодализме только к одному сеньориально-вотчинному полюсу типологического ряда (что фактически и делает И. Я. Фроянов и некоторые из его коллег), то никакого центра феодального властвования в древнерусском городе, как и во многих других регионах, где происходили подобные сходные процессы, обозначить нельзя. Если же учитывать и другой полюс — государственный феодализм и соответствующий к нему путь феодализации посредством огосударствления (окняжения), о котором писали Л. В. Черепнин, В. Л. Янин, А. Д. Горский, В. Д. Назаров и мн. др., то этот же город может просматриваться и как центр феодального властвования, в котором происходит средоточение прибавочного продукта более или менее обширной «деревенской округи» (А. В. Куза, А. А. Горский и др.).

Наконец, если, отказавшись от догматического понимания формационной теории, использовать типологический подход и интегрировать его с рассмотрением особенностей различных по степени огосударствления и разгосударствления очаговых, местных и мировых цивилизаций, то может родиться конвергирующая способность преодолеть противоречия обеих дискутирующих школ (московской и ленинградской). Во всяком случае «кишиневская школа» медиевистики, в которой типологический подход был наиболее развит (как это сейчас признается в советской и зарубежной литературе)³², способна, на наш взгляд, одной из первых пойти по этому новому пути.

Попробуем очертить эти первые штрихи на примере средневековой истории княжеств Молдовы и Валахии (Цара Ромыняскэ), в которых, с одной стороны, формационные процессы типологически были абсолютно идентичными, а с другой, речь идет в обоих княжествах об одной и той же цивилизации. Еще в конце периода раннего средневековья, т. е. в последних десятилетиях XIV — начале XV в., процесс огосударствления (типологически ведущий тогда в ходе феодализации) привел к тому, что подавляющая часть земель Молдавского княжества становится государственной, господарской собственностью³³.

В советских и румынских исследованиях последних лет также заметился пересмотр ранее господствовавшей точки зрения, рассматривавшей генезис молдавского города только в виде появления центра ремесла и торговли³⁴. Обозначилась его роль и как центра феодального властвования, а также средоточения прибавочного продукта (хотя и не в такой степени как в древнерусском городе)³⁵. Последнее связано с тем, что сеньориальный путь в генезисе молдавского феодализма (а в

Валашском княжестве в еще большей степени) в отличие от Древней Руси, хотя и уступал процессу огосударствления, занимал более определенные исходные позиции. При этом в Молдове возникшие в основном на государственной земле города так и остались в течение нескольких столетий (XV—XVII вв.) исключительно только на господарских (государственных) землях — до XVIII в. (см. летопись Николая Костина).

В Молдове не было ни одного сеньориального города. В то же время эти города на господарской, государственной земле были центрами феодального властвования всей округи (цинута — уезда или окола), в которую со временем, по мере раздачи земель боярам и монастырям в XV в., вошло большинство частновладельческих сел. Сеньориально-вотчинный строй укреплялся и сеньориальная деревня в XV — начале XVI в. все больше стала конкурировать с городом в деле средоточения прибавочного продукта. Но ненадолго. Сеньориально-вотчинный строй, так и не достигнув уровня соседних стран (Польши, Литвы, Венгрии, России и др.), после установления османского ига в XVI в. стал ослабляться и взамен пошло бурное укрепление государственного феодализма, что повлекло за собой изменения в функциональной модели города.

Местная региональная цивилизация княжеств (в большей мере Молдовы и Валахии, в гораздо меньшей — Трансильвании) испытала воздействие внешнего фактора, приводившего к огосударствлению всех ее сторон: хозяйства, социальной жизни, менталитета, всей гаммы взаимоотношений между людьми и даже ряда новых понятийных категорий румынского языка (нэпаста, мазыл, и др.). Все эти аспекты изучения румынской цивилизации в период многовекового османского владычества — предмет особых исследований. Во всяком случае воздействие этого фактора нельзя недооценивать (как впрочем недооценивалось в советской науке влияние восточного, монголо-татарского фактора на историю российской цивилизации). В настоящей статье, однако, нас интересуют лишь проблемы городской цивилизации.

В этом плане уже в XVI—XVII вв. прослеживалась довольно любопытная взаимозависимость процессов огосударствления всего общества Молдовы и функций городов. Если в XVI—XVII вв. в определенной мере росла роль молдавских городов как центров ремесла и торговли, то по сравнению с предыдущим периодом в неизмеримо большей степени возрастала их роль как центров властвования, в которых средотачивалась львиная доля прибавочного продукта с деревенской округи (цинута)³⁶. Как мы видели выше, в литературе эта функциональная сторона средневекового города была больше изучена для раннеклассовых обществ и очаговых цивилизаций (в модели город-государство). Причем в сравнительно-историческом плане она прослеживалась в более поздние периоды и для других обществ (в том числе достигших и уровня мировых цивилизаций), в которых роль огосударствления могла быть весьма велика. И наоборот, мы можем заметить, что в тех регионах, где господствовали сеньориальные пути генезиса феодализма, т. е. там, где огосударствление общества было слабым или вовсе отсутствовало, роль города чаще всего снижалась (если она была существенна раньше, в римско-античное и постантичное время)³⁷.

Любопытные данные в этом отношении приводит Л. А. Котельникова в «Истории крестьянства в Европе». Для западно-средиземноморской цивилизации (части Пиренейского полуострова и юга Франции) можно даже говорить о перерыве городской истории до ее возрождения в X—XI вв. уже на новой, более поздней феодальной основе, после завершения сеньориальной фазы генезиса. А вот в мусульманской Испании, задолго до этого возрождения (в VIII—X вв., когда господствовал свойственный мусульманской цивилизации халифата «государственный феодализм») речь шла о довольно больших городах и значительном удельном весе городского населения³⁸. Ситуация здесь прямо

противоположная тому, что «города христианской части Испании... переживали упадок». А. Л. Ястребицкая делает даже на этом основании общий вывод о падении административных функций бывших городов галло-римской цивилизации в Западной Европе, выходе деревни из-под надзора городских курий, в то время как «окрестные крупные собственники старались тогда установить свой контроль над городом». Город зачастую попадает под сеньориальную власть, от которой он будет освобождаться гораздо позже³⁹.

На основе этих материалов и появился в свое время в марксистской теории постулат об установлении политического господства деревни над городом как общим явлением, характерном для периода утверждения феодального строя⁴⁰. Затем он был априорно распространен в послевоенной историографии (включая экономическое господство) и на средневековую Молдову. Однако при сравнительно-историческом изучении оказывается, что даже в Западной Европе это наблюдение соответствует только тем местным цивилизациям, где господствовал сеньориальный путь генезиса феодализма. И наоборот, огосударствленные (в типологическом ряду) пути феодализации скорее всего давали обратную картину: ускоренной, усиленной урбанизации и даже появления тенденции к господству города над деревней.

Включение в ареал сравнительно-исторического изучения проблемы регионов не только Западной, но и Восточной Европы, и особенно Азии, подтверждает еще больше наше наблюдение. Об упадке города в период генезиса феодализма в Китае свидетельствует Э. П. Стужина. Вместе с тем она отмечает, что урбанизация усиливается здесь именно во время огосударствления⁴¹. По мнению ряда авторов (В. В. Карлов, Е. А. Мельников, В. Я. Петрухин и др.), не просто генезис феодализма, а именно распространение его определенного типа — сеньориально-вотчинного строя — привело к упадку старых городов на Руси. А. В. Куза отмечал, что предшествовавшее сеньориальной фазе феодализации в Древней Руси огосударствление и средоточение на этой основе прибавочного продукта в определенных центрах-погостах и было фактором возникновения прежде этих старых городов, т. е. градообразования. Роль этих погостов (часто совпадающих с городами, как и вики в Скандинавии), приобретавших характер центров средоточения прибавочного продукта, стала падать с развитием сеньориальной феодализации. Тогда и на Руси центр властвования и господства стал перемещаться из города в деревню⁴².

В Молдове тот же процесс усиления сеньориально-вотчинного строя в XV в. (т. е. сеньориальной феодализации) не успел проявиться столь очевидно, чтобы привести к упадку роли города как центра властвования. К тому же города здесь в XV в. находились только на государственной (господарской) земле. А в XVI—XVII вв. развитие уже вновь пошло в сторону резкого усиления в целом государственного феодализма, что привело к новому усилению в полифункциональной модели молдавского города его значения как центра властвования и средоточения прибавочного продукта.

Но прежде чем рассмотреть последствия этого явления, необходим еще один сравнительно-исторический экскурс, на этот раз не столько в развитие средневековых городов Европы, сколько в историю восточных цивилизаций. Исследования последних лет показали значительные масштабы роста городов в период классического средневековья в странах Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии, арабского халифата и вообще мусульманской цивилизации, когда там господствовали формы государственного феодализма. Вообще на Востоке встречаются огосударствленные города — в Китае или Монгольской Индии⁴³. По мнению исследователей восточных цивилизаций, это было связано с тем, что города в качестве центра властвования стали основным местом средоточения, перераспределения и переработки прибавочного продукта в стране.

Города достигли, в таких, не раннеклассовых, а уже развитых огосударствленных обществах невиданных по сравнению с средневековой цивилизацией Европы того времени размеров. Причем это сопровождалось в некоторых странах восточной цивилизации нередко весьма высоким удельным весом городского населения в стране (доходил до 25—30%)⁴⁴. Для сравнения отметим, что Франция имела такой удельный вес городского населения лишь в середине XIX в., а СССР в 1926 г. имел только 18% горожан.

Итак, сравнительно-исторические параллели указывают на то, что на разных этапах огосударствления общества, от раннеклассового периода до эпохи развитого средневековья, повсеместно в Европе и Азии, на Западе и Востоке, наблюдается одна и та же тенденция: рост роли города как центра властвования и средоточения прибавочного продукта, а отсюда (вследствие этого огосударствления) — ускоренная, своего рода гипертрофированная урбанизация. И наоборот, разгосударствление общества в средние века порождало противоположную тенденцию — урбанизация теряла гипертрофированный характер.

Наши сравнительно-исторические наблюдения подтверждаются и на основании изучения истории румынской цивилизации, особенно периода османского владычества. Мы уже отмечали, что с XVI в. в княжествах происходит, с точки зрения внутриформационных перемен, передвижение по типологическому ряду от сеньориального к государственному феодализму. Это означало огосударствление всех сторон жизни молдавского общества, всей местной цивилизации. Причем своеобразие этого процесса в княжествах заключалось в наслонении феодально-государственных экономических отношений собственности на частновладельческие земли. Достигалось оно путем сохранения вотчины, но в то же время значительного ослабления сеньориального строя и установления повсеместно господства государственных податей в составе совокупного продукта (они достигли более чем 7—8-кратного превосходства над сеньориальной рентой вотчинника)⁴⁵. Катализатором такого внутриформационного типологического сдвига было османское владычество. В пользу империи шло более половины всего прибавочного продукта, взыскиваемого с молдавских крестьян (местному боярству оставалось 28%, господарскому двору — 14, церкви — 5,3%).

Город был основным местом, где сосредотачивался этот огромный прибавочный продукт, взысканный путем феодально-государственной эксплуатации (охватившей 80—90% всей нормы эксплуатации)⁴⁶. Значит, молдавский город стал центром средоточения львиной доли всего прибавочного продукта в княжестве. Здесь шло его перераспределение — более половины уходило отсюда в пользу Османской империи по различным каналам: дань, пешкеши, рушветы и т. д. (62,4% прибавочного продукта взысканного централизованным путем и 52,7% всего совокупного продукта собранного с крестьян). Остальное забирали господа и служилое боярство, которое уже проживало, как правило, в городах и за этот счет стало получать свои основные доходы. Те землевладельцы, которые теряли доходные государственные службы, превращались из бояр в мазыл или вообще, не имея служб, жили в деревне, сами платили высокие налоги со своих все более ограничиваемых государством вотчинных рент, разорялись в корпоративном масштабе, нередко опускались до статуса резешей, окрестьянивались.

Поэтому в городах сосредотачивались не только основная масса прибавочного продукта с деревни, но соответственно и большая часть административного и военного аппарата его взыскания и осуществления внеэкономического принуждения всей деревенской округи, цинута или окола (поскольку светская вотчина не имела податного и судебного иммунитета, а духовная со временем почти полностью его потеряла)⁴⁷. В городах сосредотачивалась выделенная с конца XVI в. служба обложения и учета всех крестьян-налогоплательщиков цинута или окола, а

также большая часть «чиновников», каждый из которых ведал сбором одной подати, пошлыны, штрафа из их общего числа, которое превышало 100 наименований. Им присваивалось служебное звание, соответствующее названию каждого взыскания: данники, бирари, илишари, гоштинары, десятники, работники, слидогонцы, душегубинары, глобники, вameши, олакари, перерубцы, жолдунари, припашары, сулжеры, пятидесятники, стольники, стецари, унташи, безменари, солари, уширджи, алэмжии, фолэри, мортасипы, чепари, буырари, злоташи, талераши, орташи и т. д. Часть налогов (рэсура) шла в их пользу⁴⁸.

Безмерно возрастало податное обложение не только крестьян, но и большинства горожан, оно стало приближаться к чрезвычайно высоким квотам государственных взысканий в селе. Движение по типологическому ряду все больше втягивало в систему государственного феодализма не только деревню, но и город. Он все больше в таких условиях становился центром феодального властвования.

Таким образом, в условиях огосударствления всей социальной жизни молдавского общества, аппарат властвования, в том числе и над крестьянами, сосредотачивался не в вотчине (как при господстве сеньориальных форм феодализма), а в городе. Не случайно 28 из 32 городов Молдавского княжества XVII в. были административными, судебными, финансовыми, военными (да и культурно-культовыми) центрами цинутов и окол. Вот чем объясняется чрезмерно быстрый рост численности населения городов и удельного веса городского населения в стране за сто лет. В XVI—XVII вв. по самым заниженным подсчетам он поднялся с 8 до 18—20%.⁴⁹ В значительной степени это происходило за счет возрастания в городе удельного веса аппарата властвования, сбора и перераспределения прибавочного продукта, ибо он опережал, шел быстрее процесса разделения труда, развития ремесла и торговли в городах⁵⁰. Например, в Яссах он охватывал в середине XVII в. уже почти 40% общего числа всех горожан. Конечно, надо иметь в виду, что речь идет о столице государства, цинута и окола. Удельный вес аппарата здесь был особенно велик. Но ведь Яссы одновременно ведущий торгово-ремесленный центр страны.

Как видим, удельный вес городского населения в стране соответствовал в Молдове не тем регионам Европы, где при таком же уровне развития ремесла и торговли господствовал сеньориально-вотчинный строй. Там он был намного ниже. Скорее всего положение в Молдове напоминало те цивилизации Азии и Европы, где огосударствление общества играло ведущую роль, в частности, с точки зрения формационного подхода господствовал государственный феодализм.

Впоследствии, во второй половине XVIII — первых десятилетиях XIX в., т. е. после выхода из экономического упадка (вызванного выкачкой прибавочного продукта в Османскую империю), по мере сокращения этого вывоза и новой тенденции переноса центра тяжести в эксплуатации крестьян с государства на вотчину⁵¹ (т. е. обратного движения по упомянутому типологическому ряду и процесса разгосударствления),⁵² в многофункциональной системе молдавского города вновь происходит постепенная перестройка. Город Молдовы теряет прежнее значение основного места средоточения и перераспределения прибавочного продукта и усиливается его роль как центра ремесла и торговли. Соответственно в городе сокращается государственный аппарат властвования над частновладельческими крестьянами цинута и окола. Удельный вес городского населения (начавший сокращаться еще в годы экономического упадка) продолжает падать и держится на довольно низком уровне (в начале XIX в. — 8,7% по сравнению с 18—20% в XVII в., т. е. возвращается к уровню XVI в. — 8%)⁵³. Города теряют свои черты «гипертрофической урбанизации», характерные для огосударствленных обществ⁵⁴. Городское население Молдовы по мере

разгосударствления в XIX в. приобретает нормальный удельный вес, соответствующий уровню разделения труда в стране.

Таким образом, сравнительно-историческое изучение позволяет проследить определенную зависимость между полифункциональной моделью средневекового города и степенью огосударствления (или разгосударствления) данного общества. Тотальное огосударствление ведет к «гипертрофированной урбанизации» и особому усилению властных (экономических, социальных, политических, культурно-культовых) функций города над деревенской округой как одной из характерных черт такого общества или даже целой цивилизации. И наоборот, эти черты постепенно исчезают по мере разгосударствления данного общества (в его формационной характеристике или данной очаговой, либо местной цивилизации). Явление, которое можно проследить в рамках изучения мировых цивилизаций как Запада, так и Востока.

* * *

В плане ретроспективного изучения истории человечества сравнительно-исторические наблюдения данной статьи (которые носят постановочный характер) могут быть использованы для понимания роли различных моделей города в циклах огосударствления или разгосударствления разных обществ и цивилизаций. Эти циклы сменяют, на наш взгляд, друг друга с древнейших времен до наших дней. В этом смысле сегодняшняя перестройка в обществе тотального огосударствления, стремящегося найти пути к разгосударствлению, может использовать предыдущий опыт преодоления ускоренной «гипертрофированной урбанизации», которая имеет место в таких условиях.

Примечания

¹ Смещенные (в мутационном плане) и противоречивые процессы развития общества, которые наблюдаются в настоящее время в нашей стране, предопределены рядом причин. Нет достаточно обоснованных, на уровне фундаментальных заделов гуманитарных наук, моделей перехода от огосударствленных к разгосударствленным структурам общества. Старые структуры хаотически разрушаются, новые не создаются. Зачастую возникает имитация разгосударствления, которая носит порой противоречивый характер. Не случайно сегодня некоторые действия по новому огосударствлению выдаются как переходные структуры процесса разгосударствления (например, с одной стороны, попытки перехода к рыночной экономике, с другой — новый импульс к огосударствленным системам распределения материальных благ по своеобразному принципу «казенного рынка»). Как увидим далее, это касается и функциональной роли города в его взаимоотношениях с селом.

² Такое предположение мы впервые высказали в 1988 г. (см. доклад на Всесоюзной конференции в г. Кишиневе//Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Чтения, посвященные памяти Л. В. Черепнина. М., 1988. Ч. 1. С. 79—82.

³ Конечно, по сравнению с Молдовой и Мунтенией такое явление меньше наблюдалось в Трансильвании. Объясняется это, очевидно, тем, что характер румынской цивилизации в Трансильвании и Банате ближе к центрально-европейским моделям, нежели в Молдове и Валахии, в которых превалирует больше черт, свойственных Юго-Восточной Европе, где в силу ряда причин смена процессов огосударствления и разгосударствления встречалась чаще.

⁴ Их рассмотрение должно быть предметом самостоятельного исследования, частичный анализ этих причин был нами дан в предыдущих работах.

⁵ О некоторых аспектах процессов огосударствления и разгосударствления в Молдове и Валахии средневекового периода и нового времени см. наш доклад в Румынской Академии на XI совместной сессии румынских и советских историков (Бухарест, 1985 г.)//Изв. АН МССР. Сер. общ. наук. 1986. № 2, 3; См.: История крестьянства в Европе. Т. II, III. М., 1986 (наши разделы по истории княжеств Молдова и Валахия до сер. XIX в.).

⁶ Симпозиумы, касающиеся этой темы, в Кишиневе были пока созданы только по периоду средних веков (1973, 1989).

⁷ Исключение составляет небольшой фрагмент по средневековому городу

- Молдовы в период османского владычества (История народного хозяйства МССР. С древнейших времен до 1812. Кишинев, 1976. С. 189—190).
- ⁸ Сущностную характеристику источниковой базы средневековой Молдовы и роль вспомогательных методов исследования (особенно сравнительно-исторического и ретроспективного) см.: *Советов П. В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 59—73.
 - ⁹ Там же. С. 3—5 (предисловие Л. В. Черепнина) и далее (с. 6—14, 488—498; Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975. С. 125—197; *Revistă de istorie a Moldovei*. Chișinău, 1990. N 2. P. 11—15.
 - ¹⁰ В таком случае, при использовании формационного подхода, речь будет идти о государственном феодализме, государственном капитализме, государственном социализме или противоположных по типологическому ряду моделях. При постановке цивилизационной проблематики рассмотрение проводится с учетом многомерного, нелинейного, альтернативного, вероятностного характера чередования процессов огосударствления и разгосударствления (например, более явное проявление нередко почти тотального огосударствления общества в восточных цивилизациях, по сравнению с западными, и более частые циклы смены, особенно под влиянием внешних факторов).
 - ¹¹ См. анализ А. И. Неусыхиним концепции Макса Вебера // Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 494.
 - ¹² Ограниченные рамки статьи не позволяют привести все работы, отражающие эту эволюцию, а лишь упоминания о некоторых авторах в послевоенной историографии, исследования которых непосредственно отражены далее в статье. Для послевоенной литературы Румынии см. также перечень этих работ в библиографическом плане: *Bibliografia istorică a României*. I (1944—1969). București, 1970; *Bibliografia istorică a României*. IV (1969—1974). București, 1975; *Șotropa V.* Introducere și bibliografie la istoria dreptului român. Cluj, 1937.
 - ¹³ *Котельникова Л. А.* Крестьянство и город // История крестьянства в Европе. Т. II. М., 1986. С. 64.
 - ¹⁴ Там же. С. 90.
 - ¹⁵ Там же. С. 91.
 - ¹⁶ *Стоклицкая-Терешкович В. В.* Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960; *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959.
 - ¹⁷ *Мохов Н. А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 124—128; 229—235; История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965. С. 108—110; 170—178; 290—292; История Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1984. С. 53—57; История Молдавской ССР (в шести томах). Т. I. Кишинев, 1987. С. 351—357; *Бышня П. П.* Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1984; *Giurescu C. C.* Țiguri sau orașe și cetăți moldovene (X—XVI). București, 1967. P. 5, 174; *Costăchel V., Panaitescu P., Cazacu A.* Viața feudală în Țara Românească și Moldova (sec. XIV—XVII). București, 1957. P. 414—444; *Istoria României*. Vol. II. București, 1962. P. 288—302, 307, 320, 586, 835—840; *Istoria poporului român*/Sub. red. acad. A. Oțetea. București, 1970. P. 189—190, 194; *Grigoraș N.* Instituții feudale din Moldova. București, 1971. P. 387—415.
 - ¹⁸ *Кокырла П. С.* Социально-экономическое развитие молдавского города в конце XVII—нач. XIX в. Кишинев, 1989. С. 13.
 - ¹⁹ История народного хозяйства Молдавской ССР. С древнейших времен до 1812 г. Кишинев, 1976. С. 189; Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М., 1988. Ч. I. С. 86—87 (тезисы изданы в 1988 г. в Москве, конференция состоялась в 1989 г. в Кишиневе).
 - ²⁰ В советской и зарубежной литературе по этому вопросу высказываются различные, порой противоположные мнения для разных регионов Европы и Азии (*Л. А. Котельникова, Н. А. Хачаатурян, А. В. Куза, О. Г. Большаков, Л. Л. Полевой, И. Б. Бентович, Г. Своберг и др.*)
 - ²¹ *Полевой Л. Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв. Кишинев, 1979. С. 72.
 - ²² См.: *Matei M. D.* Studii de istorie orășenească medievală (Moldova. sec. XIV—XVI). Suceava, 1970.
 - ²³ Займствование носило догматический характер и обуславливалось печальным опытом дискуссии о многовариативности форм и моделей (азиатский способ производства, государственный феодализм и т. д.) в советской историографии конца 20—начала 30-х гг., завершившейся репрессиями в отношении противников т. н. классической («краткокурсовской») формационной схемы. Об этом займствовании см. также наш историографический анализ в кн. Молдавский феодализм: общее и особенное (история и культура). Кишинев, 1991.
 - ²⁴ *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. Русский город. Вып. 6. М., 1983. С. 13.
 - ²⁵ История СССР, 1971. №2. С. 61; 1986. №5. С. 65; КСИА. Вып. 179.—1984. С. 3—11; Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. XXII сессия симпозиума по изучению

- проблем аграрной истории. М., 1989. С. 202—203.
- 26 *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. С. 10.
 - 27 *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 220.
 - 28 Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 211; *Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979. С. 16—17.
 - 29 Русский город. Вып. 6, 1983. С. 7: Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 209.
 - 30 Становление и развитие раннеклассовых обществ. С. 246—253.
 - 31 Там же. С. 106, 112, 141, 142.
 - 32 Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 135; Феодализм в России. Сб. ст. и воспом., посвященный памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 102—109 (особенно С. 112—113).
 - 33 *Cantemir Dimitrie.* Descrierea Moldovei. București, 1973. Capitoul XIII; *Кантемир Димитрий.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С. 131—132; Об этом см. подробнее: *Советов П. В.* Общее и особенное в типологии феодализма на Руси и в Дунайских княжествах//Изв. АН МССР. Сер. общ. наук. 1986. № 2, 3.
 - 34 См.: матер. XXII Всес. сессии симпозиума по аграрной истории. Минск, 1989; Последние исследования М. Матей в румынской историографии и др.
 - 35 История Молдавской ССР Т. I. Кишинев, 1987. С. 352, 354, 362—364.
 - 36 История народного хозяйства Молдавской ССР. С древнейших времен до 1812 г. Кишинев, 1976. С. 189; *Советов П. В.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев, 1980. С. 190 и далее.
 - 37 Это наблюдается частично в Западной Европе и Византии. (Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 333, 335; *Ястребицкая А. Л.* Западноевропейский город в средние века//Вопросы истории. 1978. №4. С. 98—99).
 - 38 История крестьянства в Европе. Т. I. 1985. С. 502—503. Кордова—15 тыс., Толедо—37, Гренада—26 тыс.
 - 39 *Ястребицкая А. Л.* Указ. соч. С. 100, 113.
 - 40 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 365.
 - 41 *Стужина Э. П.* Китайский город XI—XIII вв. М., 1979. С. 12, 96, 260, 281—282, 287.
 - 42 История СССР, 1986. №5. С. 73—77; Русский город. Вып. 3 М., 1980. С. 55, 73, 82. Правда, в татаро-монгольский период города остались политическими центрами своих земель для организации фиска и господства (там же, С. 55).
 - 43 *Стужина Э. П.* Указ. соч. С. 23, 96, 260, 268, 273; *Ашрафян К. З.* Средневековый город Индии XIII—сер. XVIII в. М., 1983. С. 5, 21—22, 85, 89, 107.
 - 44 *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* (предисловие *Массона В. М.*). Средневековый город Средней Азии. М., 1973. С. 4, 265, 269, 311—312; *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. С. 4, 10—11, 14, 22, 133, 137—138; *Sjoberg G.* The Preindustrial City. Past and Present. N. Y. 1960.
 - 45 См.: *Советов П. В.* Общее и особенное в типологии феодализма. С. 43—49.
 - 46 *Советов П. В.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев, 1980. С. 279—280, 282; *Советов П. В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 456—486.
 - 47 *Советов П. В.* Общее и особенное в развитии форм молдавского феодализма (какова была в XVI—начале XVIII в. основная тенденция в развитии податного иммунитета?)//Молдавский феодализм: общее и особенное. Кишинев, 1991.
 - 48 Сводку данных см.: *Советов П. В.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. С. 197—213.
 - 49 История народного хозяйства Молдавской ССР. С древнейших времен до 1812 г. Кишинев, 1976. С. 189. Таблицу размеров городов см.: С. 174—175. При учете средних показателей удельный вес достигает 25—30%.
 - 50 Для Молдовы этого периода можно принять положение В. В. Карлова, высказанное по поводу Руси. Экономические функции города выполнялись недостаточно для растущих потребностей страны (Русский город. М., 1976. С. 69). Молдавское городское ремесло, несмотря на заметные успехи, не было в состоянии обеспечивать внутренний рынок. Экспорт состоял из товаров сельского хозяйства, импорт — из ремесленно-промышленных изделий. Торговлю захватили в свои руки в значительной степени выходцы из Османской империи.
 - 51 История крестьянства в Европе Т. III. М., 1986. С. 410—412.
 - 52 Эти внутрiformационные сдвиги в формах феодализма совпадали теперь с началом межформационных — генезисом капитализма. К тому же еще в XVIII в. добрая половина городов была передана в сеньориальное владение, хотя государственная эксплуатация и там еще многократно преувеличивалась.
 - 53 История народного хозяйства Молдавской ССР. С. 354—355; В России второй половины XVIII в. доля городского населения возросла от 3—4 до 8%.

Rezumat

Istoria civilizației românești suscită un interes deosebit din punct de vedere a cercetării teoretice a proceselor de etatizare și deetatizare. Pornind de la această concepție, articolul de față prezintă un studiu de istorie comparativă pe scară mondială privitor la interdependența proceselor de etatizare și deetatizare și rolul funcțional al orașului în societatea medievală și modernă.

Ion Chirtoagă

FORMELE DE PROPRIETATE FEUDALA
PE PĂMÎNTURILE CHILIEI,
AKKERMANULUI ȘI ALE BENDERULUI
(1484—anii 60 ai sec. al XVI-lea)

În decursul anului 1484 și prima jumătate a secolului al XVI-lea Poarta Osmană a rupt din Țara Moldovei Chilia, Cetatea Albă și Tighina împreună cu pământurile din jurul lor. Aceasta a dus la unele transformări în proprietatea mijloacelor de producție, care și-au lăsat amprenta asupra evoluției ulterioare a relațiilor social-economice din ținut.

În literatura istorică la tema proprietății feudale asupra mijloacelor de producție la sudul interfluviului Nistru—Pрут se întâlnesc pînă în prezent doar unele formulări generale. N. A. Mohov menționează, că toate pământurile din acest ținut ale sultanului, declarate ca proprietate condiționată se dădeau oștenilor, care trăiau în cetăți în bună pace cu țărani. Poarta Osmană deseori recurgea la reîmpărțirea pământurilor¹. Într-o formă similară această chestiune se expune și în compartimentul scris de E. M. Rusev pentru «Istoria R.S.S. Moldovenești»: Pe teritoriul cucerit Poarta a lichidat formele preosmane de proprietate asupra pământului și tot pământul a trecut în mâinile sultanului². În ediția academică a istoriei României se menționează, că în ținutul cucerit de osmani formele de proprietate asupra pământului se anulează și venitul de la el se împărțea sipahilor, care în schimb erau datori să facă serviciul militar. Venituri mari primeau marii demnitari osmani și instituțiile pioase — vacufurile³. Trăsăturile principale ale așa-numitei sisteme timariote, care domina în Imperiul Osman mai amănunțit se descriu în articolul lui M. Maxim⁴. Însă, e cazul de menționat, că date concrete ce țin de obiectul studiului dat se pierd în mulțimea de materiale referitoare la întregul imperiu.

În cele ce urmează vom încerca mai amănunțit să studiem formele de proprietate feudală, survenite pe pământurile interfluviului Nistru—Pрут, în urma administrării Imperiului Osman în perioada sa de înflorire.

În perioada cuceririi osmane a Chiliei, Cetății Albe și Tighinei în Țara Moldovei, după cum a relevat P. Sovetov, s-a terminat procesul de dezvoltare extensivă a feudalismului. Spre finele secolului al XV-lea majoritatea localităților rurale de acum se găseau în proprietatea particulară a boierilor mari și mijlocii. Numai unele așa-numite comunități rurale libere cu prioritate s-au păstrat la periferiile țării. Însă, totuși, gradul de dezvoltare a feudalismului nu se aprofundase atât de mult: renta seniorială era cu mult mai mică decît cea de stat. În secolul al XVI-lea se începe reformarea proprietății senioriale, pe parcursul căreia în locul marii proprietăți funciare se ivește mica proprietate feudală, care constituia baza materială a păturii slujitorilor militari. Întărirea aparatului de constrîngere extraeconomice a dus la exploatarea seniorială și mai crudă a țărănimii aservite. Dar în acest proces natural de dezvoltare a societății s-a intercalat expansiunea osmană, în rezultatul căreia pe

unele pământuri ale Țării Moldovei cu proprietate feudală particulară s-au suprapus formele de exploatare de stat, iar pe alte pământuri ale ei treptat au fost introduse cu prioritate formele de proprietate de stat, caracteristice pentru întreaga Europă de Sud-Est, cucerită de osmani⁵.

După cum s-a remarcat în istoriografie, pe pământurile acaparate de Poartă, în perioada timpurie a Imperiului Osman un timp conviețuiau două instituții agrare: pe de o parte, cu ritmuri rapide se dezvoltă sistemul timariot, bazat pe proprietatea funciară de stat, iar pe de altă parte — s-au păstrat formele de proprietate preosmane necondiționate. Putea centrală de obicei susținea sistemul timariot, pe care se sprijinea în lupta sa cu tendințele separatiste a marilor funciari — beilor. Aceasta în deosebi s-a manifestat pe timpul sultanului Mehmed II, care în anii 60—70 ai sec. al XV-lea aproape în întregime a nimicit proprietatea necondiționată. Dar în perioada premărgătoare proprietatea feudală particulară, pătrunzând adânc în societatea osmană, prezenta o formă politică temerară și puterea de stat nu putea s-o ignoreze. Baiazid III (1481—1512), care în lupta cu fratele său Gem a încercat să se sprijine pe aristocrația feudală, nu numai că a restabilit proprietatea feudală particulară de mai înainte, dar a și lărgit-o considerabil. Ulterior politica lui Mehmed II de limitare a forței economice a aristocrației vechi a fost prelungită de către nepotul său Selim I (1512—1520) și strănepotul Suleiman I, drept urmare în anul 1528 circa patru cincimi ale fondului funciar a nimerit în haznaua de stat⁶.

În literatura istorică există diferite opinii referitor la esența timarului. Unii istorici turci contemporani neagă caracterul feudal al timarului, — de exemplu, M. T. Ghiokbilgin consideră, că «în Imperiul Osman niciodată n-a existat feudalismul în sensul adevărat al cuvântului»⁷. În să majoritatea istoricilor consideră timarul ca un institut feudal. S. F. Oreșcova subliniază, că «istoricii, care neagă existența relațiilor feudale în Imperiul Osman, subînțeleg sub feudalism nu o fază a dezvoltării societății, dar o structură socială concretă, ale cărei detalii, bineînțeles, diferă de structura socială osmană»⁸. Mulți istorici, inclusiv și din cei marxști, pun semnul egalității între timar și feuda din Europa de Apus. Așa, de exemplu, savanții sovietici A. D. Novicev⁹ și A. S. Tveritinova¹⁰ consideră că timarul prezintă o proprietate funciară condiționată. A. D. Novicev precizează, că la început timarul a fost beneficiu. V. P. Mutașciov¹¹ susține, că timarul reprezintă o defalcare din renta feudală centralizată și această defalcare în majoritatea cazurilor nu era legată de proprietatea asupra unui anumit teritoriu, dar prezenta o încasare de la un anumit număr de țărani, din comerț ș. a. Conform opiniei cercetătoarei bulgare, timarul începe să capete caracterul de proprietate funciară numai în sec. al XVI-lea. Cu toate că nu toți istoricii sovietici acceptă noua tratare a esenței timarului, A. S. Tveritinova în una din ultimele lucrări referitoare la această chestiune din nou și-a confirmat poziția în privința caracterului funciar al timarului¹². Deci argumentarea V. P. Mutașciov referitor la esența timarului prezintă un interes deosebit... Esența evoluției timarului în perioada timpurie a Imperiului Osman a fost abordată de către S. F. Oreșcova. «Prezentînd la început orice venit, datorit de către cîrmuitori persoanelor militare și administrative pentru serviciile făcute statului, el (timarul — I. C.) în ultima instanță a ajuns să deseneze proprietatea feudală necondiționată»¹³. Așadar, între istoricii marxști există unele divergențe la determinarea esenței timarului în perioada timpurie a istoriei Imperiului Osman. În ceea ce privește prima jumătate a sec. al XVI-lea, cînd pe pământurile Chilie, Akkermanului și Tighinei se constituiau relațiile feudale osmane, timarul se consideră ca o proprietate condiționată.

Nimerind în stăpînirea osmană, pământurile Chilie, Akkermanului și ale Tighinei, conform tradiției islamice, care avea un rol important în via-

ța imperiului, se considerau cucerite cu forța și, prin urmare, erau ale sultanului. Mijloacele de producție de pe acest teritoriu — pământul arabil, pășunile, fînațurile, pădurile, locurile de adăpat și de pescuit — au devenit baza economică a dominației osmanilor în ținut¹⁴. Aceste pămînturi se dădeau pentru a fi utilizate numai în formă de proprietate condiționată, fiind interzisă vinderea, dăruirea, moștenirea lor fără executarea serviciului în folosul statului, cu prioritate a celui militar, într-o unitate de cavalerie, de unde și provine una din denumirile acestui sistem agrar-sipahic (de la cuvîntul «sipahi» — călăreț)¹⁵.

Proprietatea sipahilor se împarte în trei tipuri: mică, numită timar, medie — zeamet, mare — has. Baza sistemului timariot o constituiau zeametul și timarul, deoarece proprietarii lor, zaimii și timarioții, formau osatura armatei timariote. Pentru renta primită fiecare sipahi era dator să locuiască în sangeac (unitate administrativ-teritorială osmană echivalentă unui ținut) și la primul semnal să ia parte în campania militară. Într-un document publicat recent se menționează, că timarul e dat lui «...Ahmed cu condiția locuirii în sangeacul său și participării la campanii militare sub drapelul alaibeului...»¹⁶, adică a comandantului unității de sipahi din sangeac. La campania militară sipahi era dator să se prezinte înarmat, pe un cal și însoțit de unul sau cîteva servitori neînarmați și unul ori cîteva drujinari, asigurați din contul stăpînului cu armament și hrană. Pe pămînturile Chiliei, Akkermanului și Benderului s-au dovedit a fi mai numeroși timarioții — 130 de oameni¹⁷. Venitul anual al unui sipahi — timariot de rînd, care din 1475 a început să fie menționat în gramota de investire a timariotului (berat), ajungea pînă la 19999 acce¹⁸.

Istoriceste s-au format unele deosebiri dintre timarurile apărute în diferite perioade de timp. Timarurile de pe pămînturile Chiliei și Akkermanului, apărute pînă la domnia lui Suleiman I (1520—1556) se formau în urma dispoziției beilerbeiului din Rumelia (șeful provinciei din Balcani), căruia pînă la finele sec. al XVI-lea i se supuneau aceste pămînturi. Pe timpul lui Suleiman a fost modificată procedura de întocmire a documentelor de proprietate a unui timariot. Pentru aceasta mai întîi se cerea o scrisoare (teschere) a beilerbeiului, care era întărită de puterea centrală cu o gramotă (berat). O scrisoare de transmitere a timarului unuia din tinarioții din Bender e menționată în documentul citat: «Teschere se dă pentru primirea beratului...»¹⁹. De aici și împărțirea timarurilor în tescheresiz (fără teschere), care erau răspîndite cu prioritate pe pămînturile Chiliei și Akkermanului, și tescherele (cu teschere) — pe cel al Benderului. Tot pe timpul lui Suleiman s-a precizat cuantumul venitului acestor două genuri de timaruri: «În ceea ce privește beratele date de către beilerbei... apoi beilerbeiului se permite să elibereze (berat) asupra pămîntului... cu un venit de la cinci pînă la șase mii de acce», adică venitul timarului tescheresiz nu depășea 5999 acce, pe cînd venitul minimal al timarului tescherele era de 6000 acce²⁰.

Timarul rămas fără stăpîn se transmitea altui ostaș în urma unei informații a șefului său nemijlocit, în primul rînd al alaibeului, fapt consemnat în același document: «...Alaibeul sangeacului Bender Halil... a trimis scrisoare în divanul militar (al beilerbeiului din Rumelia — I. Ch.), în care se informa, că stăpînul timarului din satul (cutare) și alte (sate) din sangeacul Bender... Ahmed, trei ani în urmă a dispărut și timarul lui acum e libar...» și urmează numele viitorului succesor²¹. Această donație se exprima printr-o sumă oarecare de bani, care se strîngea de la satele indicate în document și venitul se considera indivizibil. Dar practic indivizibilă rămînea acea parte a donației, care a fost fixată prima dată în acest document și se numea «chilîj» (sabie).

Mărimea chilîjului unui timar fără teschere, după cum afirmă V. Mutaftchieva cu o trimitere la Tischendorf, în provinciile europene ale impe-

riului era de 3 000—5 999 acce, dar minimumul unui timar cu teschere, după cum s-a menționat mai sus, — 6 000 acce. Mai existau și așa-numitele suplimente — hise, —, una dintre ele menționată în documentul, publicăția căruia ne aparține. Suplimentul de obicei se da pentru evidențierea în luptă. Pentru fiecare evidențiere în luptă se da un venit suplimentar, care forma 10 procente din mărimea timarului. Un astfel de adaus pe timpul lui Selim I (1512—1520) nu putea să depășească 500 acce²². În documentul nostru mărimea hisei e de 1 000 acce și acest supliment s-a format în urma citorva evidențieri în luptă.

Despre repartizarea timarioșilor de pe pământurile Chiliei și Akkermanului în dependență de veniturile celor vizați ne putem forma o închipuire, cercetînd lista sipahilor din sangeacul Silistra din anul 1534, în care un timp intrau și aceste pământuri²³. Conform documentului citat din 193 de timare a sangeacului Silistra numai 30 aveau un venit anual mai mare de 6 000 acce, adică timarele tescherele din acest ținut formau numai 15,5%. Majoritatea absolută a timarelor din acest sangeac o constituiau cele fără teschere, dar și dintre ele numărul celor cu un venit mai mare era neînsemnat: ponderea timarelor cu un venit de 5000—6000 acce forma 8,3%, de la 4000 la 5000 — 9,3%. Brusc crește greutatea specifică a timarelor tescheresiz, indicate de Tişendorf (3000 acce)²⁴. Și mai ridicată e ponderea timarelor cu un venit de 2000—3000 acce, constituind 28%. Luînd în considerație faptul, că timarele cu un venit de 2000 acce și mai jos erau destule — 18,6%, se poate de conchis, că spre începutul anilor 30 ai sec. al XVI-lea aproape o jumătate din timarioși aveau veniturile anuale modeste.

Probabil, în această categorie mai intrau și posesorii așa-numitelor mezre, adică locurilor rămase pustii în urma expansiunii osmane. Astfel de pământuri, conform opiniei savantului bulgar H. Gandev, parțial erau prelucrate de către populația localităților vecine, fără îndoială cu plătirea unei părți din rentă. Deținătorul mezrei era cointerestat de a popula pământuri, astfel, mărindu-și venitul, iar statul valorifica noi pământuri. Se pare că denumirea satelor Hasan Spaga, Hadji Curdî, Halilești — din apropierea Chiliei, Carahasani și Căpciani din cea a Akkermanului, cunoscute după documentele de mai târziu, poartă amprenta numelor foștilor stăpîni. Nu e exclus, ca unele din aceste sate să fi apărut din mezre și poartă numele acelor timarioși cu venituri mici, care au contribuit direct la formarea localităților menționate.

Cu lărgirea numărului timarioșilor la sudul interfluviului Nistru—Prut pe contul pământurilor Tighinei, unde predominau timare tescherele, ponderea timarelor cu venituri mici a scăzut. Dacă în 1534 în sangeacul Silistra timarele cu un venit mai jos de 3000 acce formau 46,1%, apoi pe la mijlocul sec. al XVI-lea în sangeacul Akkerman, format de curînd, astfel de posesori aveau o pondere mai mică: 48 din 173 timare ale acestui sangeac ori 27% din suma totală²⁶.

Se cere de menționat încă un detaliu. Conform legislației sultanului Suleiman I timariotul cu un venit de 5000—6000 acce la o campanie militară «se prezenta cu un cort mic și cu doi jebeliu» (drujinari), de 3000—4000 «se prezenta personal în biuriume», adică într-un turban special, care din timpul sultanului Orhan (1324—1340) constituia semnul distinctiv al timariotului de un om simplu «... cu un jebeliu», iar cel cu un venit sub 3000 acce la campania militară se prezenta singur. În document lipsește indicația referitor la dreptul timariotului la turbanul special — biuriume. Sipahi, care primea un venit sub 2000 acce, se prezenta și fără guliam (slujitor)²⁷. Un astfel de timariot, fără guliam și fără turban distinctiv, într-o campanie militară puțin se deosebea de un drujinar și nu întîmplător cei 48 sipahi din sangeacul Akkerman, menționați în documentul citat figurează sub denumirea Jebeliu²⁸. Astfel și statutul social

al unor posesori de venituri așa de mici era mai prejos decât chiar și a unui timariot din categoria tescheresiz.

Posesiile de mărime medie — zeametele — constituiau baza economică a comandanților din armata de sipahii. Ele s-au constituit treptat pe parcursul consolidării puterii osmane în ținut. În prima treime a sec. al XVI-lea pe pământurile Chiliei și Akkermanului astfel de proprietari erau puțini. La o asemenea concluzie se poate ajunge reieșind din faptul, că în sangeacul Silistra, inclusiv și în ținutul nostru, erau numai 7 zeamete, care formau numai 3,6% față de timarele sangeacului²⁹. Spre mijlocul aceluiași secol în sangeacul Akkerman erau deja 20 de zeamete, care formau 11,2% față de numărul timarelor locale³⁰. Această proporție aproape nu diferă de proporția zeametelor și timarelor din întregul beilerbeilic al Rumeliei (10,7%), calculate de noi pe baza datelor din «Tratatul lui Ali Ceaș din Sofia despre organizarea timariotă din Imperiul osman»³¹.

Zeametul constituia posesia cu venitul anual de la 20000 pînă la 99999 acce. Dar de obicei majoritatea zeametelor aveau venitul minimal de 20000 acce. Un astfel de zeamet e menționat în unul din documentele, publicate recent, care cuprindea renta feudală, percepută de la țărani cîtorva localități³². Stăpînul unui astfel de venit se numea zaim. De la unul din ei provine denumirea satului Zaim din actualul raion Căușeni. Venitul zeametului includea partea indivizibilă — cîlj și suplimentul — hise, ca și în cazul unui timar. Dar după cum menționează cercetătoarea bulgară V. Mutaftchieva, această delimitare pentru zeamet avea o importanță mai mare decât pentru timar: la transmiterea zeametului altui stăpîn nu se admitea fărîmîțarea, prefacerea lui în timar și slăbirea bazei economice a comandamentului de mijloc a armatei feudale și a organelor de stat locale³³, ponderea cărora o constituiau zaimii.

Marea proprietate condiționată — hasul — forma baza economică a demnitarilor militari și de stat din veriga medie și superioară a imperiului. În ținutul studiat de noi primul has a apărut în a doua treime a sec. al XVI-lea, o dată cu formarea sangeacului Akkerman. El aparținea sangeacului local³⁴. Al doilea has a apărut în a doua jumătate al aceluiași secol și aparținea sangeaceiului din Bender³⁵. Hasul era legat de un post militar-administrativ concret și prin ereditate nu se transmitea. Stăpînul hasului primea venitul atîta timp, cît îndeplinea funcția corespunzătoare, cu întreruperea ei hasul se transmitea succesorului său³⁶. Venitul unui has valora 100 000 acce și mai mult. Venitul minim al sangeaceiului era de 200 000 acce. Însă cele mai mari hasuri atingeau cifra de 400 000 acce și mai mult, aparținînd celor mai mari demnitari ai imperiului, inclusiv și unor șefi de sangeacuri mai importante³⁷. În ținutul studiat de noi hasuri mari nu se întîlnesc. Hasul sangeaceiului din Akkerman la mijlocul sec. al XVI-lea era egal cu 240 000 acce³⁸, adică cu puțin depășea nominalul corespunzător acestui post, dar totuși de zeci și chiar sute de ori depășea venitul anual al unui timariot ori zaim. Dacă am presupune, că în a doua jumătate al sec. al XVI-lea venitul mediu anual ar număra 3000—4000 acce, al unui zaim — de la 20000 pînă la 25000, iar al unui has — circa 240 000, apoi se poate conchide, că venitul a doi sangeacei din Akkerman și Bender (circa 480 000) aproape ar fi egal cu veniturile a 20 zaimi (400 000—500 000) ori a 173 timarioți (500 000—690 000 acce). Venitul unui haseder (stăpîn al hasului) se forma din așa-numitele «plăți nelibere», adică din acea parte de rentă pe care o primeau timarioții și zaimii de la țărani lor. Dar hase-darul, în cazul nostru sangeaceiul, primea și așa-numitele «plăți libere», în primul rînd de la țărani săi, dar și de la țărani inferiorilor săi timarioți și zaimi. Prin aceasta se efectua și supunerea economică a sipahilor comandanților săi, care exprima esența cunoscutei erarii feudale³⁹.

Impunătoare erau și veniturile coroanei, așa-numitele hasuri ale sul-

tanului. Ele se formau din plățile neagrare ale orașelor Akkerman și Chilia. În defterul (registru) veniturilor orașelor din sangeacul Silistria din 1529 e indicat, că locuitorii orașului Akkerman plăteau sultanului 68 861 acce, ai Chilie — 60025 acce⁴⁰. Plus la aceasta pe pământurile Akkermanului mai era hasul sultanului, menționat în firmanul lui Suileiman I din 1552⁴¹.

Hasul se deosebea de alte posesiuni de sipahi încă prin aceea, că proprietarul primea renta sa prin intermediul arendașilor. Cu ajutorul acestor măsuri puterea centrală își asigura dreptul de control asupra pământurilor de stat și împiedica manifestarea deschisă a forțelor centripete, caracteristice unui stat feudal cu dimensiuni imense și provincii eterogene atât din punct de vedere istoric, cât și etnic. În legătură cu faptul, că în timare și zeamete, pe de o parte, și în hasuri, pe de alta, se formau diferite tipuri de relații dintre feudali și producătorii nemijlociți, C. F. Oreșcova și-a exprimat părerea, că în ele se «împuneau bazele a diferitor tipuri de gospodărire, ori altfel spus, sipahi-timarioții și demnitarii superiori, care primeau hasuri..., erau legați de diferite ucladuri feudale, caracteristice Imperiului osman din sec. al XIV—XVI»⁴².

Pătura dominantă, care era legată de activitatea administrativă și militară, s-a format treptat din diferite grupuri de populație. În ea s-au inclus mai întâi reprezentanții triburilor turcomane, în rîndurile cărora se derula un proces intens de feudalizare, generat de relațiile de rentă avansate ale popoarelor subjugate. Vîrfurile tribale, care s-au îmbogățit în rezultatul campaniilor militare, căpătau posesii și deveneau un sprijin al puterii osmane pe teren⁴³. În rîndurile sipahilor nimereau și reprezentanți ai popoarelor înrobite. Unul dintre ei, un oarecare «poliali (boliarin, boier — I. Ch.) Iunus, ostaș al Cetății Chilia», e menționat în lista de impozite a pescarilor din delta Dunării din 1505⁴⁴. Mărturii despre boieri mici pe pământurile cucerite de osmani se întîlnesc și în folclorul moldovenesc. În legenda «Toma Alimoș» se menționează, că în «valea Nistrului, pe pămîntul Turcului» din cauza răzbnătorilor populari a suferit și gospodăria feudalului creștin Manea⁴⁵.

În procesul de integrare în sistemul sipahic fiecare regiune se distinge prin condiții specifice. La popoarele balcanice, statalitatea căroră a fost lichidată parțial ori total, ori era pe cale de lichidare din partea osmanilor, de obicei, trecea un număr mare de feudali. Unii dintre transfugi nimereau în lagărul osmanilor cu scopul de a-și păstra micile lor moșii, privilegiile de clasă și deveneau sipahi, iar moșiile lor — timare. Pe alții îi atrăgea perspectiva de înaintare rapidă pe scara ierarhică a Imperiului Osman și bunurile materiale legate de ea⁴⁶. După ce pe timpul lui Mehmed II (1451—1481) mulți timarioți de origine albaneză s-au alăturat răsculaților de sub conducerea lui Gheorghe Castrioti (Scanderbeg). Poarta a luat măsuri pentru a micșora aflusul creștinilor în rîndurile timarioților⁴⁷. Pe teritoriul unde structura de stat osmană nu se constituise definitiv și în apropierea pământurilor necucerite numărul sipahilor creștini era considerabil⁴⁸.

Specificul teritoriului moldav consta în faptul, că din pămîntul Țării se rupeau bucăți relativ mici, care numai parțial erau stăpînite de boieri. Boierii mari stăpîneau și pămînturi rămase în cadrul Țării, pierderea căroră la sudul interfluviului Nistru—Prut pricinuia o oarecare pagubă materială. Însă venitul principal se păstra pe care boierii mari îl agoniseau de pe acele pămînturi. Însă în fața boierilor mici, moșiile căroră se aflau în exclusivitate pe teritoriul cucerit de osmani, se isca problema păstrării privilegiilor lor de clasă, deoarece în Țară de acum rezervele de pămînturi libere aproape se epuizase complet. În condițiile cuceririi de către osmani a pămînturilor lor, pentru evitarea ruînării complete, unii dintre boierii mici intrau în serviciul Porții și astfel păstrîndu-și proprietatea personală. Pe parcursul a mai multor ani ei se converteau

treptat la religia musulmană, urmașii lor pierdeau apartenența etnică și numai după unele porecle se poate de constatat originea lor creștină. Așa de exemplu, în timpul războiului ruso-turc din 1768—1774 țărani satului Gura-Bîcului de sub Bender menționau: «Noi și părinții de la străbunii noștri am aflat și știm, că această parte de pământ din vechime era stăpînită de turcul Magmet Cîrpa»⁴⁹, adică primul proprietar osman al s. Gura-Bîcului a fost moldoveanul Cîrpa, care s-a convertit la islam.

Față de timarioții de origine creștină Poarta ducea o politică abilă. Ei păstrau nu numai cota lor de rentă de la țărani de pe moșia ce le aparținea, dar și dreptul de transmitere prin ereditate a timarului și a titlului lor împreună cu datoriile de serviciu militar. Nu întâmplător în documentul citat anterior Iunus e menționat cu rangul său «poliali». Fiii sipahilor creștini chiar și în lipsa timarului nu se egalau în drepturi cu țărani supuși și se considerau o categorie privilegiată. Dacă ocazional un creștin din păturile de jos nimerea în rîndurile sipahilor, lui i se lua timarul⁵⁰.

Printre sipahii de origine creștină predominau stăpînii timarelor cu venituri modeste. Erau și descendenți din familii de feudali, inclusiv și monarhici, ca, de exemplu, feciorul ultimului țar bulgar Ivan Șisman — Alexandru, care s-a convertit la Islam și a primit feudă în Anatolia⁵¹. În 1561 domnul Moldovei Iliș Rareș a părăsit tronul, s-a convertit la religia musulmană și a devenit sangeacbeiu Silistrei. Grigore Ureche⁵² a explicat acest act nedemn din partea unui creștin prin faptul, că pe timpul celei de a doua domnii a tatălui său Petru Rareș (1541—1546) Iliș un timp s-a aflat ca ostatec în Constantinopol, asupra caruia a influențat unele obiceiuri musulmane. Dar, probabil, pricina constă în altceva. Spre mijlocul sec. al XVI-lea practic a fost lichidat unul din cele mai puternice state din Europa Centrală, anume Regatul Ungar, pe care Moldova conta în lupta sa cu primejdia osmană și din partea Crimeei. Aceasta a și cauzat starea morală dezagreabilă din rîndurile boierilor moldoveni, dispoziție care, probabil, i s-a transmis lui Iliș Rareș, care era dispus în felul acesta nu numai să primească un post echivalent celui din Țară, ci să avanseze pe scara ierarhică a Imperiului Osman, precum au procedat unii succesori ai feudalilor din Europa de Sud-Est, ca de exemplu, marele vizir Mehmed Socolu, descendent dintr-o familie serbă a Socolovicilor⁵³.

În afară de sistemul sipahic, bazat pe proprietatea condiționată pe teritoriile supuse osmanilor, exista și proprietatea necondiționată asupra pămîntului — miulc. Mai frecvent le întîlnim în raioanele limitrofe ale Imperiului Osman, unde influența puterii centrale era militară. Unele dintre aceste proprietăți, cunoscute din izvoarele scrise din sec. XVII—XVIII, s-au format pe teritoriul Țării Moldovei, cucerit de osmani cu concursul activ al hanului din Crimeea. Dar se cer și unele precizări mai detaliate.

În unele cronică tătare se afirmă, că așa-numitele «sate de pe litoral» au fost primite de către Mengli Ghirei de la Baiazid II în timpul cuceririi Cetății Albe⁵⁴. Dar procesul de formare al proprietății de pământ a hanului pe litoralul drept al Nistrului s-a format treptat. În rezultatul campaniei menționate, urmată de pacea de la 1486, Mengli Ghirei a primit satele moldovenesti cunoscute ulterior sub numele Palanca și Han Cișla și imobile în Akkerman. În urma campaniei din 1538 a lui Suleiman I, hanul din Crimeea a primit la sudul interfluviului Nistru—Prut noi supuși, fapt menționat în «Istoria hanului tătar Sagai Ghirei», inedită⁵⁵. Acești supuși, locuiau, probabil, în Olănești și Purcari, care la început se socoteau în circumscripția Bender, apoi Akkerman, fapt care reiese din diferite surse istorice, inclusiv din notițele lui Evlia Celebi⁵⁶ și din scrisoarea comandantului cetății Bender Coret maiorului Ferzen de la 9 decembrie 1770⁵⁷.

Dreptul la stăpînirea unui miulc era întărit de către guvernul osman printr-un document oficial numit «temlicname» ori «miulc-name». Spre deosebire de beratul eliberat pentru un timar, în care se înscriseră numele posesorului și venitul timarului, în miulc-name împreună cu numele proprietarului erau indicate hotarele proprietății, precizate de către cadiul local cu concursul localnicilor. Cu alte cuvinte, «dacă timarul însemna numai o feudă, numai un venit, apoi miulcul trebuie conceput ca un teritoriu deosebit»⁵⁸. Documentul de proprietate asupra Palancăi și Hancișlei au putut fi eliberate nu mai devreme de 1486, cînd a fost stabilită frontiera sangeacului Akkerman la nord de aceste localități⁵⁹.

Juridic se întocmeau documentele asupra proprietății domnului Moldovei de pe litoralul stîng al Dunării. Acest pămînt a fost cucerit cu forța și privatizarea lui deplină nu se legifera. El putea fi reîntors în hazznaua de stat după cum s-a întîmplat pe timpul lui Mehmed II. Iată de ce mai des se recurgea la întocmirea unui document «hiucm», fiind valabil în decursul domniei sultanului care l-a elaborat. Cu venirea la putere a unui nou sultan dreptul de proprietate se cerea întărit printr-un document numit «mukarername»⁶⁰. Prin aceasta, în afară de respectarea formalităților strict juridice, puterea centrală urmărea și scopurile sale politice. Ea își rezerva rolul de controlor al imobilului, în mare măsură și al posesorului, deoarece în caz de nesupunere, guvernul putea să întoarcă pămîntul dat cu mukarername în fondul statului și, fără eforturi deosebite, să pricinuiască stăpînului pagube materiale considerabile.

După cum reiese din contextul actului lui Selim I de la 15 ianuarie a presupusului an 1512, cu cîțiva ani mai înainte Baiazid II (1484—1512) a dat domnului Moldovei Bogdan III (1504—1517) pămînt arabil, pășuni și locuri de pescuit de pe litoralul stîng al Dunării. Selim I, urcîndu-se pe tron, întărește domnului proprietatea în cauză cu acele condiții «cu care au fost date voievodului Bogdan de la marele sultan Baiazid-han. Iar noi, urmează Selim, — acelor cărți le-am dat crezare și la rîndul nostru v-am dat această carte, ca ceea ce a fost pînă acum să urmeze și mai departe»⁶¹.

Pînă în prezent cauzele elaborării documentului citat se studiau de către istorici în contextul luptei lui Selim pentru tronul osman⁶². Fără a minimaliza aspectele politice ale chestiunii noi intenționăm să ne oprim și la substratul ei social-politic. În timpul cuceririi cetăților numărul populației din jurul Chilieii s-a micșorat considerabil: n-avea cine să are, să prindă pește și hazznaua statului nu primea acel venit, pe care se conta. Această afirmație pare să fie susținută prin faptul, că conform registrului fiscal din anul 895 al Hagiurei (1489—1490), publicat de O. L. Barkan în acel an, ca și a celor precedente, locuitorii Chilieii, spre deosebire de cei din Akkerman, au fost scutiți de plata haraciului (canitației)⁶³.

Din documentul în cauză se poate de stabilit și ce includea proprietatea menționată. Ea includea mai întîi unele «lacuri și gîrle ...pentru pescuit», pămînturi pe care «unii oameni ară» și pășuni, pe care conform contractelor în vigoare de la hotare («Za tocmilișce što imaete na hotar») pășteau oile ciobeniei veniți din Dobrogea (ot Dobrici) și unii localnici, inclusiv azabii⁶⁴ — membri ai unor formațiuni semimilitare osmane. De la agricultori proprietarul lua «zeciuiala și venitul». Concomitent, reprezentantul domnului Moldovei pe această moșie o parte a rentei o plătea în hazznaua statului osman. Aceasta reiese din registrul mevleanului Chiuciuc Piri de la 15 aprilie 1520, în care se menționează, că pe litoralul stîng al Dunării sultanul dispune de 15 lacuri și două dintre ele au fost date fostului voievod al Bogdaniei (domnului Moldovei — așa turcii numeau Moldova) în formă de bellic⁶⁵, adică în proprietatea beului. Pe baza ultimului document se poate conchide, că cu transmiterea pămîntului și locurilor de pescuit menționate domnului Moldovei, procesul de restabilire a populației din apropierea Chilieii a luat sfîrșit. În el

se menționează: «și în alte lacuri se prinde pește, dar zeciuiala și vama nu se plătește sub motivul, că ele (aceste lacuri — I. Ch.) din timpuri străvechi au fost proprietatea lor». Cu alte cuvinte, în aceste lacuri pescarii tradițional prindeau pește, cu venirea osmanilor în ținut, ei se mutaseră cu traiul în alte locuri și n-au nimerit în registrele fiscale, iar mai târziu s-au întors și de câțiva ani pînă la 1520 prindeau pește fără a plăti Porții zeciuiala și vama. Prin documentul citat Suleiman I a dat ordin de includere a venitului de la lacurile menționate, în afară de cele date domnului Moldovei, în haznaua de stat. Conform opiniei unor istorici, actul de întărire a lui Selim I a fost luat din Suceava în timpul campaniei din 1538 și adus la arhiva din Constantinopol, unde recent a fost depistat și publicat⁶⁶. Probabil atunci a și fost anulat dreptul Moldovei asupra teritoriului menționat.

În Imperiul Osman existau așa-numitele vacufuri, menite cu prioritate pentru subvenționarea instituțiilor religioase musulmane. Vacufurile din ținut s-au format pe parcursul cuceririlor osmane. La finele campaniei din 1484 o parte din bisericile creștinilor din Akkerman au fost prefăcute în moschee și lor le-au fost supuse izvoare de venit, care din documentele de mai târziu sînt cunoscute ca vacufuri ale sultanului Baiazid II, hanului Menglia Ghirei⁶⁷ ș. a. În iarna anilor 1511—1512, cînd Selim I s-a găsit la sudul interfluviului Nistru—Prut, departamentului islamic i s-a cedat pămîntul din bazinul r. Sărata, cunoscut ulterior ca vacuful lui Selim I⁶⁸. Veniturile vacufurilor se foloseau pentru funcționarea instituțiilor religioase, sociale și de binefacere: a moscheelor, școlilor, drumurilor, podișurilor ș. a. Vacuful, ca și miulcul, avea hotarele lui stricte. În firmanulu lui Suleiman I din 1552 se menționează: «... locurile aflate în hotarele sus zisului vacuf...»⁶⁹ al lui Selim I.

Vacuful se cîrmuia de administratorul numit muteveli. Administratori cu acest titlu sînt menționați în Akkerman, bazinul r. Sarata⁷⁰ ș. a. Muteveli se găsea sub controlul cadiului local, dar avea împuterniciri largi: da în arendă imobilele fundației, supraveghea executarea din partea țărănilor a prestațiilor feudale, strîngea renta de la producători, transmitea mijloacele materiale slujitorilor cultului din vacuf ș. a.

Una din particularitățile averii vacufului consta în aceea, că după formarea lui nimeni, inclusiv și puterea centrală, nu putea schimba statutul lor juridic. De aceasta se foloseau mulți stăpîni ai miulcurilor, care se temeau de confiscările efectuate de unii sultani. Deținătorii de proprietăți necondiționate, avînd drepturi nemijlocite asupra lor, creau vacufuri și își rezervau postul de muteveli pentru ei și pentru succesorii lor. Prin aceasta ei își asigurau 10% din renta, percepută de la producătorii nemijlociți — plata unui muteveli pentru munca de administrare a averii vacufului⁷¹.

Miulcurile și vacufurile formau o parte însemnată a pămînturilor osmane. Conform datelor pe care le oferă O. L. Barkan, în 1527—1528 în proprietatea sultanului erau 51% din veniturile imperiului, ale sipahilor — 37%, vacufurile și miulcurile — 12%. Despre corelația dintre veniturile diferitor forme de proprietate din ținut se poate de judecat numai cu aproximație. Sînt cunoscute veniturile sultanului la anul 1570 — circa 2 760 000 acce⁷². Conform calculelor noastre efectuate anterior, veniturile sipahilor constituiau circa 1 570 000 acce (timarele — 690 000, zeametele — 400 000, hasurile — 480 000). Noi nu dispunem de date exacte referitoare la suma veniturilor miulcurilor și a vacufurilor, dar judecînd după date indirecte, se poate de afirmat, că ele erau neînsemnate. Cele mai mari proprietăți, ca miulcul hanului și vacuful sultanului Selim I, care după datele de mai târziu constituiau cîteva sate, puteau să aducă venituri în valoare de cîteva zeci de mii. De aceea e puțin probabil ca ponderea miulcurilor și vacufurilor din ținut să fi depășit indicele lor mediu pe imperiu — ceva mai mult de 10%. În așa caz restul de circa

90% din venitul ținutului se repartiza în felul următor: veniturile sultanului formau 58%, a sipahilor — 32%. Din cele expuse se vede, că ponderea venitului sipahilor din ținut era cu câteva puncte mai joasă de media pe imperiu, iar a sultanului, din contra: mai mare de media pe imperiu. Asta se explică prin faptul, că sipahii, de obicei, erau remunerați din renta agrară și ținutul cu un număr considerabil de musulmani atașați la serviciul militar nu putea să formeze o bază largă pentru armata sipahilor. În schimb, în ținut persistau plățile neagrare, care, de obicei, constituiau venitul sultanului.

Astfel, începînd cu anul 1484 și pînă în anii '60 a sec. al XVI-lea la sud-estul interfluviului Nistru—Prut s-au constituit formele principale de proprietate ale feudalismului osman. Cu toate eforturile depuse de către Poartă la întărirea armatei sipahilor, pe care se baza puterea osmană pe teren, baza materială a acestei forțe militaro-politice era inferioară mediei pe imperiu. Mai tîrziu această forță slăbește vertiginos și Poarta e nevoită să se sprijine pe alte forme de proprietate și forțe sociale.

Note

- ¹ Мохов Н. А. *Молдавия эпохи феодализма*. — Кишинев, 1964. С. 213—216.
- ² *История РСФСР*. Вол. I. Кишинэу, 1967. С. 166—168.
- ³ *Istoria României*. Comitetul de coordonare P. Constantinescu-Iași și a. Vol. II. București. Ed. Acad. RPR, 1962. P. 806—817.
- ⁴ Maxim M. *Teritoriile românești sub administrația osmană în secolul al XVI-lea*//Revista de istorie, 1983. V. 9. P. 879—890.
- ⁵ Советов П. В. *Типологические пути развитого феодализма и турецкое завоевание Юго-Восточной Европы* (к вопросу о типологических сдвигах в Молдавии)//Югoвосточная Европа в эпоху феодализма (Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.). — Кишинев, 1973. С. 88—90.
- ⁶ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. *История Турции*. — М., 1983. С. 51; Мутафчиев В. П. *Аграрные отношения в Османской империи през XV—XVI в.* — София, 1962. С. 1973—1974.
- ⁷ Cit. după: Мейер М. С. *Некоторые черты аграрных отношений в Османской империи*//Историография стран Востока. — М., 1977. С. 284.
- ⁸ Орешкова С. Ф. *Османский феодализм: типологические наблюдения*//Типы общественных отношений на Востоке в середине века. — М., 1962. С. III.
- ⁹ Новичев А. Д. *К вопросу о феодальных отношениях и положении крестьян в Турции во второй половине XV в.*//Уч. записки ЛГУ, 1964. в. 249. Серия востоковедческих наук. Вып. 12. С. 124—125.
- ¹⁰ Тверитинова А. С. *К вопросу о доминальном землевладении феодальных классов в Османской империи XV—XVI вв.*//Краткие сообщения института востоковедения. Вып. XXXVIII. — М., 1968. С. 26—29.
- ¹¹ Мутафчиева В. П. *Аграрные отношения*... С. 46.
- ¹² Тверитинова А. С. *Некоторые нерешенные проблемы в характеристике турецкого феодализма*//Ближний и средний Восток. История, культура, источниковедение. — М., 1968. С. 159—171.
- ¹³ Орешкова С. Ф. *Османский феодализм*... С. 46.
- ¹⁴ Inventarierea acestor pămînturi după 1812 vezi: *Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой или Буджака*. — Аккерман, 1899.
- ¹⁵ Орешкова С. Ф. *Османский феодализм*... С. 115; Aici nu se studiază problema militarilor din garnizoanele cetăților, care primeau salariu din hazinele statului.
- ¹⁶ Киртоагэ И. Г. *Три османских документа по истории Молдавии*//Известия АН МССР. Серия общ. наук. 1989. Вол. 3. С. 55.
- ¹⁷ Tuncer H. *Osmanlı İmparatorlugunda toprak, hukuku, arazi, kanunlari ve kanun aciklamalari*. Ankara, 1962. S. 27.
- ¹⁸ Mai detaliat despre aceste deosebiri vezi: Мутафчиева В. П. *Аграрные отношения*... С. 37—38.
- ¹⁹ Киртоагэ М. Г. *Три османских документа*... С. 57.
- ²⁰ *Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв.* Документы и материалы — М., 1963 P. 23.
- ²¹ Vezi: Киртоагэ М. Г. *Три новых османских документа*... С. 57.
- ²² Mai amănunțit despre mărimea timarului și componentelor lui vezi: Мутафчиева В. П. *Аграрные отношения в Османской империи*... С. 37—38.
- ²³ Această listă constituie o parte componentă a defterului (registruului) beilerbeylikului Rumeliei. Vezi: Barcan Ö. L. H. 933—934 (M. 1527—1528). *Maîl Wlina âit bâte örneği*//İstambul universitesi iktisat fakultasi mecmuasi. 15 cilt 1953—1954. V. 1—4.—İstanbul, 1955. S. 301.
- ²⁴ Мутафчиева В. П. *Аграрные отношения*... С. 37.

- ²⁵ Гандев Х. *Болгарская народность в XV веке. Демографическое и этнографические исследования*. — София, 1987. С. 75.
- ²⁶ Tuncer H. *Osmanli Imparatorlugunda...* S. 27.
- ²⁷ *Аграрный строй Османской империи...* С. 22.
- ²⁸ Tuncer H. *Osmanli Imparatorlugunda...* S. 27.
- ²⁹ Barkan Ö. L. H. 933—934 (M. 1527—1528)... S. 301.
- ³⁰ Tuncer H. *Osmanli Imparatorlugunda...* S. 27.
- ³¹ *Аграрный строй Османской империи...* С. 93.
- ³² Киртоагэ И. Г. *Три османских документа...* С. 93.
- ³³ Мустафчиева В. П. *Аграрные отношения...* С. 37—38.
- ³⁴ Atunci în ținut era un singur has. *Vezi: Tuncer H. Osmanli Imparatorlugunda...* S. 27.
- ³⁵ *Vezi: Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 1. — М., 1961. С. 43.*
- ³⁶ Conform relatărilor cronicarului turc Mehmed-aga din 1684 Mustafa-paşa, administratorul memorialului de nord-vest al Mării Negre şi-a păstrat hasul cu condiţia îndeplinirii funcţiilor legale de acest post. (*Călători turci privind ţările române. Vol. II — Бус., 1974. Р. 369*).
- ³⁷ Сванидзе М. Х. «Джафар дефтер» как источник по феодальному землевладению в Ахальцкском (Чилдырском) пашалыке в 1694—1732 гг.//Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. — М., 1984. С. 192.
- ³⁸ Tuncer H. *Osmanli Imparatorlugunda...* S. 27.
- ³⁹ Despre ierarhia feudală în Imperiul Osman mai detaliat *vezi: Мутафчиева В. В. Аграрные отношения...* С. 39.
- ⁴⁰ Gökbiçgin M. T. *Kanuni sultan Süleyman devri başlarında, eyaleti, livalari, şehir ve kasabalari.*//Turk tarih kurumu. Belletin. Cilt. XX. Sayı 78. — Ankara, 1956. S. 255.
- ⁴¹ Veliman V. *Noi precizări în legătură cu haraciul Moldovei în secolul al XVI-lea*//Revista arhivelor, 1984. V. 2. P. 212.
- ⁴² Гасратян Г. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. *Ук* соч. С. 47.
- ⁴³ *Ibidem.* P. 41.
- ⁴⁴ Fekete L. *Die syakuat-schrift in der türkischen Finanzverwaltung.*-Budapest, 1955. S. 145.
- ⁴⁵ *Фолклор дин Бужяк.*—Кишинэу, 1982. П. 232.
- ⁴⁶ Цветкова Б. *Новые данные о христианских спахиях на Балканском полуострове в период турецкого господства.*//Византийский временник. Т. XIII. — М., 1958. С. 185.
- ⁴⁷ Мутафчиева В. П. *Аграрные отношения...* С. 75.
- ⁴⁸ Муртазалиев С. И. *Борьба болгарского народа против исламизаторской политики османской империи в XV—XVI вв.*—Махачкала, 1986.
- ⁴⁹ ЦГАДА. Ф. 293. Оп. 1. Д. 388. Л. 9.
- ⁵⁰ Цветкова Б. *Новые данные о христианских спахиях...* С. 195.
- ⁵¹ *Ibidem.* P. 185.
- ⁵² Уреке Гр. *Летописецца Цэрий Молдовей.*—Кишинэу, 1973. P. 158.
- ⁵³ Орешкова С. Ф. *Османский феодализм...* С. 124.
- ⁵⁴ Précis de l'histoire de Khan de Krimé, depuis l'an 880 jusqu'à 1148 de l'hégire.//Journal asiatique. Nouvelle série. T. XII. — Paris, 1933. P. 358.
- ⁵⁵ Despre aceasta *vezi: La conquête des cités marchandes de Kilia et de Cetatea Albă par Bayazid*//Beldiceanu N. *Le monde ottoman des Balkans (1402—1566): Institution, société, économie.*—London, 1976. P. 82.
- ⁵⁶ Эвлия Челеби. *Op. cit.* P. 42.
- ⁵⁷ ЦГАДА. Ф. 293. Оп. 1. Д. 370. Л. 218 об.
- ⁵⁸ Мутафчиева В. П. *Аграрные отношения...* С. 94—95.
- ⁵⁹ Киртоагэ И. Г. *Административно-территориальное деление юга Днестровско-Прутского междуречья под турецким владычеством в XVI—первой половине XVII в.*//Социально-экономическая история Молдавии периода феодализма. — Кишинев, 1988. С. 74.
- ⁶⁰ Мутафчиева В. П. *Аграрные отношения...* С. 95.
- ⁶¹ Гонца Г. В. *Молдавия и османская агрессия...* С. 61.
- ⁶² *Ibidem.* P. 57.
- ⁶³ Barkan Ö. L. 894(1488/1489) yılı ciyzenini tahsilâtına âit Muhasebe bilâncolari. — Ankara, 1964. S. 17.
- ⁶⁴ Гонца Г. В. *Молдавия и османская агрессия...* С. 61.
- ⁶⁵ Цветкова Б. *За режима на стопанската обмяна между румънските и българските придружаватски земи през вековете (XII—XIX вв)* Исследования. I. — София, 1965. С. 138.
- ⁶⁶ Beldiceanu N. *La Moldavie Ottomane à la fin du XV-e siècle et au début du XVI-e siècle.*//Revue des études islamiques. — Paris, 1969. T. 27 Fasc. 2. P. 255.
- ⁶⁷ Эвлия Челеби. *Op. cit.* P. 38.
- ⁶⁸ Veliman V. *Op. cit.* P. 212.
- ⁶⁹ *Ibidem.*
- ⁷⁰ Эвлия Челеби. *Op. cit.* P. 38.
- ⁷¹ Мутафчиева В. П. *Аграрные отношения...* С. 125, 128.
- ⁷² *Cit. după: Мейер М. С. Новые исследования о развитии земельных отношений в Османской державе.*//Народы Азии и Африки. 1964, № 2. С. 118.
- ⁷³ Mai exact: 2 762 477 acce. *Vezi: Berindei M. Veinstein G. Règlement fiscaux et fiscalité de la province de Bender-Aghkerman 1970.*//Chiher du monde russe et soviétique. Vol. XXII (2—3). 1981. P. 306—311.

COMUNICARI СООБЩЕНИЯ

В. И. Козма

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВЫ В УСЛОВИЯХ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА

Демократизация общественной жизни, которая началась в стране после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, благотворно сказалась на деятельности творческой интеллигенции. Уходят в прошлое администрирование в руководстве культурой, назидания и поучения в адрес художников. В духовной сфере постепенно складывается атмосфера соревновательности, свободного творческого поиска, основанного на гражданской ответственности художника перед обществом.

Между тем в период предыдущего развития, в условиях однопартийной системы, КПСС взяла на себя и миссию руководства творческим процессом. Осуществлялось это через разветвленную бюрократическую систему государственных учреждений и общественных организаций. Права и ответственность КПСС в области культуры законодательно были закреплены в первой статье Конституции СССР. Для всех творческих союзов непреложной являлась уставная задача: руководствуясь политикой КПСС и Советского правительства, организовывать и направлять деятельность литераторов, художников, критиков в единое русло борьбы народа за построение коммунизма¹.

В советских публикациях тех лет по теории культуры отмечалось, что «художественная культура является важным объектом партийного руководства». В свою очередь «партийное руководство развитием художественной культуры означает прежде всего активное идеологическое воздействие на сознание художников, направление их внимания на отражение в произведениях искусства и литературы существенных закономерностей развития социалистического общества»². Оно предполагало также «прежде всего формирование результатов художественного творчества, соответствующих социалистическому идеалу в процессе его действительной практической реализации»³. Отсюда выводились суть и предназначение социалистической художественной культуры: она «опирается на идеологию марксизма-ленинизма, и утверждает величие социалистических идей»⁴.

При таком подходе понятно, что литературе и искусству отводилась лишь функция «обслуживания» официальной идеологии, а творческой интеллигенции милостиво предоставлялось право творить, не переступая, разумеется, установленные партийные жесткие идеологические границы. Таким образом партийное руководство художественной культурой также было подчинено задаче утверждения КПСС в роли руководящей и единственной партии советского общества.

В начальный период перестройки, на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС была сформулирована новая концепция политики Коммунистической партии и Советского государства в области культуры. Ключевыми принципами перестройки партийной работы в духовной сфере были провозглашены демократизм, доверие к людям, терпимость к непривычному, к поискам, компетентность, доброжелательность, поощрение инициативы и новаторства, поддержка талантов⁵.

Нельзя сказать, что вопросы партийной политики в области художественной культуры не нашли отражения в советской молдавской историографии⁶. Однако, отдавая дань эпохе, историография тех лет занималась не столько критическим анализом, сколько воспеванием роли коммунистической партии республики в создании предпосылок для роста национальных кадров, раскрытия способностей и талантов деятелей литературы и искусства, удовлетворения духовных запросов трудящихся и проявленных ею при этом «героических» усилий и «отеческой» заботы. Одним словом, партийное руководство рассматривалось как залог успеха и всех достижений в развитии национальной культуры.

В настоящей статье автор делает попытку раскрыть свойственные партийным органам республики авторитарные методы руководства творческой деятельностью писателей и художников, партийно-государственный диктат и запреты в области изучения и освоения культурного наследия, тиражирования художественных произведений, приобщения к ним народных масс в послевоенные годы (1946—1985).

Как уже отмечалось, в указанный период партия определяла политику и осуществляла руководство всеми направлениями развития художественной культуры. Утверждалось, что делается это на основе ленинских принципов партийности и народности литературы, эстетических позиций социалистического реализма. Именно поэтому проблемы развития литературы и искусства периодически находили отражение в специальных постановлениях ЦК КПСС, в материалах партийных съездов

и конференций, в выступлениях советского руководства. Причем было общим правилом, чтобы все партийные установки и указания из центра оперативно обсуждались и принимались к действию на местах.

26—30 сентября 1946 г. в Кишиневе состоялось общее собрание работников культуры и искусства с партийным активом, где отмечалось, что «в свете постановления ЦК ВКП(б) о журналах „Звезда“ и „Ленинград“ и доклада Жданова творчество молдавских писателей является совершенно неудовлетворительным»⁷. Неудивительно, что без особого труда среди писателей республики были найдены такие, произведения которых, по мнению секретаря ЦК КП(б) Молдавии Н. Г. Ковалюка и других ораторов, страдали «безыдейностью, пессимизмом, упадничеством, оторванностью от жизни». Особенно резкие обвинения были высказаны в адрес писателей Г. Менюка, Ем. Букова, Д. Ветрова, Л. Делеану, которые «до сих пор не освободились от буржуазной идеологии, творчество которых проникнуто символизмом и формализмом...»⁸.

Партийными «теоретиками» тех лет идея о культурном наследии была низведена лишь к социалистической и революционно-демократической традиции и характеризовалась в сущности нигилистическим отношением к представителям других традиций национальной культуры. Это создавало большие трудности в деле изучения и пропаганды классического наследия. Так, например, еще в 1947 г. был подготовлен для издания ряд работ классиков молдавской литературы, но в последний момент они были изъяты из плана издательств по причине того, что «с классиками надо еще подождать»⁹.

В первые послевоенные годы пьесы молдавской классики не включались в репертуар театров республики. К примеру, в плане театров Управления по делам искусств при Совете Министров Молдавской ССР второй половины 1947 г. не было ни одного произведения молдавских писателей¹⁰. Они были запрещены в предыдущем году, о чем свидетельствует отчет Отдела контроля за зрелищами и репертуаром Управления по делам искусств за второе полугодие 1946 г., где перечислены различные причины исключения некоторых пьес из репертуара театров. Например, пьеса «Волшебная булава» Л. Делеану была исключена из репертуара Молдавского музыкально-драматического театра как построенная на сказочно-мифологическом сюжете, вводящем зрителя от насущных задач, стоящих перед страной¹¹. В республиканском кукольном театре была временно запрещена пьеса «Коза с тремя козлятами» до изъятия из текста румынских слов, а также до проведения соответствующей работы с актерами над молдавским произношением¹². Таким образом, даже если с содержанием было все в порядке, борьба велась за «чистоту» молдавского языка.

Более того, «заботясь» о зрителе, Отдел контроля за зрелищами и репертуаром запрещал и пьесы русских классиков. Нашлись «мудрецы», которые додумались, к примеру, что постановки по пьесам «Женитьба» Гоголя и «Правда — хорошо, а счастье — лучше» Островского в отрыве от современного репертуара могут сыграть только отрицательную роль, так как неподготовленный молдавский сельский зритель может принять эти образы за представителей современной действительности¹³.

Не остались без внимания и другие художественные коллективы. В указанном выше документе отмечалось, что после выхода постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров¹⁴ при Управлении искусств была создана комиссия по проверке всех коллективов Молдгосфилармонии и эстрады¹⁵. Большая работа была проведена по «очистке» репертуара джаз-оркестра «Молдавия»¹⁵.

Особенно ужесточилась цензура по отношению к музыкальным произведениям в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере „Великая дружба“ В. Мухомедова». Во исполнение его от Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром из Москвы в Кишинев поступило указание в кратчайший срок рассмотреть списки произведений всех музыкальных жанров местных композиторов, изъять из репертуарных планов музыкальных театров, филармоний и отдельных исполнителей антинародные и формалистические произведения¹⁶. Данное постановление было обсуждено и одобрено на заседании совета Кишиневской госконсерватории от 16 марта и 10 мая 1948 г.¹⁷ Критике подверглась в особенности кафедра теории и композиции. Студенты-композиторы обвинялись в том, что они не занимаются массовыми песнями, советской тематикой, работают методами XVIII в., методами чистого музыкального искусства. Обращалось внимание, что на кафедре обучались студенты с явным «формалистическим» уклоном¹⁸. Нападкам был подвергнут в первую очередь С. М. Лобель, глубокий знаток фольклора, румынской и европейской музыкальной культуры,¹⁹ Стирча и др.

За иллейной направленностью творчества молдавских писателей и художников зорко следил ЦК Компартии Молдавии, периодически на заседаниях бюро обсуждавший деятельность отдельных творческих коллективов или авторов и принимавший соответствующие постановления. Одним из первых вопросов, рассмотренных ЦК в послевоенные годы, был вопрос о состоянии молдавской художественной литературы и мерах ее совершенствования, вынесенный на бюро ЦК КП(б) Молдавии 22 ноября 1948 г. В принятом постановлении отмечалось, что в ряде произведений молдавских писателей имеют место буржуазно-националистические извращения и ошибки, затухает классовая борьба, а в некоторых из них идеализируется

феодалное прошлое Молдавии, извращается роль молдавского народа в Великой Отечественной войне²⁰.

23—24 ноября это постановление обсуждалось на совещании писателей, организованном ЦК КП(б) Молдавии. Секретарь ЦК КП(б) Молдавии Коваль в своем выступлении отметил, что авторы некоторых произведений неправильно себе представляют прошлое Молдавии, особенно феодальный период. Среди них он назвал А. Лупана, Е. Букова и Б. Истру. Последние были раскритикованы и за формализм.²¹ В числе слабых сторон молдавской литературы докладчик отметил также «упущение такого важного фактора, как направление главного огня нашей литературы на классового врага и на враждебные элементы, которые действуют в связи с коллективизацией в нашей республике»²².

В рассматриваемый период прочно укоренилась практика навязывания писателям и художникам определенной тематики. Так, в перспективном плане Союза советских художников Молдавии на 1952—1955 гг. в целях облегчения художнику подбора сюжетов рекомендовалась тематика, где на первом месте значилось: «В. И. Ленин и И. В. Сталин — организаторы и руководители партии большевиков». Подчеркивалось также, что основной, пронизывающей все живописные и скульптурные работы выставки 1952 года, должна стать мысль о руководящей роли партии и тов. Сталина в развитии народного хозяйства СССР, в борьбе за мир и построение коммунистического общества²³. Навязанная сверху своеобразная иерархия тем, проведение выставок, которые, как правило, приурочивались к боевым и революционным датам, сковывали инициативу творческой интеллигенции, препятствовали созданию оригинальных художественных произведений. Такая политика по отношению к писателям и художникам способствовала появлению ревнителей «классовой» литературы и искусства, которые «творили», как свидетельствует писатель Николай Савостин, по принципу: я пишу плохо, зато идейно правильно²⁴.

После смерти Сталина началась хрущевская «оттепель», время разоблачения культа личности, попыток демократизировать общество и реформировать народно-хозяйственный механизм. Но Н. С. Хрущев, будучи инициатором этих новых явлений, оставался порождением административно-командной системы и был наделен всеми чертами сформировавшей его эпохи²⁵. Об этом красноречиво свидетельствует его отношение к творческой интеллигенции. И. Эренбург вспоминал слова Хрущева: «В вопросах искусства я сталинист»²⁶. Тем не менее многие поспешили одобрить его политику в области литературы и искусства, а партийные деятели с большим энтузиазмом начали учить творческих работников, как лучше претворить в жизнь хрущевские идеи.

20—21 октября 1957 г. в Кишиневе состоялось собрание творческой интеллигенции республики, где обсуждалась статья Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа»²⁷. В своем выступлении заведующий отделом науки, школ и культуры ЦК КП Молдавии К. Ф. Ильяхенко с удовлетворением заявил: «Дудинцевых у нас в Молдавии нет, и мы об этом ничуть не сожалеем. Но увлечение критической деятельностью с нездоровых позиций есть...»²⁸. Далее оратор перечисляет ряд произведений молдавских писателей, где, на его взгляд, «положительные герои находятся в безвыходном состоянии, предоставлены самим себе, создается впечатление, что якобы не существует общественной силы, которая могла бы помочь людям, стоящим на верных позициях в их справедливой борьбе с окружающими их социальными уродами»²⁹.

Такой общественной силы, как потом оказалось, тогда действительно не было, поэтому несмотря на старания партийных работников, писатели и художники в своих произведениях не могли ее отобразить. Не только партийное руководство республики, но и некоторые писатели и художники признали правильной критику в адрес писателя В. Д. Дудинцева, объявили статью Н. С. Хрущева программным документом, определяющим пути дальнейшего развития и подъема социалистической литературы и искусства³⁰.

С начала 60-х гг. в стране разворачивается кампания борьбы с «абстракционизмом», дискредитации лучших представителей советской интеллигенции. Из центра на места направляются циркуляры, где даются указания, как вести эту борьбу. Так, в сентябре 1961 г. в Москве планировалось провести Всесоюзное совещание художников «в связи с появлением в советском изобразительном искусстве некоторых нездоровых тенденций, мешающих его нормальному развитию на основе метода социалистического реализма»³¹. Но еще в августе на имя министра культуры МССР поступило письмо за подписями зам. министра культуры СССР, первого секретаря Союза художников и президента Академии художеств СССР, где сообщалось, что совещание должно подвергнуть глубокой критике упаднически-модернистские тенденции в советской живописи, скульптуре и графике. Предлагалось организовать ряд ярких партийных выступлений художников и критиков, отмечалось, что было бы целесообразно опубликовать в преддверии совещания в республиканских газетах боевых статей по вопросам изобразительного искусства с острой критикой имеющихся ошибочных, нездоровых тенденций³².

7 марта 1963 г. в Свердловском зале Кремля состоялась третья встреча Н. С. Хрущева с деятелями литературы и искусства, где он выступил против А. Вознесенского, Э. Неизвестного и других художников³³. Кампания борьбы с

«абстракционизмом» и «формализмом», развязанная в Москве, как и следовало ожидать, была одобрительно встречена в Молдове. Менее чем через две недели, 16 марта, в Кишиневе состоялась встреча партийно-государственного руководства республики с деятелями литературы и искусства. «Лидерами» абстракционизма и формализма были объявлены художники М. Греку и В. Руссу-Чобану, авторы полотен «Металлурги» и «Девушки из Чадыр-Лунги», «Стефан Великий» и «Дети сажают деревья». В принятой резолюции отмечалось, что над содержанием доминировала форма, доведенная до абсолюта³⁴.

21 января 1963 г. состоялось общее собрание Союза художников Молдавии, где был обсужден вопрос «О задачах творческих союзов республики в свете выступлений руководителей партии и правительства на встрече деятелей литературы и искусства и задачи Союза художников Молдавской ССР»³⁵. С докладом выступил председатель правления Союза художников Молдавии Л. П. Григорашенко. От имени коллектива художников он заверил Центральный Комитет Партии, Н. С. Хрущева, что и впредь художники республики будут со всей решительностью и непримиримостью бороться за чистоту партийной линии в искусстве, за безраздельное господство в нем метода социалистического реализма, будут и впредь, невзирая на лица, разоблачать всяческое уклонение от этого животворного метода и решительно пресекать его³⁶. Докладчик подверг критике работы В. Руссу-Чобану, отметив, в частности, что они «лишены правдивого, жизненного содержания, лишены красоты, облагораживающе действующей на зрителя», что у Руссу-Чобану уровень мастерства и политической сознательности и требовательности к своей профессии подменяется умышленной примитивностью формы, говорящей о духовной пустоте автора³⁷. Эти характеристики, очевидно, и легли в основу вышеназванной резолюции.

С середины 60-х гг., с приходом к власти Л. И. Брежнева в истории партийного руководства литературой и искусством наступил новый период, который кто-то справедливо и метко назвал временем, когда ничего не запрещалось, но ничего и не разрешалось. Но к концу этого десятилетия идеологический диктат по отношению к учреждениям культуры и средствам массовой информации усиливается. 7 января 1969 г. было принято постановление ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Некоторые исследователи считают, что этот документ практически восстанавливал традицию известных партийных решений в области литературы и искусства 40-х гг.³⁸

Как удачно подметил Станислав Кондрашов, каждый истинный талант — это прежде всего острое чувство правды и неодолимое стремление выразить ее³⁹. Но, к сожалению, очень часто естественная забота творческой интеллигенции о развитии духовности, молдавского языка, национальной культуры болезненно воспринималась руководителями республики. Вместо вдумчивого анализа существующих проблем и выработки соответствующих мер по их решению в брежневские времена продолжалась практика давления на деятелей культуры с помощью идеологических норм, сомнительных научных теорий, навешивались ярлыки «националистов», «декадентов», «носителей мелкобуржуазной психологии и патриархальщины» и т. п.⁴⁰. По свидетельству академика АН РМ А. П. Лупана, в течение 15 лет его работы в правлении Союза писателей Молдовы этот творческий союз неоднократно подвергался дикой травле и обвинениям в антисоветизме и антипартийности⁴¹.

О постоянном давлении на Союз писателей говорит, в частности, и реакция бюро ЦК КП Молдавии по поводу III съезда Союза писателей республики, проходившего 14—15 октября 1965 г. Партийное руководство ожидало, что на этом съезде, как и на предыдущем, в отчетном докладе союза будут подвергнуты критике лучшие молдавские писатели за неправильное понимание национальной специфики, за «усердие в поисках черных пятен в делах и отношении к людям секретарей райкомов», будут звучать утверждения, что «истинное кредо советского писателя, его идея совпадает с ленинским партийным кредо»⁴².

Однако на этот раз мнение съезда писателей не совпало с официальной партийной линией. За мужество и принципиальность они попали в немилость партийного руководства. Так, 13 декабря состоялось заседание Бюро ЦК КПМ, обсуждившее вопрос о серьезных недостатках в подготовке и проведении этого съезда. На нем отмечалось: «В докладе бывшего председателя правления Союза писателей Молдавии т. Чобану И. К., в содокладах, а также в большей части выступлений на съезде писателей не нашли должного освещения вопросы партийности в литературе, идейной ценности художественных произведений, их роли в воспитании трудящихся в духе верности социалистическому интернационализму. Чувствовалось, что многие ораторы заблаговременно готовились и выдвинули на обсуждение съезда ряд вопросов национального характера». Бюро постановило: «Признать, что третий съезд писателей Молдавии прошел на низком организационном и политическом уровне. Осудить националистические тенденции, проявившиеся в выступлениях писателей Бусуйока, Маларчука, Друцэ, Чимпойа, а также неправильное отношение к партийной критике и другие нездоровые настроения»⁴³.

Партийное руководство постоянно настаивало на том, чтобы писатели в первую очередь обращали внимание на современную тематику. Поэтому обращение к исто-

рии родного края трактовалось как идеализация прошлого, увлечение стариной. Особенно настаивал на этом И. Бодюл. В своем выступлении на XXIV съезде КПСС он отметил: «Нельзя, например, считать нормальным увлечение некоторых творческих работников архаической стариной, воспеванием и поэтизацией в своих произведениях давно отживших обычаев и традиций, противопоставление их нашей современности, которую нередко они отображают тенденциозно, видя в ней лишь отрицательные моменты»⁴⁴.

В апреле 1970 г. в Кишиневе состоялась конференция «В. И. Ленин о культуре и искусстве»⁴⁵. С докладом «Идеология марксизма-ленинизма — основа социалистической культуры» выступил секретарь ЦК КП Молдавии Д. С. Корнован. Не отрицая определенных достижений молдавской советской литературы, он в то же время не преминул отметить наличие произведений, в которых поверхностно отражается современность, отсутствуют четкие социальные оценки жизненных явлений и человеческих поступков, отдается дань абстрактному гуманизму». По мнению оратора, этими недостатками страдали роман И. Друцэ «Бремя нашей доброты», книга В. Василяке «Повесть ку кукошул рошу» и другие произведения⁴⁶. По словам Д. С. Корнована, в произведении И. Друцэ неверно трактовались отношение трудящихся к коллективизации и другие события того времени⁴⁷. В докладе подвергались критике и отдельные произведения С. Сака, Г. Водэ, В. Иовице, Н. Есиненку, а также представленный к изданию сборник стихов Д. Матковски «Дескынтече ын алб ши негру»⁴⁸, которые «родит пессимизм, искажающий жизнь в главных ее чертах»⁴⁹. Не были забыты и художники. Отмечалось, в частности, что новое полотно М. Греку «Первые дни Советской власти» «не несет необходимого политического заряда»⁵⁰.

Особенно резкой критике в докладе подвергались киностудия «Молдова-филм», многие работы которой «страдают серьезными идейными пороками», как, например, картины «Горькие зерна», где «искажены события послевоенных лет», «Последний месяц осени», где «вырывается сочувствие кулаку, у которого отняли богатство и сослали в Сибирь», киноленты «Маланка», «Бахус», «По осени» в связи с тем, что в них «отчетливо прослеживается идеализация прошлого, противопоставление его настоящему»⁵¹.

Писатель-драматург И. Друцэ впервые в молдавской художественной литературе в романе «Бремя нашей доброты» написал о засухе и голоде послевоенных лет. В 1970 г. редакционная коллегия журнала «Дружба народов» выдвинула роман на соискание Государственной премии СССР. Но в эти годы в республике продолжалась кампания дискредитации И. Друцэ. На имя председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР было получено письмо от первого секретаря ЦК Компартии Молдавии И. Бодюла. В нем сообщалось, что ЦК КП Молдавии оценивает произведение «Бремя нашей доброты» как политически вредное и возражает против присуждения его автору Государственной премии. Мотивировалось тем, что роман содержит извращенную картину осуществления социалистических преобразований в молдавском селе, что вопреки жизненной правде И. Друцэ видит в колхозном строе бедствие для народа⁵².

Автор письма сообщал также, что И. Друцэ подготовил и предлагает к изданию пьесу «Сеятели снега», которая в идейно-политическом отношении еще более вредна, чем «Бремя нашей доброты», и высказывал недоумение в связи со столь активной поддержкой И. Друцэ со стороны редакции журнала «Дружба народов» и ряда других организаций, что, по его мнению, наносило ущерб развитию советской молдавской литературы и идейно-воспитательной работе среди трудящихся⁵³. Так оценил тогдашний партийный лидер республики одно из лучших произведений писателя, являющегося гордостью молдавской литературы. И. Друцэ не удостоился Государственной премии СССР, но от этого не стал менее талантливым и знаменитым.

В начале 60-х гг. в самом молодом советском молдавском искусстве — кинематографе — начала свою деятельность плеяда энергичных, талантливых режиссеров, сценаристов, операторов, художников. Перспектива киностудии «Молдова-филм» целиком зависела от того, куда и как будут направлены силы и талант творческой молодежи. Однако, как свидетельствует, в частности, история с фильмом «Человек идет за солнцем» (режиссер М. Калик), явившимся творческой удачей молдавского кинематографа, у партийного руководства молодые силы с самого начала не нашли понимания и поддержки. Цензура начала действовать уже при производстве фильма. В апреле 1961 г. на имя министра культуры МССР было получено письмо заместителя начальника и старшего редактора Управления по производству фильмов Министерства культуры СССР, в котором обращалось внимание на атмосферу, созданную вокруг фильма «Человек идет за солнцем», в условиях которой творческая группа все время находилась под угрозой закрытия картины. Специалисты из Москвы рекомендовали Министерству культуры и руководству киностудии «Молдова-филм» всерьез задуматься над судьбой каждого молодого кинематографиста и особенно обратить внимание на Лотяну и Гажиу⁵⁴. На сценарий В. Гажиу и М. Калика «Человек идет за солнцем» дается положительное заключение⁵⁵.

Благодаря поддержке министра культуры А. М. Лазарева, который смог защитить картину в высших органах республики, зрители все же смогли увидеть этот

фильм⁵⁶. Но вскоре, в декабре 1961 г., на заседании Бюро ЦК КП Молдавии был снят со своего поста директор киностудии «Молдова-филм» В. Шевелов, а кинокартина была расценена как ущербная в идейно-художественном отношении⁵⁷. В октябре 1962 г., выступая на учредительном съезде Союза кинематографистов МССР, И. Бодол изложил мнение Бюро ЦК КПМ о данной картине: «Авторы увлеклись формой, пренебрегли содержанием и пошли по пути формалистического показа явлений нашей жизни...»⁵⁸. Дежурная в то время формулировка, но имеющая магическую силу. Так расправилось партийное руководство с фильмом, положительные отклики на который появились в 150 газетах⁵⁹.

Такая же участь постигла и выпущенный в 1966 г. фильм «Горькие зерна» (постановка В. Гажиу, В. Лысенко). Члены Бюро ЦК КП Молдавии, просмотрев картину, все как один высказались отрицательно⁶⁰. В те годы голод и засуха были запретной темой. Фильм «Горькие зерна» был выпущен снова на экран только в 1987 г.⁶¹

ЦК КП Молдавии узрел идейно-художественные «просчеты» и в некоторых других молдавских фильмах. Он усмотрел тенденции внеклассового субъективного подхода к прошлому, например, в документальных лентах «Время жить», «Момент истины», «Каушанские фрески» и др. Режиссера В. Друка обвинили в потере идеологической ориентации в оценке исторических фактов и событий, социалистических завоеваний, в связи с чем его картины не раз возвращались на доработку⁶². Как писал тогдашний секретарь ЦК Компартии Молдавии И. П. Калинин, все меры ЦК были направлены на «повышение социальной заостренности тематики молдавского кино, идейного содержания фильмов»⁶³.

В 1970 г. Бюро ЦК КП Молдавии приняло постановление «О серьезных идейно-художественных недостатках в кинофильмах киностудии «Молдова-филм». Фильмы «Горькие зерна», «Путешествие в апрель» и другие подверглись критике за «узконациональную» тему, которая раскрывается на фоне архаичных традиций с преувеличением трудностей, с какими сталкивался молдавский народ в послевоенные годы»⁶⁴. Было принято умалчивать об исторических корнях молдавской культуры, о засухе и голоде, о насильственной коллективизации, других трудностях, через которые прошла Молдова в послевоенные годы.

Для усиления партийного контроля над литературой и искусством большое внимание уделялось укреплению первичных партийных организаций творческих союзов. Партийные организации были созданы и действовали в Союзе художников с 1946 г., в Союзе писателей с 1948 г., в Союзе композиторов с 1960 г. В 1975 г. в первичных партийных организациях этих трех творческих союзов состояли на учете 74 коммуниста — в два раза больше, чем в 1959 г.⁶⁵ Партийные организации действовали в Молдгосфилармонии, в театрах. Особенно представительной была партийная организация киностудии «Молдова-филм», которая к 1975 г. насчитывала в своих рядах 95 коммунистов⁶⁶. В целом же численность коммунистов, работавших в литературе к искусству, с 1965 по 1980 г. возросла на 537 человек, составив 1953 члена и кандидата в члены КПСС⁶⁷.

Как подчеркивает в своей монографии Д. И. Антонюк, коммунисты образовали «боевой авангард» отряда художественной интеллигенции, его «политическое ядро». Партийные организации творческих союзов, учреждений искусства и культуры добивались «повседневного влияния на идейную направленность творческой деятельности писателей, композиторов, художников, режиссеров и актеров театров и киностудии, помогали им овладевать марксизмом-ленинизмом, расти профессионально»⁶⁸. В этой связи нетрудно убедиться, что в деятельности партийных организаций учреждений культуры и искусства забота о профессиональном росте и уровне произведений находилась на последнем месте.

Выполняя постановление Бюро ЦК КП Молдавии 1970 г. «О серьезных идейно-художественных недостатках в кинофильмах, выпускаемых киностудией „Молдова-филм“, партийная организация взяла под строгий контроль производство фильмов. Под соответствующим углом зрения регулярно стал просматриваться материал снимаемых кинолент⁶⁹. Как отмечает Е. Флока, наиболее важные участки были укреплены опытными кадрами (коммунистами). В съемочных группах, находящихся по долгу в творческих экспедициях, создавались партийные и комсомольские ячейки⁷⁰. Естественно, что в подобных условиях строгого партийного контроля труднее всего приходилось ярким личностям. Судьба же художественных произведений определялась не самими деятелями искусства, читателями и зрителями, а руководящими партийными кадрами. Номенклатура считала себя просто обязанной диктовать художнику, что и как творить, а безуспешная борьба с цензурой, против чрезмерной идеологизации литературы и искусства отнимала массу времени, сил и энергии и отвлекала писателей и художников от непосредственно творческой работы.

Следует отметить, что под бдительным оком партии находилась и работа библиотек. Считалось, что главная функция библиотек — воспитательная, и что чтением народа непременно надо руководить, оберегая его от «политически вредной» литературы. Отделы культуры или библиотеки, которые не отвечали оперативно на очередной призыв к изъятию из своих фондов «политически вредной» литературы, строго наказывались. К примеру, 2 февраля 1959 г. по Министерству культуры МССР был издан приказ «О неудовлетворительном состоянии работы по очищению библиотек от политически вредной и устаревшей литературы Бендерским район-

ным отделом культуры»⁷¹. В сентябре того же года три министерских чиновника, в том числе и представитель Главлита при Совете Министров МССР, были направлены в Бендеры для подготовки к рассмотрению на коллегии министерства вопроса о выполнении вышеуказанного приказа⁷². При проверке книжных фондов библиотек района было выявлено и изъято из обращения 765 экземпляров политически «вредной» литературы. В связи с этим 6 октября был издан новый приказ министра культуры МССР «О невыполнении приказа министра культуры МССР от 6 февраля 1959 года „О неудовлетворительном состоянии работы по очищению библиотек от политически вредной и устаревшей литературы“»⁷³. В нем выдвигалось обвинение против заведующего Бендерским отделом культуры, который «допустил политическую близорукость к идейному содержанию книжного фонда, что наносит ущерб делу коммунистического воспитания трудящихся»⁷⁴.

Подобная практика продолжалась и в 60-е гг. 30 января 1961 г. Министерство культуры МССР обязало всех заведующих отделами культуры провести до 15 марта фронтальную проверку книжных фондов библиотек на предмет их очистки от запрещенной литературы и устаревших изданий в соответствии с новой инструкцией. Однако во многих библиотеках эта работа, вопреки строгим циркулярам, не выполнялась. Так, проверкой Главлита МССР запрещенные издания были выявлены в Дондюшанской библиотеке Окницкого района, в библиотеках Липканского, Единецкого, Братушанского и других районов⁷⁵. В связи с этим 19 октября того же года Министерство культуры издало новый приказ: «О состоянии и мерах очищения книжных фондов библиотек от запрещенной и устаревшей литературы», предупреждающий, что в случае обнаружения в фондах запрещенных изданий виновные будут привлекаться к самой строгой административной ответственности⁷⁶.

Кроме «политически вредной» литературы, официальные власти наметили литературу ограниченного пользования. 28 сентября 1962 г. министром культуры МССР был издан приказ «О наведении порядка в учете, хранении и выдаче литературы ограниченного пользования (отечественных и зарубежных изданий в библиотеках МССР)». В соответствии с ним заведующие городскими и районными отделами культуры по договоренности с районными и городскими комитетами партии должны были проверить состояние учета, хранения и использования литературы ограниченного пользования во всех государственных, профсоюзных и ведомственных библиотеках. Директору Государственной республиканской библиотеки им. Н. К. Крупской вменялось в обязанность организовать проверку книжных фондов отдела иностранной литературы и изъять из обращения литературу ограниченного пользования, а каталожные карточки на нее — из общедоступного каталога⁷⁷. Таким образом, рядовой читатель и не должен был знать о другой литературе, кроме разрешенной номенклатурой.

Кампания прошла успешно, и в ноябре 1962 г. Министерство культуры МССР рапортует ЦК КП Молдавии, что требование его Бюро о наведении порядка в учете, хранении и выдаче литературы ограниченного пользования в библиотеках республики выполнено. Выявленная литература была списана в соответствии с указаниями Главлита. Согласно спискам того же Главлита были проверены книжные фонды и каталоги иностранной литературы Республиканской библиотеки, а изъятое передано на спецхранение⁷⁸.

Министерство культуры аккуратно докладывало ЦК Компартии Молдавии о достижениях по чистке библиотек. В очередной информации от 4 марта 1974 г. сообщалось, что Государственная библиотечная инспекция в июле 1973 г. осуществила выборочную проверку 67 массовых библиотек, а в декабре — 104, на предмет их «освобождения» от «политически вредной» литературы. Министерство культуры заверяло ЦК КП Молдавии, что идейное содержание книжных фондов и впредь будет находиться под постоянным контролем министерства, отделов культуры и методических центров⁷⁹.

Запрещались не только отдельные книги, но и все произведения некоторых авторов. Особенно модно было предавать забвению творчество вынужденных выехать за рубеж писателей, художников и других деятелей искусства. Так, 15 января 1985 г. в соответствии с указанием Министерства культуры СССР от 4 января был издан приказ по Министерству культуры республики изъять из фондов библиотек произведения Аксенова В. П., Владимова Г. Н., Любимова Ю. П. и др.⁸⁰ Изъятие из обращения целых пластов культуры, запрещение их изучения и популяризации (ибо они не соответствовали вульгарно трактуемым властями социалистическим идеалам) нанесло огромный ущерб обществу, привело к истощению его интеллектуального и духовного потенциала.

Таким образом, проводимая десятилетиями командно-административной системой политика в области культуры, направленная на ее идеологизацию, чрезмерный акцент на классовых ценностях, ограничение права художественной интеллигенции на свободу творчества, привели к нежелательным последствиям. В Молдове в сложном положении оказались национальный театр, кинематограф, национальная библиотека, другие учреждения культуры и искусства. В этих условиях одни деятели литературы и искусства устали бороться за свободу творчества и становились послушными исполнителями социального заказа. Других политикой системы устраивала, и они становились ее активными проводниками. И все же, вопреки всевозможным запретам и ограничениям, лучшие представители художественной интеллигенции

республики, и в первую очередь молдавские писатели, продолжали бороться за утверждение общечеловеческих ценностей в литературе и искусстве, за преемственность в развитии национальной культуры.

Административно-командная система оказалась не в состоянии до конца подчинить себе развитие творческой жизни. Именно в этой сфере накапливалась нравственная энергия перестройки. Опираясь на богатый опыт старших товарищей, пользуясь их активной поддержкой, выросло и возмужало молодое поколение художественной интеллигенции. В условиях перестройки своими активными выступлениями они способствуют пробуждению национального самосознания, включению широких масс в борьбу за радикальные преобразования в экономической и культурной жизни общества.

Примечания

- ¹ Партийное руководство литературой и искусством. М., 1986. С. 81.
- ² Марксистско-ленинская теория культуры. М., 1984. С. 176—177.
- ³ Партийное руководство литературой и искусством. М., 1986. С. 15.
- ⁴ Лукин Ю. А. Идеология и художественная культура. М., 1982. С. 10.
- ⁵ Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления. М. 1988. С. 19.
- ⁶ Антонюк Д. И. Динамизм культурного строительства в Советской Молдавии (Опыт партийного руководства). Кишинев, 1984; Флока Е. Партийное руководство развитием духовной культуры. Кишинев, 1980; Лаю Н. Г. Деятельность Коммунистической партии Молдавии по развитию литературы и искусства//Автореф. дис. на соиск. канд. ист. наук. Кишинев, 1974.
- ⁷ ЦГА МССР. Ф. 2955. Оп. 1. Д. 51. Л. 50.
- ⁸ Там же. Д. 19. Л. 95.
- ⁹ Там же. Д. 51. Л. 54.
- ¹⁰ Там же. Ф. 3047. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.
- ¹¹ Там же. Д. 11. Л. 3.
- ¹² Там же. Л. 5.
- ¹³ Там же. Л. 4.
- ¹⁴ Постановление было принято 26 августа 1946 г.
- ¹⁵ ЦГА МССР. Ф. 3047. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.
- ¹⁶ Там же. Д. 7. Л. 20.
- ¹⁷ Там же. Ф. 3050. Оп. 1. Д. 2. Л. 89, 101.
- ¹⁸ Там же. Л. 90.
- ¹⁹ См.: *Literatura și arta*. 1990, 1 martie.
- ²⁰ Летопись важнейших событий истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1976. С. 356.
- ²¹ ЦГА МССР. Ф. 2955. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 4, 5, 6.
- ²² Там же. Л. 20.
- ²³ Там же. Ф. 2906. Оп. 1. Д. 81. Л. 128.
- ²⁴ Как больно... Обращения, письма, статьи. Кишинев, 1989. С. 532.
- ²⁵ Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989. С. 4—5.
- ²⁶ Там же. С. 135.
- ²⁷ ЦГА МССР. Ф. 3011. Оп. 10. Д. 2. Л. 1—162.
- ²⁸ Там же. Л. 17.
- ²⁹ Там же. Л. 18.
- ³⁰ Там же. Л. 6, 7, 123.
- ³¹ Там же. Оп. 1. Д. 45. Л. 16.
- ³² Там же. Л. 17—18.
- ³³ Борис Жутовский. Групповой портрет в казенном интерьере. Возвращение к записям 1962—1968 гг.//Литературная газета, 1989, 5 июля.
- ³⁴ Как больно... С. 576.
- ³⁵ ЦГА МССР. Ф. 2906. Оп. 1. Д. 264. Л. 1—162.
- ³⁶ Там же. Л. 161.
- ³⁷ Там же. Ф. 2906. Оп. 1. Д. 264. Л. 144.
- ³⁸ На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990. С. 325.
- ³⁹ Кондрашов С. Партийность или независимость?//Известия. 1990. 31 июля.
- ⁴⁰ О политических аспектах перестройки в республике и деятельности Компартии Молдавии в новых условиях. Доклад Бюро ЦК КП Молдавии на XVIII пленуме ЦК КПМ//Советская Молдавия. 1990. 3 марта.
- ⁴¹ Советская Молдавия. 1990. 7 марта.
- ⁴² Ем. Буков. Жизнь народа — неиссякаемый источник творчества//Днепр. 1958. № 12. С. 115—134.
- ⁴³ Как больно... С. 587.
- ⁴⁴ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1971. С. 374—375.
- ⁴⁵ ЦГА МССР. Ф. 3011. Оп. 10. Д. 309. Л. 1—358.
- ⁴⁶ Там же. Л. 35.
- ⁴⁷ Там же. Л. 36—37.
- ⁴⁸ Сборник Д. Матковский «Дескынтече ын алб ши негру» («Заклинания в белом и черном») и по сей день хранится в единственном экземпляре в Национальной библиотеке республики. Весь тираж попал под «гильотину» (См.: *Вечерний Кишинев*. 1989. 20 октября).
- ⁴⁹ ЦГА МССР. Ф. 3011. Оп. 10. Д. 309. Л. 37.
- ⁵⁰ Там же. Л. 39.
- ⁵¹ Там же. Л. 41—42.
- ⁵² Литература ши арта. 1988. 1 септембрие.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ ЦГА МССР. Ф. 3011. Оп. 7. Д. 268. Л. 262—264.
- ⁵⁵ Там же. Л. 266—268.
- ⁵⁶ Андон В. «Горький хлеб» фильма//Вечерний Кишинев. 1988. 28 апреля.
- ⁵⁷ Как больно... С. 581.
- ⁵⁸ ЦГА МССР. Ф. 2773. Оп. 1. Д. 9. Л. 204.
- ⁵⁹ Андон В. Указ. соч.

- ⁶⁰ Как больно... С. 546.
⁶¹ Андон В. Указ. соч.
⁶² Антонюк Д. И. Указ. соч. С. 277—278.
⁶³ Калинин И. П. Партийное руководство воспитательным процессом. Кишинев, 1979. С. 185.
⁶⁴ Флока Е. Указ. соч. С. 136.
⁶⁵ Там же. С. 140.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Антонюк Д. И. Указ. соч. С. 266.
⁶⁸ Там же. С. 267.
⁶⁹ Флока Е. Указ. соч. С. 136.
- ⁷⁰ Там же. С. 137.
⁷¹ ЦГА МССР. Ф. 3011. Оп. 7. Д. 198. Л. 234.
⁷² Там же.
⁷³ Там же. Л. 318.
⁷⁴ Там же.
⁷⁵ Там же. Д. 263. Л. 277—278.
⁷⁶ Там же. Л. 279.
⁷⁷ Там же. Оп. 7. Д. 296. Л. 186.
⁷⁸ Там же. Д. 304. Л. 74.
⁷⁹ Там же. Оп. 10. Д. 1067. Л. 1—2.
⁸⁰ Архив Министерства культуры МССР. Оп. 11. Д. 733. Л. 34.

ISTORIOGRAFIE ИСТОРИОГРАФИЯ

К. Л. Жигня

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ СССР, БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (Современная американская историография)

Американская историография международных отношений и внешней политики США в отличие от советских исследований традиционно уделяла больше внимания и придавала большее значение роли личности в формировании и реализации внешнеполитического курса той или иной страны, в развитии взаимоотношений различных государств и даже общественных систем. Характерной чертой такого подхода является использование социально-психологических факторов для объяснения решений, принятых тем или иным правительством, внешнеполитическим органом или отдельным политическим деятелем.

В 70—80-е гг. действующие в международных отношениях социально-психологические факторы подверглись пристальному изучению теми американскими историками, которые исследуют послевоенную политику США в Восточной Европе, в том числе в Болгарии и Румынии, и видят в конфликте держав антигитлеровской коалиции по поводу политических событий в регионе одну из основных причин начала «холодной войны». Целый ряд американских историков стал объяснять политику Вашингтона в Восточной Европе в 1944—1947 гг., его намерение прекратить сотрудничество с Советским Союзом как в решении восточноевропейских проблем, так и на международной арене в целом традиционными взглядами и предпочтениями американских политиков и дипломатов различных рангов, адекватностью их личных восприятий и трактовки действий советских представителей и коммунистических партий в восточноевропейских странах, тем образом (или имиджем) Советского Союза, который сложился к концу войны в умах ответственных деятелей США.

Однако это не означает, что следовавшие такому подходу американские исследователи отказались рассматривать политические, экономические, идеологические, военные мотивы действий различных государств на международной арене. Как писал приверженец изучения социально-психологических аспектов внешней политики США, известный американский историк (и сотрудник госдепартамента) Хью Де Сантис, задача состоит в том, чтобы преодолеть «монистический подход» к объяснению событий «холодной войны», свойственный американским историкам различных направлений, которые видели либо только исторические и идеологические, либо только экономические причины ее возникновения. На самом же деле, считает он, переход от сотрудничества США и СССР в годы войны к конфронтации после нее был поэтапным, сложным, зависящим от многих обстоятельств. И в этом переходе образы сотрудничества и конфронтации, «поражденные комплексом исторических, культурных, социальных и психологических предпосылок», борясь за преобладание в умах дипломатов, сыграли далеко не мало важную роль¹.

Задача статьи заключается в том, чтобы, во-первых, показать, как современные американские историки описывают и оценивают восприятие, или имидж Советского Союза, который, по их мнению, существовал в умах политических деятелей и дипломатов США в 40-е годы, и, во-вторых, обрисовать различные точки зрения на то, как имидж СССР

воздействовал на деятельность американских представителей в послевоенных Румынии и Болгарии, на их рекомендации госдепартаменту о проводившейся в этих странах политике.

Прежде всего необходимо выяснить, какой смысл вкладывают американские историки в понятие «образ», или «имидж» той или иной страны, ее руководства, практических действий на международной арене. Общее определение можно найти у часто цитируемого специалиста по истории международных отношений К. Дж. Холсти: «Под словом „имидж“ мы понимаем индивидуальное восприятие объекта, факта или условия, оценку этого объекта, факта или условия в категориях добра и зла, дружелюбности и враждебности, ценности и значимости, приписываемых этому объекту, факту или условию, или выводимых из них»².

Однако сегодня американские исследователи внешней политики США исследуют имидж Советского Союза не только как индивидуальное восприятие этого государства отдельными американцами, но и как образ, который существовал в умах группы политических деятелей или дипломатов.

Ярким примером исследования истории советско-американских отношений и истоков «холодной войны» через призму имиджа Советского Союза, существовавшего к концу второй мировой войны в умах политических деятелей США, может служить книга американского исследователя и преподавателя, консультанта сенатского комитета по внешней политике Д. Ерджина³. Этот историк считает, что в воззрениях американской политической элиты в середине 40-х гг. существовали и боролись между собой две интерпретации внешнеполитической деятельности СССР. В центре первой был «имидж Советского Союза как государства мировой революции, отрицающего возможности мирного сосуществования, посвятившего себя безжалостной идеологической войне, руководимого мессианским стремлением к мировому господству. Другая интерпретация сводила к нулю роль идеологии и внешнеполитических последствий авторитарной внутренней политики и рассматривала Советский Союз как обычную великую державу в системе международных отношений»⁴.

Первую интерпретацию автор называет «аксиомами Риги», поскольку в американской миссии в Риге в 20-х гг. началось многостороннее последовательное изучение СССР, там при содействии русской эмиграции проходили профессиональную подготовку первые дипломаты, специализировавшиеся в области политики в отношении СССР. Формирование профессиональных воззрений этих дипломатов завершилось уже в Москве под воздействием наблюдаемых ими репрессий. «Американцы увидели, — пишет Д. Ерджин, — что те большевики, которых они могли уважать и с которыми могли говорить — интеллектуалы, цивилизованные люди, космополиты — все были стерты в пыль... Никогда впоследствии ни при каких обстоятельствах американские специалисты не могли думать о Сталине и его окружении без воспоминаний о крови на их руках». Эти дипломаты пришли к выводу о соответствии внешней политики государства характеру его политической системы, о том, что тоталитарная система внутри страны неизбежно порождает тоталитарную внешнюю политику⁵. Сотрудниками американского посольства в Москве были в тот период Дж. Кеннан, Ч. Боллен, Э. Дэрбрау и другие дипломаты, занявшие во второй половине 40-х гг. ответственные посты в госдепартаменте.

Вторую интерпретацию советской внешней политики Д. Ерджин называет «аксиомами Ялты». Создателем и проводником в жизнь этих аксиом был президент Ф. Рузвельт, их разделяло небольшое количество близких к нему людей. Ф. Рузвельт рассматривал СССР не как

авангард мировой революции, а как обычную великую державу, с теми же амбициями, что и у царского режима. Он полагал, что тоталитарная система не порождает в обязательном порядке тоталитарной внешней политики. Президент выступал за реалистическую оценку советской мощи и потребностей безопасности советского государства. Понимая неизбежность установления советской сферы влияния в Восточной Европе, он считал, что надо добиваться смягчения этого влияния в контексте широкого американо-советского сотрудничества⁶. «Аксиомы Ялты» не пользовались поддержкой госдепартамента и правительства, но поскольку Ф. Рузвельт сам вел внешнюю политику США, сторонники «аксиом Риги» до его смерти находились «в бессильной оппозиции».

Новый президент Г. Трумэн, «мало знакомый с проблемами внешней политики», воспринял от У. Черчилля и высших чиновников госдепартамента тот имидж Советского Союза, который соответствовал «аксиомам Риги».

В целом Д. Ерджин полагает, что ни «аксиомы Риги», ни «аксиомы Ялты» не были полностью адекватны реальной действительности, каждая из них выпячивала одни аспекты реальности и затемняла другие. Вместе с тем исследователь считает одной из основных причин «холодной войны» неверную оценку администрации Трумэна глобальных внешнеполитических интересов СССР как стремления к мировому господству и соответствующую интерпретацию его действий в Восточной Европе.

Другой американский историк, уже упомянутый Хью Де Сантис в ряде работ поставил задачу выявить влияние на международные отношения того имиджа Советского Союза, который не только имели, но и сами формировали профессиональные американские дипломаты. Х. Де Сантис объясняет причины «холодной войны» результатом борьбы между четырьмя имиджами поведения Советского Союза, которых придерживались различные сотрудники госдепартамента, но не учреждение в целом. Автор назвал эти имиджи так: «идеологического сотрудничества», «идеологической конфронтации», «реалистического сотрудничества» и «реальной конфронтации». «Те дипломаты, которые придерживались имиджа „идеологического сотрудничества“, — пишет Де Сантис, — полагали, что русские желают участвовать в восстановлении послевоенного мира, основанного на либерально-демократических ценностях и верованиях. Они поддерживали политику компромиссов и соглашений. Трактовавшие Советов в рамках „идеологической конфронтации“ считали, что СССР представляет собой идеологическую угрозу либерально-демократическим идеалам. Те, кто поддерживал мнение о „реалистическом сотрудничестве“, считали, что Москва индифферентна к ценностям либерализма и демократии и склонна придерживаться мирового порядка, основанного исключительно на национальных интересах, порожденных соответствующей военной и политической силой. „Реальная конфронтация“, т. е. продвижение советских интересов средствами военной экспансии, профессиональными дипломатами серьезно не рассматривалась»⁷.

Де Сантис пришел к выводу, что под влиянием различных факторов, в госдепартаменте восторжествовал имидж «идеологической конфронтации», который не соответствовал реальным устремлениям СССР. Отметим, что этот имидж близок к «аксиомам Риги» в концепции Д. Ерджина. Одной из немаловажных причин такого результата Де Сантис считает воздействие на госдепартамент американских представителей в восточноевропейских странах, о чем подробнее речь пойдет ниже.

Немалый интерес представляет статья другого американского историка, одного из директоров Монтерейского института международных

исследований, специально посвященная значению имиджей в восточноевропейской политике США⁸. Ее автор Ст. Гэрретт считает, что в 1944—1948 гг. у американских политических деятелей было неадекватное восприятие механизмов, регулирующих международные отношения, и возможностей США в восточноевропейском конфликте с СССР. Одну из главных ошибок он видит в переносе на отношения между государствами имиджа отношений между ведущими партиями в США. Американское руководство полагало, что трудноразрешимые международные проблемы, такие, как например, свобода навигации на международных водных путях Европы, свобода торговли и доступа к ресурсам, являются небольшим препятствием на пути к общим соглашениям, и убрать их, договориться с СССР также легко, как найти компромисс в американском конгрессе.

Имидж отношений между партиями в США американская дипломатия распространяла и на сферу внутривнутриполитических проблем восточноевропейских стран, не понимая их подлинного международного значения. Имиджем межпартийных отношений американцы руководствовались и в попытках решить проблему представительных правительств в Болгарии и Румынии после второй мировой войны. Эта задача, по мнению Ст. Гэрретта, казалась им чисто технической, зависящей от желания СССР и местных коммунистов. Однако при этом не учитывалось, что коалиционные правительства могут существовать только на основе тесного делового сотрудничества между партиями, в то время как в этих странах противоборствующие в 1944—1947 гг. партии до войны не испытывали друг к другу ничего иного, кроме ненависти. «Партийное сотрудничество в США проистекает из минимума взаимопонимания и общности целей, чего явно не могло быть между партиями в Восточной Европе» — отмечает исследователь. Кроме того, при консенсусе по проблемам внешней политики конфликт между партиями по внутренним делам является в США нормой, Вашингтон же требовал от восточноевропейских партий согласия и в решении внутривнутриполитических проблем, что было крайне нереалистично⁹.

Еще одной важной причиной, породившей порочную политику США в Восточной Европе, Ст. Гэрретт считает неадекватное восприятие американским руководством демократических потенций восточноевропейских народов. Он указывает, что после первой мировой войны американцы уверовали, что самоопределение наций, появление национальных правительств, создание Лиги Наций неизбежно приведут к торжеству демократических норм в регионе. Несмотря на разочарование, постигшее их в период до начала второй мировой войны, они продолжали верить, что «народы Восточной Европы преданы западным идеалам даже тогда, когда их режимы этим идеалам не преданы». Этот оптимизм питался убеждением, что существует важная историческая традиция симпатии и дружбы между США и народами региона. Считалось, что «предполагаемые естественные узы симпатии приведут «менее развитые народы» к принятию американских политических и социальных идеалов. США вообразили, что имеют особую обязанность и возможность помочь менее развитым народам приблизиться к этим идеалам более быстро»¹⁰.

Столь подробное изложение нами основных подходов, направлений в осмыслении социально-психологических факторов во внешней политике США трех названных историков (таких исследователей, конечно, гораздо больше, но Д. Ерджин, Х. Де Сантис и Ст. Гэрретт ближе других подошли к проблемам послевоенной политики США в Восточной Европе) было предпринято по двум причинам. Во-первых, в связи с тем, что советские исследователи истории международных отношений до настоящего времени практически не обращались к методике и инстру-

ментарии социальной психологии. Читателя необходимо хотя бы в общих чертах познакомить с тем, из чего состоит «плоть» подобных исследований в США, что представляет собой так называемое «имажинистское» направление. Во вторых, это необходимо для того, чтобы аргументированно доказать неправомерность бытовавших до недавнего времени выводов советской историографии о том, что такие исследования являются возвратом к субъективному идеализму, свидетельством консолидации американских историков на консервативной основе¹¹.

Теперь обратимся к вопросу о том, как современные американские историки оценивают роль представителей США в Болгарии и Румынии 1944—1947 годов в формировании различных имиджей Советского Союза у руководства внешней политикой Соединенных Штатов, каково их мнение о роли социально-психологических факторов в деятельности американских дипломатов, работавших в послевоенные годы в Софии и Бухаресте.

На переднем плане в этих рассуждениях оказывается фигура Мейнарда Барнса, политического представителя США в Болгарии, опытного энергичного дипломата, не довольствовавшегося ролью связующего звена между американским и болгарским правительствами, оказавшего, по мнению американских историков, определенное воздействие как на развитие политической борьбы в Болгарии, так и на эволюцию восточноевропейского курса госдепартамента в первые послевоенные годы.

О Брайтоне Берри — представителе США в Румынии того же периода — написано меньше, его роль в развитии американско-советского конфликта по проблемам Восточной Европы менее заметна. Тем не менее, описание его личности и деятельности тоже проливает немалый свет на мнение американских исследователей о роли дипломатов «на местах».

Практически все исследователи, затрагивающие деятельность М. Барнса в Болгарии, отмечают, что он был самым активным среди американских представителей в восточноевропейских странах. «Мелодраматичный» и в то же время «воинственный до такой степени, что однажды вступил в потасовку с болгарским милиционером» — пишет о нем У. Таубман¹². Человек, остро переживающий происходящее, легко впадающий в гнев, быстро принимающий решения — таким изображает его Х. Де Сантис¹³. Б. Берри предстает более хладнокровным, сдержанным, не склонным к импульсивным действиям и в целом — менее колоритной фигурой¹⁴.

По-разному высказываются американские историки о профессиональных качествах М. Барнса и Б. Берри. «Страницы американской дипломатии в Болгарии, — полагает исследователь американско-советского конфликта в послевоенной Болгарии М. Болл, — показывают профессионализм и особые способности дипломатов, посланных для поддержки политики США в малоизвестной стране. Мейнард Барнс и генерал Джон Крейн (руководитель представительства США в СКК — К. Ж.) были высококвалифицированными специалистами и соответствовали своему назначению»¹⁵. Н. Оурен считает, что М. Барнс «был человеком с характером», хорошо знавшим болгарские условия. Его достоверные сообщения были заполнены почти пророческим ощущением грядущего¹⁶. Такого же мнения придерживается и С. Блэк, в прошлом сотрудник госдепартамента, знакомый с М. Барнсом и его донесениями в госдепартамент¹⁷.

Но есть и другие мнения о деятельности этих двух дипломатов. Их высказывают главным образом те американские историки, которые критически оценивают восточноевропейскую политику США в после-

военные годы. Прежде всего следует отметить, что эти историки подчеркивают неадекватность воззрений М. Барнса и Б. Берри на довоенную историю Болгарии и Румынии и ошибочное восприятие ими прошлого этих стран как демократических режимов, а послевоенной некоммунистической оппозиции в них — как представителей демократического лагеря. «В сообщениях, которые могли попасть к госсекретарю или президенту, Барнс рисовал монохроматическое прошлое, — указывает профессор Гарвардского университета Э. Мэй. — Он писал, что известную своей коррупцией аграрную партию с энтузиазмом поддерживает 60% крестьян. В его телеграммах содержался намек, что Болгария сотрудничала с нацистами только в период авторитарного правления в годы войны... Оппонентов коммунистической партии он описывал как тех, кто «все еще надеются на восстановление гражданских свобод и прав человека» (Подчеркнув слово «восстановление» в цитате из сообщения Барнса, Э. Мэй подсказывает, что нельзя восстанавливать то, чего не было — К. Ж.). Преднамеренно или нет, Барнс создавал неверное впечатление, что поддерживаемые Советами коммунисты навязали диктатуру стране, которая в ином случае была бы демократической»¹⁸.

По мнению Э. Мэя, такие же сообщения слал из Бухареста и Б. Берри. «В его телеграммах говорилось о демократических силах, которые **возродились бы** (вновь саркастически подчеркнуто Э. Мэем — К. Ж.), если бы не подавление со стороны коммунистов»¹⁹.

Де Сантис также подробно останавливается на ошибках, допущенных, с его точки зрения, М. Барнсом, Б. Берри, представителями США в других восточноевропейских странах в оценке характера оппозиционных сил. «Работники внешнеполитической службы, — пишет он, — были склонны не замечать русофобской политической истории восточноевропейских стран и вероятность того, что местные лидеры (оппозиции — К. Ж.) хотели получить поддержку для того, чтобы удовлетворить свои политические амбиции. Они даже были склонны превращать народы Восточной Европы, чье мировоззрение определялось крестьянскими традициями и историческим фатализмом, в стереотип борющихся демократов, ожидающих политического освобождения с помощью американских спасителей». Так, Б. Берри был склонен забывать антисоветское и филофашистское прошлое Румынии, ее участие в войне против СССР и полагал, что этот «латинский остров в славянском море» являл собой «благодатную почву, на которой семена западной демократии могут пустить корни и взрасти». В то же время М. Барнс забывал об исторических связях болгар и русских и больше ссылался на «естественную» дружбу Болгарии и США²⁰.

Одна из причин такого «неполного» видения истории и текущего момента американскими профессиональными дипломатами заключается, по мнению Х. Де Сантиса, в персональной и идеологической идентификации себя с некоммунистическими политическими лидерами. Как социальная группа, карьерные дипломаты происходили из высших слоев среднего класса или из среды правящих классов и стремились к ассоциации с выходцами из тех же классов²¹. В своих донесениях М. Барнс и Б. Берри изображали лидеров оппозиции, представителей их собственного социального слоя, как «выдающихся людей», горячих сторонников просоюзнических действий и сил²².

По мнению Х. Де Сантиса, тесные связи между представителями США и лидерами оппозиции в Болгарии и Румынии привели к тому, что американские дипломаты попали под влияние последних. Доказательством тому служит его утверждение, что в начале 1945 г. «принадлежавшие к его социальному слою болгары» убедили Барнса, что коммунисты готовы захватить полный контроль²³, а Б. Берри под непосредственным воздействием Ю. Маниу упрекал госдепартамент в

бездействии и попустительстве акциям Советов²⁴. Невозможность удовлетворить ожидания оппозиции, оказать ей эффективную помощь в борьбе за власть, защитить, когда в 1947 г. началось преследование ее лидеров, порождали у американских дипломатов чувство вины. Но главное заключалось в том, что «чувство вины, социально-классовая идентификация себя со старой элитой, относительная неопытность в балканской политике и растущая враждебность к Советам сказались на выборе информации», отправляемой в госдепартамент²⁵.

Однако, если Де Сантис рассматривает характер связей, установившихся между американскими дипломатами и лидерами оппозиции в восточноевропейских странах, искажение под влиянием этих связей информации, направляемой в Вашингтон, как неизбежное следствие их социально-психологической общности и совпадения политических интересов, то другой американский историк, М. Вейл, подходит к этому вопросу иначе. Он считает, что искажение информации было осознанным и преднамеренным. Сопоставив официальные сообщения М. Барнса в госдепартамент и его личные письма, М. Вейл пришел к выводу, что М. Барнс отчетливо сознавал, что вопреки его информации «не столько демократия была предметом спора в Болгарии, сколько раздор из-за власти и возможности навязать свою волю другим. Демократия американского типа была практически неизвестна на Балканах, знакомых лишь с политикой вендетты. Выборы всегда были чисто косметическим мероприятием, кто их проводил тот и выигрывал. Тем не менее, в телеграммах в госдепартамент, которые читались и в Белом доме, Барнс изображал коммунистов как истребителей болгарской „демократии“»²⁶.

Для оценки профессиональных качеств американских представителей в восточноевропейских странах и их роли в решении правящих кругов США прервать сотрудничество с СССР немаловажное значение имеет и вопрос о правильности их восприятия и интерпретации советских действий в Восточной Европе. Начиная с 40-х и до конца 70-х гг. американская историография не подвергала сомнению адекватность анализа, делавшегося М. Барнсом, Б. Берри и их коллегами в других странах. Подавляющее большинство американских исследователей, рассматривая политику СССР в Восточной Европе как агрессию и доказательство его стремления установить мировое господство, для своей аргументации без каких-либо оговорок использовало соответствующие донесения американских посланников. Историки, которых в американской историографии именуют «ревизионистами», оспаривая такую трактовку политики СССР и выступая с резкой критикой действий США в этом регионе как империалистической политики, вопроса о достоверности информации, поступавшей из восточноевропейских столиц, не поднимали.

К этому вопросу в конце 70-х — начале 80-х гг. обратились те, кого, на наш взгляд, можно отнести к представителям так называемой постревизионистской историографии, синтезировавшей подходы и выводы, сделанные в предыдущие десятилетия исследователями различных направлений. И в первую очередь, это те же Э. Мэй, М. Вейл, Х. Де Сантис, уделившие немалое внимание психологическим аспектам деятельности американских дипломатов. Не отрицая империалистических устремлений СССР в Восточной Европе, они в то же время подвергают критике и интерпретацию их американскими дипломатами.

Так, Э. Мэй, пишет, что представители США в восточноевропейских странах вместе с дипломатами в Вашингтоне рисовали перед президентом портрет «мощного, амбициозного, жесткого и лживого Советского Союза. Конечно, — оговаривается автор, — они не придумывали и не сочиняли всего того, что сообщали. Коммунисты в Восточной

Европе действительно использовали жесткую тактику против оппонентов, а Советы предоставляли им все виды помощи. Тем не менее, сегодня стало ясно, что многие дипломаты позволили себе преувеличение... Некоторые из них использовали черную и белую краски для описания проблем, которые можно было более правдиво изобразить серой»²⁷. М. Вейл идет еще дальше и пишет, что, стремясь добиться более активного вмешательства США в ход политических событий в Болгарии и вызвать американо-советский конфликт на Балканах, М. Барнс больше чем кто-либо из американских представителей в Восточной Европе искажал смысл советских действий²⁸.

Особо подробно на этом вопросе остановился Х. Де Сантис, который главной задачей своей работы поставил выявить, какие социальные и психологические факторы привели к тому, что восприятие американскими дипломатами советских целей в Восточной Европе и за ее пределами оказалось в конечном итоге неверным. Де Сантис полагает, что до конца 1944 г. американские представители в Восточной Европе, так же как и их руководители в Вашингтоне, будучи «воодушевленными победами советских войск, кажущимся сдвигом к «демократизации» в СССР в годы войны и декларированным отказом Кремля от задач мировой революции, были предрасположены рассматривать поведение Советов в освобожденных балканских странах как подтверждение желания Москвы сохранить дух сотрудничества в воображаемом американским правительством демократическом послевоенном мире»²⁹.

Однако уже в начале 1945 г. под воздействием психологически жесткого поведения советских представителей в Восточной Европе, под давлением лидеров оппозиции, под впечатлением экспроприации румынского нефтяного оборудования, начавшейся в Болгарии чистки и работы народных судов Барнс и Берри уже начали восстанавливать довоенный имидж Советского Союза, который изображал его как идеологическую угрозу либерально-демократическим ценностям»³⁰. И если весной 1945 г. дипломаты на Балканах еще не отвергали возможности найти *modus vivendi* с русскими, то к началу лета они полностью утратили надежды на победу демократии в этих странах. В их умах победил имидж «идеологической конфронтации», представлявший СССР агрессивным государством, рвущимся к глобальному господству с помощью мировой революции³¹. По мере того, как имидж конфронтации укреплялся, поведение Советов получало новую оценку таким образом, чтобы она соответствовала изменившемуся мнению: реальность же последующих событий — свободные выборы в оккупированных Советами Венгрии и Чехословакии — отвергалась³². Общий вывод Х. Де Сантиса о психологических аспектах деятельности американских представителей в Восточной Европе и их роли в пересмотре политики США таков. «Своим исследованием, — пишет он, — я пытался показать, что восприятие дипломатами событий в Восточной Европе после 1944 г. было окрашено свойственными им культурными ценностями и верованиями, исторической памятью о большевистской пропаганде, о поведении в регионе нацистов, а также психологическим воздействием социального окружения. Я убежден, что эти факторы затуманили то, что они помнили о межвоенной Европе, и исказили их видение целей, преследовавшихся Советским Союзом, которые, по крайней мере в первые послевоенные годы не были глобалистскими, как думали американские дипломаты, а скорее осторожными и ограниченными в стратегии и тактике... То, что эти сотрудники внешнеполитической службы, люди достойные и с хорошими намерениями в социальном и культурном отношении, тяготевшие к определенному мировосприятию, неправильно интерпретировали в водовороте событий советские намерения, не должно рассматриваться как их моральная вина...»³³.

Немалый интерес для исследователей истоков «холодной войны» представляет вопрос о взаимоотношениях представителей США в восточноевропейских странах с госдепартаментом. Психологические аспекты этих отношений также привлекают внимание историков. Большая часть американских авторов сегодня, как и в прошлом, является сторонниками «бесконфликтной» версии. Представители официальной историографии считают, что М. Барнс и Б. Берри были согласны с верной по своей сути политикой и действиями госдепартамента в Восточной Европе. В свою очередь, ряд критически настроенных авторов указывают, что американские представители в Софии и Бухаресте полностью разделяли те негативные имиджи Советского Союза, которые царили в госдепартаменте и привели к серьезным ошибкам во внешней политике США и началу «холодной войны». Среди последних — Д. Ерджин, Э. Мэй, М. Вейл.

Однако существует и другая группа исследователей, которые выявляют конфликт, возникший, по их мнению, между М. Барнсом, Б. Берри и госдепартаментом по поводу тактики, методов и целей политики США в Восточной Европе. Так, Н. Оурен, полагающий, что правительство США практически ничего не сделало для спасения демократии в Болгарии, отмечает, что усилия М. Барнса побудить свое правительство занять более твердую позицию оказались напрасными. Ведущие тенденции американского правительства были нацелены на *modus vivendi* с Советским Союзом³⁴.

Линн Дэвис, исследователь американско-советского конфликта в Восточной Европе и начала «холодной войны», чьи оценки послевоенной политики США в регионе в целом совпадают с мнением Н. Оурена, также подчеркивает в своей книге, что предложения американских представителей в восточноевропейских странах либо откладывались в сторону, либо игнорировались госдепартаментом³⁵. Внешнеполитическое ведомство США не реагировало на требования М. Барнса, чтобы США выразили свою озабоченность ситуацией в Болгарии, оказали давление на болгарское правительство. Бездействие госдепартамента заставляло Барнса действовать по собственной инициативе, что, в свою очередь, вызывало раздражение в Вашингтоне.

Особо следует сказать о концепции Х. Де Сантиса, который стоит особняком от обеих групп исследователей, с различными оговорками признающими, либо не признающими конфликт между политическими представителями США в Восточной Европе и госдепартаментом. В отличие от «статичного» взгляда, свойственного каждой из этих групп, Де Сантис стремится рассмотреть взаимоотношения М. Барнса, Б. Берри и других дипломатов «на местах» с руководством в Вашингтоне в динамике. Он исходит из того, что осенью 1944 г., когда американские представители прибыли в Софию и Бухарест, все сотрудники внешнеполитической службы США придерживались имиджа «идеологического сотрудничества» с Советским Союзом, т. е. полагали, что СССР будет сотрудничать в строительстве послевоенного мира, основанного на принципах буржуазного либерализма. Столкнувшись с жестокой реальностью советских действий в Восточной Европе, с политикой коммунистов, расправлявшихся со своими политическими противниками, американские представители «на местах» раньше, чем госдепартамент подвергли сомнению имидж «идеологического сотрудничества». М. Барнс, Б. Берри, другие представители в восточноевропейских странах стали «увещевать госдепартамент применить новые средства для достижения целей, объявленных в Атлантической Хартии, энергично выступить в защиту американских прав и ответственности в Восточной Европе»³⁶. Имидж «идеологического сотрудничества» быстро сменился в их умах на имидж «идеологической конфронтации», изображавший, как уже го-

ворилось, СССР в качестве агрессора, стремящегося к мировому господству с помощью распространения мировой революции.

Что касается сотрудников госдепартамента, то они, как пишет Де Сантис, физически, а потом и психологически были отдалены от коллег на Балканах. «Отражая взгляды президента Трумэна, госсекретаря Бирнса и других руководителей внешней политики, они продолжали высказываться за политику терпения и компромиссов на Балканах в надежде, что Москва подтвердит свою приверженность создаваемому американцами послевоенному мировому порядку»³⁷. В этих условиях американские представители в Софии, Бухаресте, других восточноевропейских столицах стали аутсайдерами. «Они чувствовали себя подавленными и отчужденными от собственного правительства. Их рекомендации более энергичной политики на Балканах оставались незамеченными, их игнорировали»³⁸. Х. Де Сантис описывает их психологическое состояние так: «Деморализованные явным безразличием госдепартамента и резко ужесточившимися условиями, с которыми они сталкивались, осаждаемые просьбами некоммунистической элиты об официальных протестах и поддерживаемые только английскими коллегами, разделявшими их невзгоды, испытывая с начала 1946 г. страх, что коммунистическая экспансия выйдет за пределы Восточной Европы, дипломаты погрузились в море безнадежности»³⁹.

Однако телеграммы о невозможности сотрудничать с СССР шли не только из восточноевропейских столиц, но отовсюду, где сталкивались американские и советские интересы. Усиливалась критика внешней политики США в конгрессе. Серьезное недовольство президента Трумэна вызвали итоги Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии, где американская и английская дипломатия пошла на серьезные уступки в вопросе о составе румынского и болгарского правительств. Общий поворот в политике США в отношении СССР и восточноевропейских стран произошел в начале 1946 г., когда Советский Союз стал рассматриваться уже не как союзник, а как главный соперник на мировой арене. Руководители госдепартамента встали перед выбором дальнейшего курса. Х. Де Сантис считает, что у них была альтернатива либо «идеологической конфронтации», предусматривавшей глобальное противоборство с СССР под флагом борьбы с коммунистической опасностью, либо «Realpolitics», основанной на признании сфер влияния и учета реального баланса сил. Госдепартамент выбрал первое, что, по мнению американского историка, было роковой ошибкой, породившей «холодную войну»⁴⁰.

Таким образом, Де Сантис пришел к выводу, что американские представители в восточноевропейских странах, в частности М. Барнс и Б. Берри, под давлением происходивших событий и ряда социально-психологических факторов еще в начале 1945 г. раньше своих руководителей в госдепартаменте отказались от идеи послевоенного сотрудничества с СССР и стали развивать имидж «идеологической конфронтации». Госдепартамент пришел к таким же результатам позднее — в начале 1946 г., что в определенной мере было вызвано давлением со стороны представителей в восточноевропейских странах. И дипломаты «на местах», и руководство госдепартамента ошиблись — избранный ими имидж «идеологической конфронтации» был неверным. Москва не планировала «создание глобального коммунистического доминиона»⁴¹. И хотя, как уже подчеркивалось, Х. Де Сантис не считает происшедшее с американскими дипломатами в балканских странах их виной и находит объективные и субъективные причины эволюции их воззрений, его исследования показывает немалый «вклад» М. Барнса, Б. Берри и их коллег в начало «холодной войны».

Комментировать все мнения и взгляды, высказанные американскими исследователями об ответственности руководства США, внешнепо-

литических органов, отдельных дипломатов за начало широкомасштабной конфронтации с СССР, выявленные ими исторические обстоятельства, социально-психологические факторы, приведшие этих людей к выводу о неизбежности глобального противоборства с Советским Союзом, практически невозможно. Для этого пришлось бы написать специальную монографию. Кроме того, советским исследователям, располагающим в основном опубликованными документами внешней политики США, трудно судить, какой из описанных американскими исследователями имиджей Советского Союза и его поведения на международной арене был наиболее распространенным среди руководящих деятелей США и дипломатических кругов. Так же трудно ответить сегодня на вопрос о том, какой из описанных имиджей наиболее адекватен, наиболее правильно отражает политику СССР и ее методы, мотивы его действий в первые послевоенные годы, а следовательно, насколько верно американские историки выявляют ошибки в политике США в отношении СССР. Для этого необходимы отказ от прежних историографических догм и комплексное исследование как отдельных внешнеполитических акций, так и глобальных целей СССР, для чего следует провести немалое количество новых исследований.

Однако в силу знакомства с документами политики США в Румынии и Болгарии в 1944—1947 гг. мы можем высказать некоторые суждения об этой политике, ее роли в возникновении советско-американского конфликта, о деятельности американских представителей в этих странах. Это в определенной мере позволяет сравнить свое мнение с точкой зрения американских авторов.

Осенью 1944 г., когда американские представители прибыли в Румынию, Болгарию, а затем и в другие восточноевропейские государства, у госдепартамента не было четко разработанного курса в отношении этих стран. Цель политики США сводилась к установлению здесь буржуазных демократий, обеспечивающих свободу предпринимательства и свободный торговый обмен на мировом рынке. Эта цель носила утопический характер. Во-первых, противоборствующие силы в таких странах, как Румыния и Болгария, исторически не были готовы к буржуазной демократии «англо-саксонского» образца; политическое и физическое насилие по-прежнему оставались главными орудиями их борьбы. Во-вторых, эти цели противоречили намерениям сталинского руководства, стремившегося обеспечить безопасность СССР путем превращения восточноевропейских стран в сателлиты Москвы с неизбежными последствиями для их политического режима и социально-экономического строя.

Усилия американских представителей в Софии, Бухаресте и других восточноевропейских столицах по содействию реализации целей США в регионе сразу же столкнули их с уродливыми реалиями политической борьбы на Балканах и продемонстрировали им их бессилие. Осмысление ситуации привело М. Барнса, Б. Берри и их коллег к выводу, что только жесткая политика, грозящая Советскому Союзу и местному руководству полным разрывом отношений с Соединенными Штатами, может быть эффективной и привести к желаемым результатам.

М. Барнс не случайно оказывается в центре внимания американских исследователей. Экспансивный, темпераментный, быстро принимающий решения опытный дипломат, он, как и Б. Берри в Румынии, не обманывался в интерпретации действий советских военных властей и местной компартии. Его прогнозы в основном оправдались. Но ему было трудно, практически невозможно представить, чтобы США, самая богатая страна в мире, которую он искренне считал главным архитектором победы над фашистскими государствами, не могла добиться удовлетворения своих требований от ослабленного войной Советского Союза и уж тем более от такой страны, как Болгария. Недоумение и горечь,

испытываемые им, ярко проявились в его комментарии по поводу отказа болгарского правительства в сентябре 1946 г. включить в свой состав представителей оппозиции, как того требовало американское руководство. «Возможно, — писал по этому поводу Барнс, — в прошлом бывали случаи, когда микроскопическое бывшее вражеское государство придерживалось подобных взглядов и открыто высказывало их державам-победительницам, но я не столь подробно знаю историю, чтобы вспомнить подобное»⁴².

Разногласия Барнса с госдепартаментом, а они, на наш взгляд, были, заключались не в различии оценок происходившего в Болгарии и во всей Восточной Европе, а в различном подходе к стратегии и тактике борьбы. Барнс исходил из того, что отпор противникам надо давать немедленно и по каждому пункту. Госдепартамент же полагал, что добиться существенных изменений в Болгарии, как и в Восточной Европе можно только на совещаниях с советскими руководителями, поскольку именно те принимали подлинные решения. Действующих в восточноевропейских странах советских представителей и местных коммунистических лидеров госдепартамент вполне справедливо считал только винтиками, слепо выполняющими волю Кремля, и не видел пользы в активных действиях в самих этих странах. От американских же представителей там требовались достоверная информация и организация в соответствующий момент таких действий оппозиции, которые создавали бы необходимый фон для выдвижения американских требований на переговорах с советским руководством. Утверждения, что госдепартамент бездействовал, неверны и потому, что он в течение 1945 г. проводил политику непризнания болгарского и румынского правительств, рассматривая ее как мощное средство воздействия на ситуацию в Болгарии и Румынии. До 1947 г. госдепартамент не хотел, да и не мог действовать в соответствии с рекомендациями Барнса и его коллег и потому, что был связан необходимостью решать совместно с Советским Союзом множество международных проблем, например, мирное урегулирование в Европе, затрагивавшее политические, экономические, территориальные интересы многих стран. И только когда в 1946 г. оказалось, что по сути дела не удастся решить ни одной из крупных международных проблем совместными с СССР усилиями, госдепартамент стал переходить к той политике, активными поборниками которой с весны 1945 г. выступали М. Барнс и Б. Берри.

Попали ли М. Барнс и Б. Берри в зависимость от социально-психологического окружения в Болгарии и Румынии, находились ли они под воздействием антикоммунистической оппозиции в этих странах? Были ли общие взгляды и совместные действия американских дипломатов и оппозиции результатом общих черт в социальном происхождении, воспитании, психологии? Представляется, что это не совсем так. Барнсу и Берри удалось организовать ежедневные деловые контакты с лидерами оппозиции, в которых они участвовали не только как представители зарубежных стран, но и как активные участники политической жизни Болгарии и Румынии. Им действительно было легче найти общий язык с представителями буржуазной элиты и вовлеченной в политику интеллигенцией, чем с представителями пролетариата и крестьянства Болгарии и Румынии. К последним у них просто не было доступа, их передвижения по стране были ограничены и находились под контролем. Однако нет сомнений в том, что если бы сформировалась серьезная оппозиция и в «народной среде», она тоже вошла бы в тот социальный фон, на котором действовали Барнс и Берри.

Создается впечатление, что не столько окружение, в котором находились американские дипломаты, оказывало воздействие на их взгляды и рекомендации госдепартаменту, сколько наоборот. Именно роль главной опоры оппозиции и одного из разработчиков ее действий, в какой-то

мере гаранта и защитника, заставила Барнса пережить во всей полноте личную трагедию бессилия, когда в 1947 г. началась расправа над лидерами оппозиции и Н. Петков был расстрелян.

В целом хотелось бы отметить, что попытки включить социально-психологический фактор в исследования истории международных отношений и дипломатии несомненно позволяют объяснить целый ряд моментов в действиях отдельных дипломатов, внешнеполитических служб, правительств. Они дополняют, обогащают картину исторического прошлого, объясняют многие события и политические акции. Но похоже, что такая методика приносит успех тогда, когда исследуется более или менее крупная группа политиков, дипломатов и т. д. Попытки же объяснить с помощью социальной психологии действия отдельных личностей, их взаимоотношения с той или иной политической группой, тем или иным ведомством не дают адекватных результатов. Исследователь возвращается к нарративу, к описанию событий, объяснить которые можно традиционными методами. Так, например, Х. Де Сантису, по нашему мнению, не удалось доказать, что действия М. Барнса, Б. Берри, других американских дипломатов в Восточной Европе, их неверные оценки конечных целей СССР на международной арене определялись главным образом воздействием той социальной среды, в которой они выросли и получили образование, или той, в которой оказались осенью 1944 г. Однако отрицать воздействие этих факторов невозможно. Более того, они заслуживают дальнейшего исследования, поскольку поступки и решения людей, формирующих и реализующих внешнюю политику государства, неизбежно связаны с их психологическими свойствами, с тем, как они воспринимают и интерпретируют акции и действия той или иной страны, политической группы или отдельной личности.

Примечания

- ¹ *De Santis Hugh*. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933—1947. Chicago and London, 1980. P. 198.
- ² *Garrett Stephen A.* Images and Foreign Policy: The United States, Eastern Europe, and the Beginnings of the Cold War//World Affairs (Washington), 1976. N 4 P. 289.
- ³ *Yergin Daniel*. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and National Security State. Harmondsworth, England, 1980. (В советской литературе его имя пишется по-разному — Ерджин или Ергин).
- ⁴ *Ibidem*. P. 11.
- ⁵ *Ibidem*. P. 32.
- ⁶ *Ibidem*. P. 55—58.
- ⁷ *De Santis Hugh*. The Diplomacy of Silence.... P. 3.
- ⁸ *Garrett Stephen A.* Op. cit.
- ⁹ *Ibidem*. P. 292.
- ¹⁰ *Ibidem*. P. 295—296, 298.
- ¹¹ *Кунина А. Е.* США: методологические проблемы историографии США. М., 1988. С. 180.
- ¹² *Taubman William*. Stalin's American Policy. From Entente to Détente to Cold War. New York, London, 1982. P. 102.
- ¹³ *De Santis Hugh*. Conflict Images of the USSR: American Career Diplomats and the Balkans, 1944—1946//Political Science Quarterly, 1979 (Fall). P. 481.
- ¹⁴ *Weil Martin*. A Pretty Good Club. The Founding Fathers of the U. S. Foreign Service. New York, 1978. P. 102.
- ¹⁵ *Boll Michael M.* Cold War in the Balkans. American Foreign Policy and the Emergence of Communist Bulgaria. 1943—1947. Lexington, Kentucky, 1984. P. 191.
- ¹⁶ *Oren Nissan*. A Revolution Administered: The Sovietization of Bulgaria//The Anatomy of Communist Takeovers. New Haven and London, 1979. P. 337.
- ¹⁷ *Black Cyril E.* The Start of the Cold War in Bulgaria: A Personal View//The Review of Politics, 1979. N 2. P. 29.
- ¹⁸ *May Ernst R.* „Lessons“ of the Past. The Use and the Misuse of History in American Foreign Policy. New York, 1979. P. 28.
- ¹⁹ *Ibidem*. P. 29.
- ²⁰ *De Santis Hugh*. The Diplomacy of Silence.... P. 205—206.
- ²¹ *Idem*. Conflict Images of the USSR... P. 480.
- ²² *Ibidem*.
- ²³ *Ibidem*. P. 481.
- ²⁴ *Ibidem*. P. 483.
- ²⁵ *Ibidem*. P. 491.
- ²⁶ *Weil Martin*. Op. cit. P. 196.

- ²⁷ May Ernst R. Op. cit. P. 30.
²⁸ Weil Martin. Op. cit. P. 195—196.
²⁹ De Santis Hugh. Conflict Images of the USSR... P. 476.
³⁰ Ibidem. P. 481.
³¹ Ibidem. P. 488.
³² Ibidem. P. 491.
³³ Idem. The Diplomacy of Silence... P. 9.
³⁴ Oren Nissan. Op. cit. P. 337.
³⁵ Davis Lynn Ethridge. The Cold War Begins. Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton, 1974. P. 277—278.
³⁶ De Santis Hugh. The Diplomacy of Silence... P. 142.
³⁷ Idem. Conflict Images of the USSR... P. 487.
³⁸ Ibidem. P. 488.
³⁹ Ibidem. P. 488.
⁴⁰ Idem. The Diplomacy of Silence... P. 210.
⁴¹ Idem. Conflict Images of the USSR... P. 498.
⁴² Yergin Daniel. Op. cit. P. 156.

Rezumat

În articol pentru prima dată se relatează despre metoda social-psihologică aplicată în cercetările relațiilor internaționale, care practic n-a fost folosită în istoriografia sovietică.

La tratarea temei s-a apelat la lucrările unui șir de cercetători americani referitor la începutul „războiului rece”, conflictul sovieto-american și politica promovată de către Bulgaria și România după cel de-al doilea război mondial.

PLAI NATAL
КРАЕВЕДЕНИЕ

C. Istrati, A. Macovei
(Iași)

VECHI SATE DE PE VALEA PRUTULUI MIJLOCIU

Este cunoscută existența a numeroase sate duble, de regulă cu aceleași denumiri, așezate față în față, de-a lungul Prutului. Situația se constată mai ales pe cursul mijlociu și inferior al râului, de la Bivolari în aval. În cuprinsul unei câmpii largi și joase pe care o străbate pînă la Dunăre, Prutul și-a schimbat de mai multe ori cursul în timp de sute și chiar mii de ani, pendulînd cînd la vest, cînd la est, pînă s-a stabilit pe albia actuală. Mărturii stau urmele unor meandre din vechile alpii, împrăștiate pe tot cuprinsul șesului. Se mai poate presupune că, în timpuri mai vechi, cursul Prutului a urmat, din zona Stîncă Roznovanu și pînă la Scoposeni-Gura Bohotin, albia pe care a curs pînă de curînd, râul Jijia. Lucrul poate fi dovedit prin cercetarea atentă a hotarnicilor de moșii din zona amintită, din care se poate constata că ele încep din albia Jijiei și merg spre apus sau înspre răsărit și trec peste Prutul actual, cum este cazul la Ungheni sau la Tușora. Aceasta se datorește faptului că Prutul, ca element natural, a constituit hotarul despărțitor între două șiruri de moșii la vremea cînd ele s-au format ca proprietăți. Hotarul dintre aceste moșii a rămas neschimbat, indiferent de modificările pe care le-a suferit albia râului prin mutările sale spre apus sau spre răsărit. Mai trebuie admis că, la vremea cînd s-au constituit aceste moșii, proces cu o oarecare durată în timp, cursul râului a avut o perioadă de stabilitate, pentru ca albia lui să poată fi considerată ca hotar despărțitor între capetele lor. Mutarea albiei, de regulă înspre răsărit, nu a schimbat cu nimic drepturile de stăpînire asupra moșiilor de pe stînga lui, creînd doar unele dificultăți, ca obstacol natural care le tăia în două, în exploatarea lor și aceasta, mai ales, în funcție de partea râului pe care era situat satul. Lucrurile s-au schimbat cu totul după anul 1812, după ce Prutul, prin luarea Basarabiei de către Rusia, a devenit graniță de stat, iar proprietarii moșiilor trebuiau să opteze în ce țară urmau să locuiască pentru a-și putea stăpîni pămînturile. După această dată au început să apară și sate noi, pe malul opus celor existente deja, adică pe partea de moșie rămasă nelocuită și care, prin ruperea ei, în două, devenea o proprietate deosebită.

Paginile de față sînt consacrate doar unui grup de sate de pe Prutul mijlociu, din fostele ținuturi Fălciu și Lăpușna, dintre Pogănești, la nord, și Condrea, la sud, în apropiere de Leova. Pentru o parte din moșiile de aici, situate pe dreapta vechiului Prut, există uricul din anul 1429, prin care Alexandru cel Bun a întărit lui Lazăr, Stanciu și Costea, fiii vornicului Oană, pe lângă alte proprietăți și zece locuri pe Prut, pe care să-și întemeieze 10 sate¹. Uricul arată că hotarul acestor locuri începea «de la Unghiul Strîmt, care este mai sus de satul lui Ivan Șurinschi, apoi în jos, pe Prut, pînă la balta care se cheamă Ochiul», după care se îndrepta spre apus pînă ajungea la pîrîul Sărata, urma, spre nord, cursul acestuia și al unui afluent Dobromira și, apoi, se îndrepta spre răsărit și se oprea la Prut la același Unghi Strîmt. Mai tîrziu, pe Prut în lungul acestui hotar s-au constituit moșii și sate ce încep de la

Voloseni-Stănilești și se opresc aproape de Vetrișoia. Hotarnicele acestor moșii arată că, pînă la Condrea, limita lor de răsărit se oprea în mijlocul unor bălți de pe șesul Prutului, dispărute acum, de unde începeau alte moșii se porneau spre răsărit și ajungeau, peste Prutul actual, pînă la pîrîul Lăpușna, sau în zarea dealului, la Tomai. Situația se explică prin aceea că, așa cum s-a arătat mai înainte, Prutul curgea atunci prin mijlocul șesului și acolo a rămas hotarul dintre moșiile de pe cele două maluri. Cu timpul, probabil spre sfîrșitul secolului XV, în această zonă riul și-a mutat cursul mai spre apus, posibil pe o albie mai veche, pe care a mers pînă la mijlocul secolului XVII. Această albie s-a păstrat de la Unghiul Strîmt și pînă în dreptul satului Lunca Veche—fostă inițial Păulești, apoi Lunca Banului—sub forma unei gîrle care se unea cu actuala albie. Mai exista, de asemenea, un curs vechi părăsit, numit în vechime gîrla Pănoasa, care la nord de actualul sat Tochile-Răducani se unea cu pîrîul Lăpușna și curgeau împreună pînă la Condrea. În amintirea acestora, la sud-vest de Broscoșești, în șes, au existat pînă în secolul trecut bălțile și Lăpușnița. Pe la mijlocul veacului XVII, Prutul și-a mutat albia pe gîrla Pănoasa, pe care curge și astăzi. Din vechea albie din secolul XV, pe care s-au stabilit hotarele de moșii, în secolul XVII mai existau niște gîrle, Rîioasa și Rîioșița, precum și un șir de bălți ce au persistat pînă în zilele noastre, cînd au fost desecate. Toate acestea sînt menționate în hotarnicele moșiilor Stănilești și Stărpenei, din anii 1630 și 1785², precum și dintr-o schiță de plan de la anul 1785³.

În toată această zonă au existat inițial sate singulare ale căror moșii vechi se întindeau pe ambele maluri ale Prutului actual. Dintre ele trebuie reamintit, la început, satul lui Ivan Șurinschi, menționat ca punct de reper în uricul de la anul 1429, cînd se arată că Unghiul Strîmt era mai sus de acest sat. Unghiul Strîmt, o meandă strînsă a Prutului, poate fi identificat cu Unghiul Stejarului, numit de documentele mai tîrzii Cotul Stejarului, pe vechiul Pruteș în dreptul satului Gura Văii de lîngă Stănilești. Deci, satul lui Ivan Șurinschi trebuie să fi fost situat cam în dreptul Stănileștilor, pe malul de răsărit al vechiului Prut, pe moșia numită mai tîrziu Hudiceni, apoi Voinescu. Satul a dispărut și documentele nu îl mai menționează⁴.

Un alt sat dispărut a fost Toporu, situat la nord de Pogănești. Primele mențiuni documentare sînt tîrzii, de la începutul veacului XVII, iar numele trebuie să-i vină de la un om numit Topor care va fi fost un urmaș al primilor stăpînitori. Pe moșie exista și un pod plutitor, inițial funcționînd pe vechiul curs al Prutului, Pruteșul de azi și, apoi, mutat pe albia nouă a riului. Satul devenise domnesc și, la anul 1606, a fost dăruit lui Chiriță Paleologul, de la care a fost moștenit de vistiernicul Alexandru Ramandi, iar acesta, pe la anul 1660, l-a dăruit Episcopiei Huși. Satul Toporu era așezat în șes pe stînga Prutului actual, pentru că podul funcționa în mijlocul siliștei. La anul 1756 satul dispăruse și se menționau doar urmele unui cimitir situat la răsărit de un Pruteș⁵.

O istorie interesantă are satul Pogănești de pe dreapta Prutului. Numele îi vine de la un Pogan, astfel că denumirea Pogănești întîlnită uneori este incorectă. Moșia actuală a Pogăneștilor de la Fălcu trecea mult la apus de vechiul curs al Prutului, unde era inițial hotarul ei, deoarece, la 1644, i s-a mai adăugat o bucată din moșia tîrgului Huși. Începuturile Pogăneștilor sînt greu de reconstituit, deoarece documentele vechi au fost luate și împrăștiate de oștenii ruși cu prilejul campaniei din anul 1739. Se pare că aici au fost contopite mai multe siliști: Petrimănești, Răspopi, Tețcani și Borcești ce se aflau în jurul Pogăneștilor. Este posibil ca toate aceste moșii mai mici să fi fost rezultatul împărțirii moșiei mari între urmașii unui stăpîn inițial. Între proprieta-

rii din secolul XVII apare Racovița Cehan cel care avea în prejmă Volosenii și Stănileștii, iar acum cumpără părți din bătrânile moșii Pogănești și Răspopi, astfel că, prin vânzări și danii, răzeșii și-au pierdut pământul. De la boierii Racovița, moșia a trecut în proprietatea lui Iordache Cantacuzino care mai deținea părți importante și din Hudiceni, apoi a fost stăpînită de vistiernicul Iordache Balș, pentru ca după aceea să fie vîndută lui Andrei Pisani, fratele lui Paul Pisani, fostul ambasadur rus la Constantinopol.

Locul de așezare a satului Pogănești a fost inițial în șes, în dreapta Prutului actual. Aceasta se datora faptului că partea de răsărit a moșiei nu putea fi folosită din cauza tătarilor care o cultivau și își pășunau vitele acolo, astfel că nu puteau sta la locul lor nici pietrele de hotar. Domnia lua dijma — ușurul — de la tătari și printr-o favoare, în cazul Pogăneștilor, o dăruia stăpînului ei. Satul actual Pogănești din stînga Prutului a putut lua ființă, deci, abia după anul 1812. În schimb, cel vechi, din șesul Prutului a trebuit să-și schimbe locul de mai multe ori din cauza inundațiilor, pînă s-a stabilit în amplasamentul actual care nu mai este pe vechea moșie Pogănești, ci pe bucata de loc anexată din hotarul tîrgului Huși, la apus de vechiul Prut. Cu privilegiul acestor mutări, așezarea a purtat și denumirea de Petrimănești, în prima jumătate a secolului trecut⁶.

Din schița de plan amintită, de la anul 1785, rezultă că Pogăneștii se învecinau, la sud, cu Șopîrlenii, moșie despre care se cunosc puține informații. Un sat cu acest nume se afla mai la nord și la apus de Rîșești. Despre acel de lîngă Pogănești se cunoaște că, pe la anul 1623, vornicul Ionașco Cehan, stăpîn apoi al Stănileștilor, a cumpărat de la Sava Stolnicel, fiul lui Rașco, jumătate din satul Șopîrlenii. Moșia mai este amintită într-o hotarnică de la mijlocul veacului XVII, iar peste un secol un om din Stănilești mărturisea că tatăl său avea moșie în Șopîrlenii⁷. Despre sat nu se cunoaște nimic mai mult.

În continuare urma, începînd tot din mijlocul șesului Prutului și oprindu-se la riul Lăpușna, moșia cu satul Căcăcenii sau Căcăcerii. Așezarea trebuie să fi fost veche, cel puțin din secolul XVI, dar nu se cunosc vechii stăpîni și întemeietorii ei. Înainte de anul 1600 făcea parte din ocolul domnesc al tîrgului Huși, din care, pe la 1602 sau 1604, Eremia Movilă a dăruit Episcopiei Huși satele Plopeni, Cozieci, Rîșești, Spărieți din ținutul Fălciu «și Căcăcenii, la ținutul Lăpușnii și cu mori în Pănoasa, ce sînt la gîrla Prutului». Satul era considerat ca fiind în ținutul Lăpușna, deoarece, atunci, moșia lui se afla pe malul de răsărit al Prutului care, apoi, și-a mutat cursul pe albia actuală — gîrla Pănoasa de la acea vreme. Așezarea era pe cale de dispariție, pentru că într-o hotarnică de la 1648 sînt menționate doar niște bordeie «în mijlocul țarinei», aproape de gîrla Rîioasa, vestigiul al vechii albie de la începutul secolului XV. Într-o hotarnică de la 1746 satul nu mai este menționat⁸.

Pe dealul ce se ridică în stînga Prutului, mai jos de Pogănești, se află satul cunoscut mai înainte sub numele de Voinescu, iar acum i se spune Pobeda. Moșia lui se întindea la sud de Căcăcenii și, în mijlocul șesului, se învecina, la apus, cu Volosenii și Stănileștii, la sud, cu Săratu și mergea spre răsărit pînă la apa Lăpușnei. Istoria satului este interesantă datorită denumirilor pe care le-a purtat succesiv. Una din ele era și aceea de Hudiceni sub care a fost cunoscut mai multă vreme și pe care o mai întîlnim atribuită încă unei moșii ce se afla mai la nord, tot pe apa Lăpușnei.

Cea mai veche denumire cunoscută se pare că era aceea de Nemiciani și, pe la 1623, vornicul Ionașco Cehan a cumpărat o parte din acest sat de la un Toader Hudici pitărel din Hudiceni, care și acesta o avea de la un Toader Cosiță. Ca argument că acești Nemiciani sînt

tot una cu Hudiceni de mai târziu poate fi invocat faptul că vornicul Ionașco Cehan avea să devină, tot pe atunci, stăpînul moșiilor Voloseni și Stănilești și al altora din jur. Nemicanii, cărora uneori se pare că li s-a spus și Țanțu, aveau să-și schimbe numele după acel Toader Hudici originar din ceilalți Hudiceni de pe Lăpușna. Informațiile sînt destul de sărace pînă la anul 1776, cînd domnia împuternicește pe urmașii jîtnicerului Ștefan Bosie să stăpînească moșia Hudiceni și dispune să li se restituie venitul de pe partea din stînga Prutului ce fusese cuprinsă abuziv în locul Celor Două Ceasuri. La 1783, urmașii unui Ianachie Bosie făceau un schimb cu ruda lor, logofătul Constantin Bosie, căruia îi dădeau părțile lor din vechea luncă Banului, Șcheia și Bălțeni, precum și partea lor din satul Hudiceni «ce sînt la ținutul Lăpușnii și trec și peste Prut, la Fălciu». Acești Bosiești erau descendenții unui Bosie de la Crasna sau Bosie din Gugești, fiul lui Păcurar, care se căsătorise cu Ștefana fiica lui Aramă, la rîndu-l său descendent al unuia din frații Arvat care stăpîneau la Păulești, azi Lunca Veche.

La acea vreme, după cum rezultă din schița de plan de la anul 1785, două treimi din moșia Hudiceni era cumpărată de vistiernicul Matei Canta, stăpînul Pogăneștilor, de la răzeșii Stîngulești și de la Sava Măria, încît Bosieștii mai stăpîneau doar o treime de moșie.

La începutul secolului XIX, Hudiceni au devenit proprietatea sulgerului Alexandru Anastasie, urmaș al agăi Lupu Anastasie, personaj legat de istoria Basarabiei în prima jumătate a secolului anterior. Sulgerul Anastasie stăpînea și moșia Voinești de lîngă Iași, după care și-a adăugat numele de Voinescu pe care, apoi, l-a dat și Hudiceniilor. Satul se afla pe partea din stînga Prutului iar numele i-a fost schimbat în Pobeda după cel de al doilea război mondial. După anul 1812, în partea din dreapta Prutului a luat ființă o mică așezare, cu același nume de Voinescu, locuită de personalul care deservea conacul moșiei și care a dispărut după reforma agrară din anul 1921. Între timp, moșia a trecut în stăpînirea mai multor proprietari⁹.

La sud de Voinescu (Pobeda) se află chiar satul Săratu-Răzeși, sau mai simplu Răzeși, în stînga Prutului, iar pe dreapta rîului, în mijlocul șesului, în dreptul Stănileștilor, cătunul Săratu astăzi pe cale de dispariție. Un uric din anul 1554, cînd se întărea lui Petrea și suverorii sale, Maria, satul de pe Prut, unde a fost Ștefan Negru și seliștea la Sărata, amintește de stăpînirea înaintașului lor, Ignat stolnicul, încă din vremea voievozilor Iliaș și Ștefan, ceea ce arată vechimea așezării, cu topice ca Rediul lui Techiță și Fîntîna lui Afendici. La apus, se învecinau cu Stănileștii, iar la sud cu Dobrenii, pentru ca la răsărit hotarul moșiei să se oprească tot la pîrîul Lăpușna. Cu timpul, Săratu s-a împărțit în doi bătrîni, Medelian și Merăul, numit uneori și Coșciug. Unii răzeși locuiau în Stănilești și la 1758 o călugăriță Negraia — nume ce amintește poate de Ștefan Negru — a făcut prima danie către Episcopia Huși care apoi, devenind și stăpînă a Stănileștilor, a căutat să cuprindă cît mai mult din moșie. După anul 1812, în șesul Prutului a luat ființă satul Săratu unde s-au așezat o parte din răzeși, care au continuat disputele dintre ei pentru stăpînirea părților ce mai aveau din moșie, sau cu cei care căutau să le acapareze pămînturile¹⁰.

Cum, în general, răzeșilor din Moldova le plăcea să spună că au moșii de la Ștefan cel Mare și cei de la Dobreni aveau un uric din anul 1500, prin care voievodul întărea lui Danciu Știucaru, nepoților săi, Oanță Goteanu și Trif, satul Dobreni pe Lăpușna, cumpărat de la Sora, fata Mușei, nepoata comisului Stanciu. Deci satul era destul de vechi pe atunci, fiind așezat probabil spre confluența rîului Lăpușna cu vechea gîrlă a Pănoasei. Hotarnicele din secolul XVIII amintesc topice vechi în mijlocul șesului, trecerea peste rîu la Cotul Prutului cel adînc

și, spre răsărit, de data aceasta peste pîrîul Lăpușna, pînă la hotarul satului Giadîr.

Vechiul sat a dispărut de multă vreme, o parte din răzeșii moșiei locuiau în dreapta Prutului, la Cîrligați și la Stănilești, alții poate la Săratu, încercînd să folosească moșia cît puteau, din cauza tătarilor. Cei de la Cîrligați au început, spre mijlocul secolului XVIII a face daunie Episcopiei Huși care, în felul acesta, a pus stăpînire pe bătrînul Frățiești, iar răzeșilor le-au mai rămas bătrînii Coman și Beciul. Cu prilejul alegerilor succesive ale danielor și cumpărăturilor ce le aveau, Episcopia a reușit să ia în stăpînire cea mai mare parte a moșiei. După anul 1812, despărțiți unii de alții prin noua graniță, răzeșilor le venea tot mai greu să-și apere drepturile, continuînd doar cu jalbele și mărturiile pe care le dădeau în favoarea celor din Basarabia, pînă și-au pierdut moșia în întregime¹¹.

Moșia Răducani se află la sud de Dobreni, învecinîndu-se, la apus, cu Oțetoaia, la sud, cu Broscosești, iar la răsărit, peste Prutul actual, se întindea pînă la Tomai, la Cele Două Ceasuri. Numele i se trage de la un străvechi Răducanu care nu se cunoaște cînd anume a trăit, dar trebuie să fi fost primul stăpînitor și întemeietor al satului. Cea dintîi mențiune documentară este tîrzie, din anul 1667, cînd voievodul Iliș Alexandru a întărit lui Darie Carabăț, fost mare spătar, mai multe sate, între care Stărpenii, ce erau o parte din Stănilești, și satul Răducani cu bălți de pește. Urmașii spătarului, care alcătuiau neamul numeros al Dărieștilor din ținutul Fălciu considerau, la anul 1839, că Darie Carabăț era «bătrînul din care se trage moșia Răducani», pe care ei au stăpînit-o în urma lui ca răzeș. Cum antecesorii acestora își pierduseră documentele, la anul 1776, domnia confirmă stăpînirea în Răducani a lui Vasile și Iancu Darie, ca și unui Vasile Carp de la Fălciu, probabil rudă cu ei și cu unii răzeși de la Broscosești. Pe la 1757, într-o hotarnică a moșiei Oțetoaia, moșia Răducani era numită «Dezmerdații lui Darie», nume care s-a păstrat mai tîrziu numai pentru partea din stînga Prutului, căreia i se spunea Dezmerdați și după anul 1812. Pe această parte de moșie, în recensămîntul făcut de ruși la 1817, este înregistrată o cîslă a unui logofăt Tanasie, deci o mică așezare pastorală care s-a dezvoltat treptat în forma satului Tochile Răducani de astăzi. Vechiul sat Răducani este așezat pe malul drept al Prutului actual, probabil unde se află și astăzi cătunul distrus în mare parte cu prilejul construcției digului.

Sub înălțimea pe care este așezat Tochile Răducani se află un cot mare al rîului, unde se pare că au fost amplasate pozițiile armatei ruse cu prilejul luptei de la Stănilești din vara anului 1711¹².

La sud de Răducani, la Cotul Cazacului, pe Prut, se găsește satul Broscosești. Moșia lui începea tot din vechiul Prut, unde se învecina, la apus, cu Focșa și Cioricești, la sud, cu Condrea, și ajungea cu capătul de răsărit tot pînă la Tomai. Deși satul are o existență mult mai veche, prima mențiune documentară este din anii 1580—1581, cînd se constată că locul Ciortova, dăruit de domnie fraților Arvat și lui Alontie Pojar, se învecina, la nord, cu Broscășanii devenit, apoi, Broscoseni. Vechii răzeși aveau un uric de la un Petru Voievod, probabil Petru Rareș, care a dăruit moșia unui Dumitru pitar, iar urmașii lui au devenit răzeșii moșiei, unul din bătrînii lor fiind un Broscăș după care s-a dat numele moșiei. La capătul ei de apus se afla locul cu bălți și finaț numit Lăpușna și Lăpușnița, pentru care răzeșii de Broscosești s-au judecat multă vreme cu stăpînii moșiei Cioricești.

Vechiul sat Broscășani, de pe dreapta Prutului, este menționat la anul 1635, cînd un locuitor de acolo asista ca martor la hotarnica Stănileștilor. Inițial nu era o așezare prea mare, dezvoltîndu-se în a doua jumătate a secolului trecut. Răzeșii au vîndut părți din moșie, iar noii

stăpîni s-au instalat în Basarabia unde, după anul 1812, erau proprietari ai moșiei Broscoșești Ion și Constantin Mătăsaru. Ei au început prin a înființa o cișlă de vite care apoi a constituit nucleul actualului sat Mătăsari din stînga Prutului¹³.

Ultimul sat de care ne ocupăm în rîndurile de față este Condrea, al cărui corespondent pe partea de moșie din Basarabia este localitatea Sîrma. Inițial, moșia s-a numit Măldărești și este menționată la anul 1609, cînd postelnicul Dumitrache Chiriță Paleologu a cumpărat părți din satul Măldărești, pe Prut, la gura Strîmbei, în ținutul Tigheciului. Unii din cei care vindeau atunci aveau cumpărături mai noi, din vremea lui Petru Șchiopu, dar alții aveau un uric încă de la Ștefan cel Mare, fapt care atestă vechimea așezării. Răzeșii de la începutul secolului XVII proveneau din diferite locuri, unul din ei fiind și un Borvin care stăpînea la Cioricești, lîngă Oțetova, dar se pare că erau originari de pe la Deleni din ținutul Tutova. La anul 1655, Măldăreștii erau moșteniți de fostul vistiernic Alexandru Ramandi, după care se pierde stăpînirea boierească de acolo și, în secolul următor, găsim moșia din nou răzeșească, sub numele de Măldăreni, care s-a păstrat pînă la începutul secolului nostru. Răzeșii ce se judecau acum pentru moșie erau din neamul Penișoară, stăpîni la Pojorăni și Păulești sau Lunca Banului, Deiniș și Trelea, care aveau moșii pe Valea Săratei. Neamul Penișoară a vîndut moșia logofătului Ioan Cantacuzino, vînzare anulată mai tîrziu, și care a dat naștere la lungi procese între părți.

Despre actuala așezare Condrea, cu excepția unei legende legată de hatmanul Costache Ghica, de la începutul secolului trecut, documentele vorbesc foarte puțin. Aici proprietatea țărăntască era mult mai veche și satul se pare că a fost reîntemeiat, pe dreapta Prutului, de urmașii unui Condrea Romașcu ce se trăgea dintr-un Romașcu de la Soroca și era ginerele lui Aramă de la Păulești. Ca atare, majoritatea locuitorilor din sat poartă numele Condrea, iar cătunul, după ce i s-a mai spus o vreme Măldăreni se numește astăzi Condrea.

Moșia Măldărești sau Măldăreni are numai o mică parte în dreapta Prutului, fiind limitată, la apus, de un loc de bălți și fînaț — Ciortova, pe care, pe la anul 1600, Prutul îl ocolea înainte de a se uni cu albia actuală. Cea mai mare parte a moșiei se află în stînga Prutului unde, în secolul trecut, a fost înființat satul numit inițial Leova Nouă, iar mai tîrziu i s-a spus Sîrma, după pîrîul pe care este situat¹⁴.

O privire de ansamblu asupra istoricului așezărilor umane de pe Prut și, în cazul nostru, în special din zona Prutului Mijlociu ne conduce la concluzia că, în primul rînd, teritoriul în discuție a fost destul de dens populat încă din cele mai vechi timpuri. În al doilea rînd, în ciuda vicisitudinilor de ordin natural, prin mutarea succesivă, a albiei Prutului, și de natură politică (stăpînirea abuzivă și vremelnică a tătarilor în Bugeac, instalarea pe Prut, din 1812, a graniței cu Rusia), vechile localități au dăinuit, sub o formă sau alta, de-a lungul vremii, condițiile istorice concrete explicînd apariția și dezvoltarea unor așezări umane, în dublet, de-o parte și alta a rîului. În sfîrșit, în al treilea rînd, deși fenomenul a îmbrăcat un particularism local, el nu face decît să confirme, prin noi dovezi, continuitatea de viață românească de pe ambele maluri ale Prutului.

Note

¹ *Documenta Romaniae Historica* (D. R. H.), A, Moldova, Vol. 1. P. 134—136.

² C. Istrati. *Vechi sate din ținutul Fălciului*, în «Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie «A.D. Xenopol»». XXIII/1 (1986). P. 312—313.

³ Arh. St. Buc. (A. S. B.). Episc. Huși. XIII/38, reproducă în C. Istrati. *Op. cit.*

⁴ D. R. H. 1, P. 135. A.S.B. Episc. Huși, XIII/138. Arh. St. Iași (A.S.I.) Doc., 460/37.

⁵ A.S.B., Episc. Huși. III/2,3; XIX/6; Ms. 545. F. 83—84. A.S.I., Doc. 519/14,15; 757/171; 904/1. Idem. Anaforele, nr. 96. Foaia 83—93.

⁶ A.S.B., Episc. Huși. XIII/38. Idem.

- Doc. ist CXIV/105; CDLX/63. A.S.I., Doc. 460/37; 755/171; Condiți K. Nr. 393. Foaia 7; Anaf. Nr. 96. Foaia 83—93; Secretariatul de Stat. Dosar 2131. *Uricar*, XVI. P. 279. *Studii și documente*. I—II. P. XLVIII. *Surete și izvoade*, IV. P. 67; VIII. P. 286—287. Trudî Bessarabscoi Gubernscoi Ucenoi *Arhivnoi Commissii* (Trud...). Vol. III. P. 202. C. Istrati. *Condica Mavrocordat*. Doc. 963, 1536, 1539. Idem. *Condica visteriei Moldovei din anul 1803* (în manuscris). P. 134. C. Istrati. *Vechi sate...*, P. 309—323.
- ⁷ *Documente privind istoria României*. A. Moldova (D.I.R.) sec. XVII/IV. P. 52; sec. XVII—V. P. 237. C. Istrati. *Op. cit.*, P. 311.
- ⁸ D.I.R., Sec. XVII—I. P. 28; sec. XVII—IV. P. 52. A.S.B., Episc. Huși. XIII/38; L³VII/1,2. Idem. Ms. 545. Foaia 101—102.
- ⁹ D.I.R., Sec. XVI—I. P. 143; sec. XVII—V.P. 103—104, 237. *Dicționarul geografic al Basarabiei*. P. 228. A.S.B., Doc. ist. CLI/232. Idem. Episc. Huși. XIII/19, 28; XL/9; idem. Ms. 545. Foaia 13. A.S.I. Doc., 375/75; 433/30; 625/113; 755.
- ¹⁰ D.I.R. Sec. XVII—II. P. 59. *Documente privind relațiile agrare din secolul al XVIII-lea*. vol. II Moldova. P. 509—510. A.S.B., Episc. Huși. XIII/38; XLI/2—23; LV/36. A.S.I. Doc., 55/93; 423/179, 181, 188, 189, 206, 215, 228, 250; 435/170—172; 715/8.
- ¹¹ D.I.R. Sec. XV—II. P. 303—304. *Cronica Hușilor*. P. 262. *Surete*, I. P. 78. A.S.B. Episc. Huși, XIII/38; LV/5,10,12, 16, 18, 22—28, 34, 41, 42, 49. Idem, Ms. 545. Foaia 133.
- ¹² A.S.B., Episc. Huși, XIII/28, 35; XLV/1; LV/13, 18, 65. A.S.I. Doc., 17/16; 429/278; 471/184. *Trud...*, 111/197. C. Istrati. *Op. cit.* P. 319—320.
- ¹³ D.I.R. Sec./XVI—III. P. 139—140. A.S.B. Episc. Huși. XVII/28—29; XL/3, 6; LV/15,51; LXX/20, 40, 53, 72. *Trud...*, III. P. 197.
- ¹⁴ D.I.R. Sec. XVII—II. P. 260—261, 292. «Arhiva». I. P. 409—410. A.S.B., Episc. Huși. X^a/4. A.S.I. Doc. 38/1, 3, 22,55; 39/4, 6,7, 20; 40/41; 409/140; 826/25. Idem. Condiți K. Nr. 376. P. 380—386. *Marele Dicționar Geografic al României*. II. P. 586.

Dan Haidarlî

MATERIALE DOCUMENTARE IN AJUTORUL CERCETĂTORILOR ISTORIEI SATELOR ȘI ORAȘELOR DIN MOLDOVA (II)

Primele informații documentare referitoare la localitățile
de pe teritoriul Republicii Moldova, menționate în actele istorice
din anii 1384—1625.

	Localitatea	Anul	Consemnări	Izvorul istoric
1	2	3	4	5
120.	Calinouți (satul lui Cîrstea, unde este Golovca), sat, inclus în Cristești, r. Nisporeni.	1429(6937) februarie 10	Alexandru cel Bun-Vodă dăruiește satul soției sale Marena.	DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 76.
121.	Camenca (Cămăncă, Gura Camenca), sat, r. Camenca	1552(7060) mai 14	Menționat în hotar cu un loc pustiu pentru sat.	DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 32.
122.	Capriceni (Chipercheni), sat, t. Orhei, r. Orhei.	1430(6938) martie 22	Menționat în hotar cu Biești.	DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 413.
123.	Caragunicii (unde sînt ~), sat pe Nistru, probabil lîngă Lipnic, r. Ocnița:	1437(6945) decembrie 20	Ilie-Vodă și Ștefan-Vodă întăresc satul panului Mihai de la Dorohoi.	DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 147.
124.	Carapuşenii (probabil Caracuşenii), sat, r. Briceni.	1585(7093) mai 2	Petru Şchiopul-Vodă întăreşte satul Anei, fiica lui Luca Arbore.	DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 281.
125.	Carlacăul, sat pe Drabişte,	1620(7128) aprilie 12	Gaşpar Graţiani-Vodă întăreşte lui	DIRA, veac. XVII, vol IV, p. 444

1	2	3	4	5
126.	†. Hotin, probabil r. Briceni. Catarha, sat, inclus în Condirița, r. Strășeni.	1517(7025) octombrie 7	Costea Bacioc părți din sat. Ștefan cel Tânăr-Vodă întărește mitropoliei de Roman părți din sat.	DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 108—109.
127.	Căbăești, sat, †. Orhei.	<1619—1620> aprilie 5	Menționat în mărturie hotarnică.	MEF, vol. I, p. 345—349.
128.	Căcăceni, sat mai jos de Verbovca, la valea Solonețului și fîntîna lui Slivca, †. Soroca.	1587(7095) martie 23	Petru Șchiopul-Vodă întărește satul lui Temuș și Petrîlă.	MEF, vol. I, p. 127.
129.	Căenărești, sat pe Răut, lângă Alexandreni, †. Soroca, r. Sîngerei.	1588(7096) august 20	Satul risipit de Alexandru Lăpușneanu-Vodă.	DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 394.
130.	Căinari, sat pe Căinari, †. Soroca, r. Florești.	1603(7111) mai 15	Menționat că se află în dreptul Nicoreștilor.	MEF, vol. III, p. 25—28.
131.	Căliman (unde a fost), sat la Prut sub Derencic, lângă Răscăuți, r. Rîșcani.	1517(7025) ianuarie 17	Bogdan-Vodă întărește satul lui Luca Arbore portar de Suceava.	DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 107—108.
132.	Călinești, sat pe Salcea, †. Chigheci, r. Cahul ori Ceadîr-Lunga.	1441(6949) iunie 25	Ilie-Vodă și Ștefan-Vodă dăruiesc satul panului Vlad Jucovne.	DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 175.
133.	Călinești, sat pe Prut, †. Iași, r. Fălești.	1601(7109) martie 12	Ieremia Movilă-Vodă întărește satul nepoților lui Drăghici Romășcel.	DIRA, veac. XVII, vol. I, p. 5.
134.	Călmățui, sat pe Prut, sub Movile, †. Lăpușna, r. Sîngerei.	1490(6998) ianuarie 16	Ștefan cel Mare-Vodă întărește lui Mănăilă Cioplescu parte din sat.	DRHA, vol. III, p. 116.
135.	Călugărița (unde este), sat la Prut, în dreptul Podolenilor, lângă Nemțeni, r. Hîncești.	1439(6947) iulie	Ilie-Vodă și Ștefan-Vodă dăruiesc satul lui Iuga protopop.	DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, 162.
		1445(6953) iulie 15	Ștefan-Vodă dăruiește satul lui Oancea logofăt.	DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 209.
136.	Cămărășoac, sat pe Sohovăț, probabil lângă Limbenii Vechi, r. Glodeni.	<1605> martie 15	Ieremia Movilă-Vodă întărește satul lui Mihail Trifan.	DIRA, veac. XVII, vol. I, p. 206—207.
137.	Căpenegi, sat pe Itchil, probabil lângă Pocșești, †. Orhei, r. Strășeni.	1617(7125) aprilie 14	Radu Mihnea-Vodă întărește lui Rusu mare stolnic părți din sat.	DIRA, veac. XVII, vol. IV, p. 140.
138.	Căpoteni (Capoteani, ce s-a numit Nechiteani și Michiteani), sat sub Terebne, †. Hotin, r. Edineț.	1555(7063) aprilie 7	Alexandru Lăpușneanu-Vodă întărește nepoților lui Pătru Căpotescu parte din sat.	DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 74.

1	2	3	4	5
	* Căpriana, mă-năstire, vezi Chiprian și Vișnevăț, r. Strășeni.			
139.	Cărbășeni , sat pe Voinova și Itchil, ce s-a numit Tutoveni, ț. Orhei, r. Strășeni.	< 1622 — septembrie 1—1623 august 31 > (7131)	Menționat în hotar cu Mărtiniștii și Cireștii.	DIRA, veac. XVII, vol. V, p. 162.
140.	Cățăleni , sat pe Prut, r. Hîncești.	1565 (7073) iunie 25	Menționat în hotar cu Hlăpești (Nemțeni).	DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 170.
141.	Căușani (dru-mul Căușanilor), sat, azi oraș, r. ~.	1470 (6978) octombrie 26	Menționat un durm, ce duce spre sat.	DRHA, vol. II, p. 437.
142.	Căzănești , sat lângă Cristești, ț. Lăpușna, r. Nisporeni.	1545 (7053)	Menționat în hotar cu m-rea Căpriana.	DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 606.
143.	Căzănești (Căzăniști), sat pe Răut, ț. Orhei, r. Tele-nești.	1617 (7125) aprilie 16	Radu-Mihnea-Vodă întărește satul lui Ureche, mare vornic.	DIRA, veac. XVII, vol. IV, p. 145.
144.	Câmpie , sat pe Larga, între Constantinești și Ciobalaccia, r. Cahul.	1493 (7001) martie 5	Ștefan cel Mare-Vodă întărește satul fiicelor lui Dragomir Iurban	DRHA, vol. II, p. 241
145.	Cândrești , sat pe Cunila, lângă Pirjolteni, r. Călărași.	1429 (6937) februarie 10	Alexandru cel Bun-Vodă dăruiește satul soției sale Marena.	DRHA, vol. III p. 241.
146.	Cărlani (Cărlanei, Gîrbani, Gîrlanici), sat la obîrșia Botnei, r. Strășeni.	1429 (6937) februarie 10	Alexandru cel Bun-Vodă dăruiește satul soției sale Marena.	DRHA, vol. I, p. 125, și DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 76.
147.	Cărlani (azi Stejareni), sat, r. Călărași.	1470 (6978) mai 7	Menționat în hotar cu prisaca lui Chiprian.	DRHA, vol. II, p. 246.
148.	Cârstești (Cârstești, Cîrstești, Cîrstea, satul lui Cîrstea, unde au fost Hriste giude), sat pe Lăpușna, ț. Lăpușna, r. Nisporeni. Vezi și Calinouți .	< 1429—1432 > aprilie 10 1545 (7053)	Alexandru cel Bun-Vodă dăruiește satul lui Vlad Aduș. Menționat în hotar cu m-rea Căpriana	DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 79. DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 606
149.	Ceabărcăul (probabil Ceb-răul, contopit cu Drepcăuți), sat pe Prut, r. Briceni. Vezi și Ciabrău , sat.	1520 (7028) aprilie 24	Ștefan cel Tânăr-Vodă întărește satul lui Cîrstea.	DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 162.
150.	Cegurani (Cegoreni), sat, ț. Orhei, r. Orhei	14 < 7 > 0 (69 < 7 > 8) martie 22	Ștefan cel Mare-Vodă dăruiește satul boierilor Simion, Drăgan ș. a.	DRHA, vol. II, p. 427.
151.	Cepelăuți (satul Șepelor), sat, r. Ocnița.	1431 (6939) iunie 15	Alexandru cel Bun-Vodă întărește satul lui Cupcici vornic.	DIRA, voec. XIV—XV, vol. I. p. 93.

1	2	3	4	5
152.	Cerchijeni (Cercheși), sat, ț. Chigeci, r. Cahul.	1624(7133) septembrie 3	Menționat drept baș- tină a lui popa Gli- gorie.	DIRA, veac. XVII, vol. V, p. 301.
153.	Cereșnovățul , sat, ț. Soroca.	1610(7118) august 30	Constantin Movilă- Vodă întărește satul lui Chiriță Dumit- rachi Paleolog.	MEF, vol. I, p. 249.
154.	Cerceleni (Cercelești), sat, probabil lingă Văsuiani, ț. Lăpușna, r. Hîncești.	1614(7122) mai 23	Menționat drept baș- tină a lui Toader Urechiușă și a lui Gavrilașco.	MEF, vol. I, p. 285—286.
155.	Cereucani (Cioropcanii Vechi), sat, r. Ungheni.	1443(6951) noiembrie 27	Ștefan-Vodă întăreș- te satul m-rii Pobrată.	DRHA, vol. I, p. 346.
156.	Cergașă (unde a fost ~), sat pe Chengaci (Iligaci?), pro- babil din jos de Orhei, ț. Orhei, r. Orhei.	1443(6951) mai 27	Ștefan-Vodă dăruieș- te satul lui Gherei.	DIRA, veac. XIV— XV, vol. I, p. 192.
157.	Cernătești , sat pe Prut, r. Fă- lești (sau Ungheni).	1490(6998) octombrie 14	Ștefan cel Mare-Vodă întărește satul lui Iurșă.	DIRA, veac. XV, vol. II, p. 144 și DRHA, vol. III, p. 155.
* Cetațuie, vezi Horodiște , sat, r. Edineț.				
* Cetireni, vezi Oeșani (Oeșeni), sat, r. Ungheni.				
158.	Cheile (Chilii), sat Ișnovăț, in- clus în Ialo- veni, r. Hîn- cești.	1617(7125) aprilie 16	Radu-Vodă întărește satul lui Ureche, ma- re vornic.	DIRA, veac. XVII, vol. IV, p. 145.
159.	Cheldea , loc la Zăvedeni, r. Singerei.	1588(7096) august 20	Loc pentru sat, men- ționat în hotar cu Zăvedeni.	DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 393.
160.	Chengaci (Hirova) loc de sat pe Va- tici, r. Orhei. Vezi și Hirova , r. Telenești.	1443(6951) mai 27	Ștefan-Vodă dăruieș- te lui Gherei boie- rul loc de sat.	DIRA, veac. XIV— XV, vol. I, p. 192.
* Chetrosu, vezi Peatră (unde sta ~), sat, r. Criuleni.				
* Chiperceni, vezi Piperceni , sat, r. Orhei.				
161.	Chipeșcăeni (Chipesca), sat ț. Orhei, r. Rezina.	1470(6978) mai 28	Menționat în hotar cu Pecistul.	DRHA, vol. II, p. 427.
162.	Chiprian (unde este egumen Chiprian), sat și mănăstire la Vișnevăț, r. Strășeni. Vezi și Vișnevăț , m-re.	1429(6937) februarie 10	Alexandru cel Bun dăruiește m-re-a so- ției sale Marena.	DRHA, vol. I, p. 125.

1	2	3	4	5
163.	Chirileni, sat, ț. Iași, r. Fă- lești.	1598(7106) iunie 7	Menționat drept baș- tină a lui Gheorghe Bolbocel.	DIRA, veac. XVI, vol. IV, p. 308.
164.	Chiș <c> a (Chițcani), sat pe Nistru, r. Slobozia.	1456(6964) martie 1	Menținut în hotar cu Zagorna.	DIRA, veac. XIV— XV, vol. I, p. 286.
165.	Chișinău (Che- șenăul lui Ac- baș», Sat (oraș) pe Bîc, la Fintina Albișoa- ra, t. Lăpușna. Azi or. Chișinău	1436(6944) iulie 17	Menționat în hotar cu s. Vister- nicenii,, de la Fin- tina Albă	DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 131
		1466(6974)	Ștefan cel Mare — Vodă dăruiește se- liștea lui Vlaicul boier	DRHA, vol. II, p. 187
166.	Chișinău, sat pe Răut, lângă Orheiul Vechi, la capul Pis- cului Vatricii, ț. Orhei, r. Orhei.	1535(7043) martie 9	Menționat în hotar cu Fintinile Tătărești.	DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 372.
167.	Chișinăul Mare (Cheșeneul Mare, unde a fost ~), loc de sat pe Botna, probabil în Căușani, r. Căușani.	1535(7043) martie 22	Petru Rareș-Vodă dăruiește lui Tomșa pîrcălab de Ciobra- ceu, loc de sat pe Botna, unde este ~.	DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 380.
168.	Chișinăul Roșu, sat(?) pe Nistru, lângă Chițcani, r. Slobozia.	1455(6963) iunie 6	Menționat în hotar cu Zagorna.	DIRA, veac. XIV— XV, vol. I, p. 275.
	* Chițcani, vezi Chișca, sat, r. Slobozia.			
169.	Criuleni, sat pe Răut, r. Singerei sau Orhei.	1494(7002) martie 2	Ștefan cel Mare- Vodă întărește satul lui Sema Gureș ș. a.	DRHA, vol. III, p. 536.
170.	Chivări, sat, probabil lângă Peresecina, r. Criuleni.	1617(7125) august 15	Radu-Vodă scrie în acest sat o carte de întăritură	DIRA, veac. XVII, vol. IV, p. 198.
171.	Ciabrău (Cebrău), sat, r. Briceni.	1613(7122) octombrie 20	Ionașco, mare vornic, și alți boieri scriu în acest sat o carte de mărturie.	DIRA, veac. XVII, vol. III, p. 144.
172.	Ciacărloi, slobozie, ț. Lăpușna.	1591(7099) februarie 20	Menționat în catastif de cisle de țărani.	DIRA, veac. XVI, vol. IV, p. 5.
173.	Cicicani, sat pe pîrtul Gre- cilor, probabil lângă Tătăreș- ti, ț. Chigheci, r. Cahul.	1610(7118) mai 25	Constantin Movilă- Vodă întărește lui Chiriță Dumitrachi, mare postelnic, jumă- tate din sat.	DIRA, veac. XVII, vol. II, p. 296.
	* Cinici (satul lui), vezi Cunicea, sat, r. Florești.			
	* Cinișăuți, vezi Șinișeuți, sat, r. Rezina.			
174.	Ciobrăciu (Ciobărcii, ce- tate, r. Ștefan- Vodă	1528(7036) aprilie 8	Menționat pîrcălabul cetății.	DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 294.

1	2	3	4	5
175.	Ciocănești (Chiricești, azi unit cu Cărpineni), sat pe Prut, lângă Toporul, r. Hîncești.	1600(7118) noiembrie 30	Constantin Movilă-Vodă întărește satul lui Chiriță Dumitrachi Paleolog mare postelnic.	DIRA, veac. XVII, vol. II, p. 267.
176.	Ciofeni, sat, probabil lângă Mașcăuți, r. Criuleni.	1617(7126) decembrie 7	Menționat drept baștină a lui Soltan.	DIRA, veac. XVII, vol. IV, p. 214.
177.	Ciolăniști, sat pe Răut, proba- bil lângă Prăjilă, r. Florești.	1617(7125) aprilie 16	Radu-Vodă întărește lui Ureche mare vornic parte din sat.	DIRA, veac. XVII, vol. IV, p. 145.
178.	Ciomac (unde au fost ~) Ciuhur), sat pe Cuciurova, r. Edineț sau Ocnia.	1603(7111) august 28	Ieremia Movilă-Vodă întărește satul lui Gligorie vornic.	DIRA, veac. XVII, vol. I, p. 113—114.
* Ciopleni, vezi Peatră (unde sta), r. Criuleni.				
179.	Ciorăști, sat, ț. Orhei, r. Strășeni.	1545(7053)	Menționat în hotar cu m-reă Căpriana.	DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 606.
180.	Ciorna, sat, și pîrîu, ț. Șoroca, r. Rezina.	1623(7131) iulie 19 1611(7119) martie 14	Menționat drept baștină a lui Văsiu. Constantin Movilă-Vodă întărește lui Ilie Băcioc vornic jumătate din sat.	DIRA, veac. XVII, vol. V, p. 237. MEF, vol. III, p. 79—80.
181.	Ciornorudenții, cat, inclus în Mateuți, ț. Șoroca, r. Rezina. Vezi și Mateuți, și Rudinții Cerleni.	1582(7090) ianuarie 20	Iancu Sasul-Vodă întărește satul lui Jurescul, mare vornic.	DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 182.
182.	Ciortova, loc la Prut, în ocolul Huși, r. Hîncești.	<1580— 1581> (7088)	Iancu Sasul-Vodă întărește locul lui Gavril Sprinceană ceașnic.	DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 140.
183.	Cipileuți, sat lângă Vertiporoh pe Ciuhur, ț. Hotin, r. Rîșcani.	1603(7111) martie 8	Cumpărat de Dumitru Solomonescu.	MEF, vol. I, p. 190—194.
184.	Cireștii, sat pe Voinova, lângă Mărtinești, ț. Orhei, r. Strășeni.	<1622— 1623> (7131)	Menționat în hotare cu Mărtinești și Tutoveni.	DIRA, veac. XVII, vol. V, p. 162.

IN AJUTORUL PROFESORILOR DE ISTORIE В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ИСТОРИИ

Eugeniu Certan

UNIREA PRINCIPATELOR

Unirea Moldovei și Munteniei reprezintă unul din momentele cruciale ale istoriei neamului românesc, actul politic care stă la baza României moderne. Acest eveniment a fost cauzat de factorii interni și externi. Dezvoltarea capitalismului pe arena mondială, formarea statelor naționale în centrul Europei au influențat asupra dezvoltării social-economice și politice în principate. Dar premisele principale ale Unirii Moldovei și a Țării Românești sînt legate de dezvoltarea internă.

Tratatul de la Adrianopole, care a încheiat războiul ruso-turc din anii 1828—1829, prevedea libertatea comerțului și retrocedarea de către Turcia a porturilor de la Dunăre — Turnu, Giurgiu și Brăila — Principatelor, ceea ce deschidea largi posibilități de dezvoltare a relațiilor capitaliste. Economia a luat o evoluție mai dinamică¹.

Ramura preponderentă a economiei în Principatele Dunărene rămîne agricultura. În 1860, spre exemplu, 92% din populație trăiau și lucrau la sate. Chiar și o parte din orășeni se ocupau cu agricultura². Suprafețele însămînțate cu cereale au crescut în anii 1848—1846 destul de repede.

Moșierii și mănăstirile stăpîneau aproape trei sferturi din toată suprafața Principatelor și erau principalii producători de mărfuri agricole. Revoluția din 1848 a demonstrat evident că boierimea nu-și va mai putea menține mult timp privilegiile. De aceea boierii au căutat să-și mărească suprafețele moșiilor pe contul țăranilor și să păstreze monopolul feudal. În anul 1851 a fost adoptată o legiuire agrară, care a fost un moment important pe drumul transformărilor proprietății feudale condiționată, în proprietatea absolută asupra întregului pămînt.

Conform acestei legi boierii deveneau proprietari ai moșiilor, iar țăranii erau transformați în «Chiriași» liberi, dar li se limita dreptul lor de strămutare. S-a desființat categoria slujbașilor volnici în Țara Românească și dijma de produse în Moldova, s-au precizat sarcinile de muncă ale țăranilor și li s-au dat noi terenuri pentru pășunatul vitelor. Legile din 1851 au fost momente importante în procesul acumulării inițiale a capitalului, a proletarizării țăranilor declarați «liberi și stăpîni» pe persoana și forța de muncă a lor, dar «eliberați» și de pămînt³.

Destrămarea relațiilor feudale și dezvoltarea capitalismului a dus la progresul agriculturii. Unii moșieri și mari arendași foloseau mașini și munca salariată. În anul 1860 numai în Țara Românească erau 54 332 de zilieri ceea ce alcătuia a șaptea parte din țăranii, care lucrau pămînturile moșierilor⁴. Creștea producția agricolă. În anul 1863 în Moldova au fost strînse 885 815 chile grîu și 1 635 102 chile porumb, adică aproximativ de 4 ori mai mult ca în 1848. A continuat și creșterea numărului de animale. În 1860 în Țara Românească se numărau 2 mln. vite mari cornute, 350 mii cai, 3,5 mln oi, aproape un mln de porci și 200 mii de stupi de albine. În Moldova numărul de vite mari cornute era de 1 407 mii⁵.

Agricultura Principatelor producea din ce în ce mai mult pentru piață. În 1863 numai prin portul Galați s-au exportat 581 mii chile cereale. În anul următor Principatele au exportat animale și produse animaliere în valoare de 65,445 mii lei. A început exportul culturilor tehnice.

Creșterea producției agricole a stimulat și dezvoltarea industriei. În anii 1850—1863 au fost înființate 7849 de «întreprinderi industriale». A crescut numărul meseriașilor și s-au dezvoltat atelierile de cooperatie capitalistă simplă. În anul 1860 în Țara Românească existau 4 «fabricanți» cu un capital investit de peste 10 mii galbeni, 22 — cu un capital de peste 5 mii galbeni și 87 — cu un capital de peste 2,5 mii galbeni.

Și totuși din cele 12 867 de «stabilimente industriale» înregistrate în 1863 numai 171 utilizau forța aburului, restul foloseau energia apei, vântului, forța de tracțiune animală. 4/5 din întreprinderi lucrau la sate, 3/4 erau sezoniere⁶. Procesul mecanizării industriei era încetinit de persistența relațiilor feudale, lipsa unui stadiu manufacturier dezvoltat, care ar fi format clasa muncitoare calificată, lipsa creditului și dominația otomană, care nu permitea să se introducă măsuri protecționiste. Mașinile erau răspândite îndeosebi în industria alimentară. În 1863 existau 33 mori cu aburi. Cele mai mari erau moara lui Assan din București, morile mecanice din Iași, Galați, Brăila, Craiova, Calafat. Existau velnițe mecanice, mai ales în Moldova (în 1855—114 velnițe), care produceau spirt, 11 fabrici de bere, brutării mecanice, fabrici de conserve și lumânări. Mașinile erau introduse în industria textilă (fabrica lui N. Băleanu, M. Kogălniceanu), fabrica de la mănăstirea Neamț ș. a.)⁷. În anii 1848—1864 continuă să funcționeze fabrici de cărămidă, sticlă, ș. a.

În anii 50 apar primele rafinării la Ploiești și în Moldova, care furnizau petrol. În 1857 s-au extras 275 tone, iar în 1863—1100 tone de petrol. Creștea numărul salinelor⁸.

Dezvoltarea producției de mărfuri a dus la îmbunătățirea căilor de comunicații. Se construiau șosele, poduri mecanice. În 1864 erau aproape 1000 km de șosea, pe Dunăre navigația era intensă, s-au construit 3 mii km de linie telegrafică⁹.

Se dezvoltă comerțul. În 1860 în Principate erau peste 30 mii de comercianți. Au apărut primele case de comerț. Crește și volumul comerțului extern. Exportul Țării Românești, constînd, mai ales din cereale, a crescut de la 76,3 milioane lei în 1850 pînă la 177 milioane lei în 1860 și 401 mln — în 1864¹⁰.

Creșteau orașele. În 1860 Bucureștiul avea 121 734 locuitori, Iașii — 65 745. Populația celorlalte 129 de orașe era sub 20 mii de locuitori. În majoritatea orașelor numărul locuitorilor era sub o mie.

Astfel, după revoluția din 1848, economia principatelor Române se dezvoltă în ritm sporit. Dezvoltarea relațiilor capitaliste a constituit o premisă obiectivă pentru unirea Principatelor.

După revoluția din 1848 problema Unirii a devenit o problemă de bază a mișcării de eliberare națională și socială din țările române. Revoluționarii «pașoptiști» emigranți în țările europene au fost primii care au început lupta pentru formarea unui stat național român¹¹. Într-o cuvîntare rostită la Paris la sfîrșitul anului 1848 C. Negri exclamă: «Trăiască Moldova! Trăiască Valahia! Dar învrednicească-ne Dumnezeu să putem striga într-o zi: «Trăiască România Unita»¹². Iar revoluționarul democrat N. Bălcescu, exprimînd năzuințele românilor exilați, îi scria lui I. Ghica: «Ținta noastră cea mai principală. Chestia de viață și de putere atît înăuntrul, cît și din afară... Unire Principatelor deocamdată»¹³.

Ținînd cont de descreșterea mișcării revoluționare pe plan european și de situația internațională complexă revoluționarii exilați optau pentru a înlăptui de la început Unirea Moldovei și a Țării Românești. Cu acest scop ei făceau demersuri pe lîngă guvernele europene, trimiteau memorii, editau broșuri și scriau articole în presă invocînd susținerea Unirii Principatelor¹⁴.

Izbucnirea războiului Crimeii a creat noi condiții de activizare a luptei pentru unirea Moldovei și a Țării Românești. Principatele Dunărene au fost ocupate de armata rusă, care a preluat administrarea Moldovei

și a Țării Românești. Din toamna anului 1853 și pînă în primăvara anului următor s-au dat lupte la Dunăre între armata rusă și turcă. Desigur, ocuparea Principatelor, transformarea lor într-un teatru de război, corverzile crescînde a înrăutățit situația maselor populare. Folosindu-se de aceasta, revoluționarii «pașoptiști» au căutat să organizeze o răscoală în Oltenia și un corp de voluntari care să participe la război împreună cu puterile occidentale pentru realizarea condițiilor favorabile Unirii Principatelor. Au avut loc mișcări țărănești și în Moldova¹⁵.

În vara anului 1854 Principatele au fost ocupate de Austria, care vroia să le acapareze. S-a stabilit un regim dur de ocupație a popoarelor din Moldova și Muntenia. În aceste condiții unioniștii din Principate și-au intensificat activitatea. În București au început să apară gazetele «Timpul» și «Patria» (decembrie 1854—ianuarie 1855), iar în Moldova-«Steaua Dunării», fondată de M. Kogălniceanu, și revista «România literară» (1855), pe paginile cărora se ducea agitația pentru înfăptuirea unirii și modernizarea Statului român¹⁶.

Revoluționarii emigranți de asemenea duceau propagandă în capitalele marilor puteri, interveneau pe lângă împăratul Franței Napoleon al III-lea primul ministru al Sardiniei Cavour, pe lângă guvernul și parlamentul englez cu rugămintea să ajute la unirea Moldovei și Țării Românești. Pentru prima dată «chestiunea română» a fost pusă oficial ca o problema europeană la conferința de la Viena, în anul 1855, care trebuia să adopte condițiile păcii. Reprezentantul francez Bourqueney a propus unirea Moldovei cu Țara Românească într-un singur stat, care ar servi drept un stat-tampon între cele trei mari puteri. Ministrul de externe al Rusiei Gorceacov pleda pentru organizarea unui plebiscit pentru a lua act de cunoștință de doleanțele Principatelor în privința menținerii sau modificării Regulamentului Organic, ceea ce era o inovație în practica internațională¹⁷. Însă conferința de la Viena a eșuat.

E necesar de subliniat inconsecvența diplomaților marilor puteri. În decembrie 1855 și apoi în februarie 1856 diplomații francezi și sardinieni au reluat ideea cedării Principatelor Dunărene Austriei în schimbul rezolvării problemelor italiene¹⁸. Ducele de Modena urma să devină cîrmuitorul noului stat român, ducesei Parma i se ceda Modena, iar Parma — Sardiniei. Ministrul afacerilor externe al Austriei Buol nu excludea Unirea Principatelor, însă sub conducerea unui arhiduce din dinastia Habsburgică¹⁹. Mai tîrziu, în aprilie 1857, Buol îi propune cneazului sîrb Mihail Obrenovici să accepte să fie numit domnitor al Principatelor Dunărene cu condiția că să fie fidel Austriei și Turciei²⁰. Astfel Principatele Dunărene erau considerate de diplomația franceză, austriacă și sardiniană ca o simplă monedă de schimb.

La congresul de la Paris, care a încheiat războiul Crimeii, ministrul de externe francez Walewski, dorind să întărească pozițiile Franței în Principate și să formeze un stat-tampon prin care să împiedice înaintarea Rusiei în Balcani, din nou a propus unirea Principatelor sub conducerea unui principe străin.

Guvernul Rusiei nu dorea să admită unirea «de jos» a Principatelor pentru ca ele să nu se transforme într-un «focar de neliniște» în Balcani. Însă după războiul Crimeii, Gorceacov a înțeles necesitatea de a acționa mai abil, de a schimba metodele dictatului și presiunii și de a ține cont de cerințele Principatelor Dunărene. De fapt, încă în Regulamentul Organic se prevedea în perspectivă unirea Moldovei și Munteniei, așa că pentru Petersburg aceasta nu era ceva cu totul nou. Rusia era cointerесată și în dezmembrarea Imperiului Otoman iar Unirea Principatelor ar fi pus începutul sfîrșitului acestui imperiu. Pe lângă aceasta diplomații ruși voiau să se apropie de Paris și să dezbine alianța între Franța și Anglia. De aceea reprezentantul Rusiei la congres, contele Orlov, a susținut propunerea lui Walewski²¹.

Sardinia și Prusia, luptând pentru unificarea Italiei și a Germaniei, au pledat pentru unirea Principatelor. Reprezentantul Angliei a ocupat, însă, o poziție oscilantă, iar Turcia și Austria luptau cu înverșunare împotriva unificării Moldovei și Munteniei, afirmând, că nici românii nu doresc Unirea.

În aceste condiții Congresul de la Paris a primit hotărîrea, ca statutul definitiv al Principatelor să fie stabilit după ce locuitorii Moldovei și Țării Românești se vor pronunța prin intermediul divanurilor ad-hoc adunării speciale constituite în ambele Principate din reprezentanții tuturor păturilor sociale. Aceasta nu înseamnă că marile puteri erau gata să permită popoarelor Principatelor să-și determine statutul său. Dimpotrivă, concomitent în București se forma o comisie internațională specială alcătuită din reprezentanții puterilor semnatare a Tratatului de la Paris pentru cercetarea stării interne și pregătirea propunerilor viitorului Statut al Principatelor.

Tratatul de la Paris (18(30) martie 1856) a menținut Principatele Dunărene sub suveranitatea Porții, care era obligată să respecte administrația independentă și armata națională, libertatea cultelor, a comerțului și a legislației. Protectoratul Rusiei asupra Principatelor a fost înlocuit prin garanția colectivă a puterilor semnatare ale Tratatului de la Paris. Nici una din marile puteri nu puteau să intervină cu forță armată în Principate, decât în urma unui acord comun, ceea ce de fapt era imposibil de realizat în condițiile contradicțiilor permanente dintre marile puteri²². Astfel, tratatul de la Paris din anul 1856 nu a satisfăcut dorințele Principatelor. Turcia, care era dușmană Unirii, a fost însărcinată să dea firmanul de convocare a divanurilor ad-hoc.

Conducătorii luptei naționale își dădeau seama că Unirea va putea fi hotărîită și impusă numai de către forțele interne. Din primăvara anului 1856 lupta pentru Unire a luat o amploare mai mare. În ambele Principate s-au format partide naționale, care aveau comitete centrale și județene. Gazetele «Steaua Dunării», «Concordia», «Românul» duceau propagandă unionistă. Se organizează adunări, la care se luau hotărîri de a uni Moldova cu Muntenia.

Mișcarea unionistă avea loc în condiții diferite. În Muntenia caimacamul A. Ghica avea o atitudine de înțelegere față de unioniști. Caimacamul Moldovei N. Vogoride făcea totul pentru a împiedica Unirea. Campania de alegere în adunarea ad-hoc a avut loc într-o atmosferă de teroare, listele electorale au fost falsificate. Funcționarii unioniști erau destituiți din posturi, gazetele unioniste au fost închise.²³

Persecuțiile au cauzat o largă mișcare de protest. Colonelul Alexandru Ion Cuza a dat demisia din postul de pîrcălab al ținutului Covurlui, fapt care a avut un mare ecou și a mărit popularitatea lui în rîndul maselor populare. Comisia europeană primea numeroase telegrame, memorii și petiții de protest²⁴.

În urma acestei campanii marile puteri favorabile unirii în frunte cu Franța și Rusia au cerut de la Puterea suzerană anularea alegerilor din Moldova. În caz contrar ele amenințau cu ruperea relațiilor diplomatice²⁵. Situația a devenit foarte tensionată. Multe depindeau de aceste împrejurări, de poziția Angliei, care susținea Turcia și Austria.

Însă în Franța erau cercuri destul de influente, care nu doreau să înrăutățească relațiile cu Anglia. Sub presiunea lor la 6—10 august 1857 Napoleon al III-lea însoțit de Walewski, pregătindu-se pentru război cu Austria se întâlnește cu regina engleză Victoria, primul ministru Palmestron și ministrul de externe Claredon la Osborne (pe insula Wight) și au ajuns la un compromis în virtutea căruia Anglia consimte la anularea rezultatelor alegerilor falsificate din Moldova. Franța în schimb renunța la sprijinirea Uniunii politice depline a Principatelor sub un principe străin și se pronunța numai pentru unire legislativă²⁶.

În urma presiunii și din partea Angliei, Poarta a fost nevoită să anuleze alegerile falsificate în divanul ad-hoc din Moldova. Noile alegeri, care au avut loc la 29 august (10 septembrie) 1857, s-au soldat cu biruința deplină a unioniștilor. La 7(19) octombrie 1857 Adunarea ad-hoc a Moldovei a adoptat cu majoritatea covârșitoare (81 din 83 prezenți) o declarație în care se cerea Unirea Principatelor într-un stat cu numele de România, respectarea autonomiei ei, neutralitatea și inviolabilitatea noului stat și principe străin ereditar. O hotărîre similară a primit și adunarea ad-hoc din Țara Românească. Ambele adunări au luat în discuție și problema țărănească, însă, reprezentanții boierimii s-au opus ideii de împroprietărire a clăcășilor²⁷.

Rezoluțiile adunărilor ad-hoc au fost prezentate comisiei speciale, care a alcătuit un raport, înaintat Conferinței din Paris. La 10 (22) mai 1858 s-a întrunit Conferința din Paris. La prima ședință Walewski a declarat, că soluția, care ar corespunde voinței locuitorilor Principatelor, ar fi unirea Moldovei și a Munteniei într-un singur stat guvernat de un principe străin. Istoricul român L. Boicu considera această declarație un bluf, formularea unei cereri maxime, pentru a-și rezerva teren de retragere²⁸.

Reprezentanții Angliei, Austriei, Turciei și Prusiei s-au opus acestei propuneri, fiecare din punctul lui de vedere.

Reprezentantul englez combătea ideea unirii sub un principe străin și căuta să minimalizeze autonomia Principatelor, să mențină în întregime drepturile Porții suverane. Reprezentantul Rusiei Kiseliyov, cointerestat în slăbirea imperiului Otoman opta pentru păstrarea drepturilor Principatelor. Cu acest scop el a prezentat un memoriu în care se propunea să se fixeze concis drepturile Principatelor ca să nu admită abuzuri din partea Porții. Moldova și Muntenia urmau să dispună de o autoadministrare internă deplină și de dreptul de a se adresa puterilor în caz de încălcare a imunităților. Kiselev a ținut ca în Convenție să fie înscris punctul despre vechile capituleții ale Moldovei și Munteniei, care consacrau autonomia lor. La insistența lui s-a fixat un tribut anual pe care Principatele trebuiau să-l plătească Porții și să fie anulat tributul excepțional, pe care-l plăteau domnitorii, cînd se urcau pe tron.

Conferința n-a îndeștulat dorințele unioniștilor. Singura clauză care vorbea în folosul Unirii era noua denumire: Principatele Unite ale Moldovei și Țării Românești. Se înființa o Comisie centrală pentru adoptarea legilor de interes comun și o Curte de casație pentru ambele Principate cu sediul la Focșani. Armata Munteniei și Moldovei urmau să fie subordonate unui comandant comun.

În schimb, în fiecare Principat trebuia să fie ales un domnitor, o adunare legislativă și un guvern propriu. Astfel, în Principate erau doi domnitori, două adunări legislative, două guverne, două capitale. Domnitorul putea să fie deopotrivă moldovean ori muntean. El trebuia să aibă un venit de 3 mii de galbeni și să se afle 10 ani în funcții publice. Adunările erau alese pe 7 ani. Toți cetățenii Principatelor erau egali în fața legii și plăteau același impozit, puteau fi admiși în funcții publice. Sistemul electoral era bazat pe un cens foarte ridicat de avere. Astfel, dreptul electoral revenea doar moșierilor și burgheziei mari, în timp ce majoritatea poporului era exclusă din rîndul alegătorilor.²⁹

Astfel, Conferința de la 7(9) octombrie 1858 a fost un act diplomatic heteroclit, impus de puteri, prin care problema fundamentală a Unirii a rămas nerezolvată.

Unioniștii au înțeles că Unirea Principatelor poate fi înfăptuită numai cu forțele proprii. Prin articolul 49 al Convenției se institua în fiecare Principat cîte o caimacamie din 3 persoane, care trebuia să pregătească și să efectueze alegerile pentru Adunările electivă ale domnitorilor, să înainteze candidaturile acestor din urmă și să mențină ordinea publică.

În Țara Românească a fost aleasă o caimacamie din conservatori, care au luat măsuri pentru suprimarea libertăților publice, susținând candidatura fostului domn regulamentar Gh. Bibescu, care le garanta privilegiile.

Caimacamii conservatori antiunioniști excludeau din listă membrii Partidului Național și falsificau rezultatele alegerilor. De aceea în Adu-narea electivă munteană conservatorii au obținut majoritatea.

În Moldova doi caimacami: Anastasie Panu și Vasile Sturza i-au susținut pe unioniști, iar al treilea — Ștefan Catargiu era separatist. Drept rezultat al campaniei de agitație desfășurată de ziarul unionist «Steaua Dunării» al lui M. Kogălniceanu, gazeta cu numire semnificativă «Zimb-rul și Vulturul» (Stema Moldovei și a Munteniei) și «România», editată de istoricul B. P. Hașdeu, în Adunarea electivă majoritatea au obținut-o părtașii Unirii.

Această adunare l-a ales la 5 ianuarie 1859 ca domnitor al Moldovei pe Alexandru Ion Cuza — revoluționar pașoptist și adept înflăcărat al cauzei Unirii. Alegerea lui Al. I. Cuza a provocat un entuziasm colosal în întreaga Moldovă³⁰.

Îndată după alegere s-a format un guvern numai din unioniști în frunte cu Vasile Sturza. În componența lui intra și cunoscutul poet, re-voluționarul-pașoptist V. Alexandri³¹.

Conducătorii partidului național au hotărât ca Al. I. Cuza să fie ales și în Țara Românească și astfel să fie ocolite hotărârile Convenției din Paris. Delegația Moldovei trimisă la Constantinopol pentru a comunica re-zultatul alegerilor a trecut prin București și, desigur, a avut contacte cu liberalii radicali unioniști localnici³².

Aceștea din urmă au chemat masele largi la lupta pentru Unire. De aceea chiar din prima zi a lucrării Adunării electivă, la 22 ianuarie (3 februarie) 1859, ea a fost înconjurată de mii de oameni, unii din ei au reușit chiar să pătrundă în sală. Sub presiunea maselor conservatorii au fost nevoiți să-l aleagă pe Al. I. Cuza și domnitor al Țării Românești. «Unirea-spunea pe bună dreptate M. Kogălniceanu — eu nu recunosc ni-mănui dreptul să zic că-i actul său individual, proprietatea sa exclusivă. Unirea e actul energetic al întregii națiuni române»³³.

Însă dubla alegere a lui Al. I. Cuza trebuia să fie recunoscută de marile puteri. Cu acest scop A. Cuza trimite în capitalele occidentale adepți speciali. Primindu-l pe V. Alexandri împăratul Franței l-a preve-nit că Convenția de la Paris este un act oficial european, semnat de șap-te puteri; el trebuie respectat... să vă pregătiți nu de a silui evenimen-tele, ci a profita de cursul lor³⁴.

Poarta împreună cu reprezentanții Austriei și Angliei voia să încea-pă o intervenție în Principatele Unite. Al. I. Cuza a organizat la Flo-rești (la nord de Ploiești) o tabără militară, care trebuia să opună re-zistență în cazul unei eventuale intervenții a armatei turcești și austrie-ce³⁵. Însă, desigur, o armată nu prea numeroasă, doar de 12 mii de sol-dați români, n-ar fi putut să oprească puhoiul otoman. Rolul hotărîtor în preîntîmpinarea intervenției l-au jucat Franța și Rusia. Răspunzînd la propunerea diplomaților turci de a participa la intervenția în Principate, Gorciacov, ministrul de externe al Rusiei, a declarat «că drapelul Rusiei nici odată nu va filfia alături de semilună»³⁶ și s-a exprimat categoric împotriva intervenției turcești în Principate.

În sfîrșit, după lungi tratative cu diplomații englezi și sardinieni, la 7 aprilie, la Paris a fost chemată o nouă conferință la care Franța, Ru-sia, Anglia, Sardinia și Prusia erau gata să recunoască dubla alegere a lui Al. I. Cuza. Turcia și Austria erau categoric împotriva. Dar înfrîn-gerea în războiul franco-sardino-austriac a silit Viena să cedeze. Turcia nu putea să se împotrivească una singură și la 6 septembrie a recunoscut și ea faptul împlinit³⁷.

Dubla alegere a lui Cuza și recunoașterea ei de marile puteri a avut urmări adânci pe plan politic și social-economic. Acesta a fost primul pas pe calea înfăptuirii statului unitar român. Unirea a grăbit consolidarea orînduirii capitaliste în țară, a deschis drum larg reformelor burgheze, dezvoltării social-economice în România, mișcării revoluționare și de eliberare națională pentru formarea unui stat român modern-premisa cu-ceririi independenței și suveranității României.

Note

- ¹ Axenciuc V., Tiberian I. *Premize economice ale formării statului național român*. — București 1979. P. 61.
- ² Platon Gh. *Istoria modernă a României*, — București, 1985. P. 145.
- ³ *Istoria României V, IV*, — București, 1964. P. 184—185. *Istoria poporului român*. Sub red. A. Oțetea. — București, 1970. P. 387.
- ⁴ Constantinescu N. N. *Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare în România*, — București 1959. P. 128—129.
- ⁵ *Istoria României, V, IV*, P. 186
- ⁶ Axenciuc V., Tiberian I. Op. cit. P. 62.
- ⁷ *Istoria României V. IV*. P. 190, 194—196.
- ⁸ Ravaș Gh. *Din istoria petrolului românesc*, — București 1957. P. 36.
- ⁹ *Istoria României. V. IV*, 197—201.
- ¹⁰ *Istoria poporului român. Sub red. A. Oțetea*, — București 1970. P. 388—389.
- ¹¹ Berindei D. *Epoca Unirii*, — București 1979. P. 29.
- ¹² Negri C. *Versuri. Proză. Scrisori*. — București 1909. P. 1—3.
- ¹³ Bălcescu N. *Opere. V. IV*. — București 1964. P. 133.
- ¹⁴ Berindei D. *Din începutul diplomației românești moderne*. — București, 1965. P. 112—114.
- ¹⁵ Boicu L. *Austria și Principatele Române în vremea războiului Crimeii*. — București, 1972.
- ¹⁶ Berindei D. *Epoca Unirii. P. 37—38*.
- ¹⁷ Boicu L. *Geneza «chestiunii române» ce problemă internațională*, — București 1975. P. 130—135. *România în relațiile internaționale, 1699—1939* — Iași, 1980, P. 141.
- ¹⁸ Berindei D. *Epoca Unirii. P. 36. România în relațiile internaționale*. P. 142.
- ¹⁹ România în relațiile internaționale. P. 144—145.
- ²⁰ Архив внешней политики России МИД СССР (Arhiva politicii externe a Rusiei MAE URSS) Ф. Канцелярия, 1857, д. 21, л. 106—107.
- ²¹ Виноградов В. Н. *Россия и объединение румынских княжеств*. — Москва, 1961. С. 96—98.
- ²² *Acte și documente privitoare la Unirea Principatelor. V. II*, 1082—1086.
- ²³ Berindei D. *Epoca Unirii. P. 38—48*.
- ²⁴ Neagoe St. *Istoria Unirii românilor*. — București, 1986. P. 366—374.
- ²⁵ Ricker T. W. *Cum s-a înfăptuit România*, — București, 1944. P. 129—134.
- ²⁶ Виноградов В. Н. *Россия и объединение румынских княжеств*. С. 170—171; Jelavich B. *Russia and the Rumanian National cause*. Indiana University Publication, 1859. P. 15—16.
- ²⁷ Berindei D. *Epoca Unirii. P. 51—67*.
- ²⁸ *România în relațiile internaționale*. P. 161.
- ²⁹ АВПР, Ф. Посольство в Лондоне, д. 293, л. 4—5.
- ³⁰ *Acte și documente... V., XII*, p. 280—287.
- ³¹ Berindei D. *Epoca Unirii*, P. 76—89.
- ³² Platon Gh. Op. cit. P. 176—177.
- ³³ *Gîndirea social-politică despre Unire (1859)* P. 314—315.
- ³⁴ Alexandri V. *Extract din istoria misiilor mele politice în «Convorbiri literare» an. XII, N 2 din 1 mai 1878*. P. 41.
- ³⁵ Чертан Е. Е. *Великие державы и формирование Румынского независимого государства*. — Кишинев 1980. С. 63—64.
- ³⁶ Центральный Государственный архив Октябрьской революции, ф. 828, оп. 1, д. 1414, л. 211—212, 215—216.
- ³⁷ Archives diplomatiques. Recueil de traites et d'histoire, 1866. P. 160—165.

CUPRINS СОДЕРЖАНИЕ

Studii Исследования

<i>Cojocaru Gh.</i> Cu privire la problema Adunării Constituante în Basarabia în anul 1917 (?)	3
<i>Советов П. В.</i> Молдавский средневековый город как центр властвования	14
<i>Chirtoagă I.</i> Formele de proprietate feudală pe pământurile Chilieii, Akkermanului și ale Benderului (1484 — anii 60 ai sec. al XVI-lea)	28

Comunicări Сообщения

<i>Козма В. И.</i> Художественная культура Молдавии в условиях партийного руководства	29
---	----

Istoriografie Историография

<i>Жигня К. Л.</i> Социально-психологические аспекты политики США в отношении СССР, Болгарии и Румынии после второй мировой войны (современная американская историография)	48
--	----

Plai natal Красоведение

<i>Istrati C., Macovei A.</i> Vechi sate de pe valea Prutului mijlociu	60
<i>Haidariș D.</i> Materiale documentare în ajutorul cercetărilor istoriei sateilor și orașelor din Moldova (II)	68

În ajutorul profesorilor de istorie В помощь преподавателям истории

<i>Certan E.</i> Unirea principatelor	74
---	----

DIN SUMARUL NUMERELOR URMĂTOARE

- Pactul Molotov-Ribbentrop și consecințele lui pentru Republica Moldova
- Проблемы истории молдавской средневековой культуры в послевоенной историографии
- Manifestarea mecanismului de frinare în dezvoltarea artei în Republica Moldova în anii 60-80
- Carol al XII-lea la Varnița
- Из истории общественно-политической жизни Румынии (II): Личностные и межличностные факторы политического успеха в период 1866-1918 гг.
- Din istoria satelor din Republica Moldova (cronică)

CHIȘINĂU „ȘTIINȚA” 1991

REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI

Redactori P. Andrieș, D. Boicu
 Pictor V. Șico
 Redactor artistic E. Mușino
 Redactor tehnic V. Meriacre
 Corector V. Pastuh

Dat la cules 26.04.91. Bun de tipar 07.06.91. Formatul 70X108 1/16. Coli de tipar conv. 7,0. Impr. conv. 7,53. Coli editoriale 7,68. Hîrtie pentru cărți și reviste. Tipar înalt. Caractere literare. Tirajul 5430. Comanda 144. Pretul 1 r. 20 c.

Editura „Știință”, 277028, Chișinău, str. I. S. Grosul, 3
 Adresa colegiului de redacție: 277612, Chișinău, bd. Ștefan cel Mare, 1

Tipografia editurii „Știință”, 277004, str. Petru Movilă, 8